

КРИМИНАЛЬНЫЙ РОМАН. КОЛЛЕКЦИЯ

Е Л Е Н А

ТОПИЛЬСКАЯ

ТАЙНЫ СЛЕДОВАТЕЛЯ

НАЦИОНАЛЬНЫЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Криминальный роман. Коллекция

Елена Топильская

**Тайны следователя. Ход
с дамы пик. Героев не
убивают. Овечья шкура**

«Издательство АСТ»

2018

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6

Топильская Е. В.

Тайны следователя. Ход с дамы пик. Героев не убивают.
Овечья шкура / Е. В. Топильская — «Издательство АСТ»,
2018 — (Криминальный роман. Коллекция)

ISBN 978-5-17-176001-4

Сборник объединяет романы о трудных расследованиях Марии Швецовой в те годы, когда дела о тяжких преступлениях относились к подследственности прокуратуры, а Следственного комитета еще не существовало. Но преступников не волнует специфика правоохранительных органов — убийства, кражи и должностные преступления совершаются в любую историческую эпоху. Кто сделает решающий «Ход с дамы пик» — следователь или таинственный убийца, который выходит на охоту по субботам? Все жертвы — дамы, и это случайность или идея фикс маньяка? Ведь дамы — разные, как карты в колоде: юная девушка, пожилая матрона, озабоченная домохозяйка. Марии Швецовой предстоит понять, что объединяет все эти преступления, а еще у нее сын-подросток и сложная личная жизнь. «Героев не убивают», их увольняют, как говорят опера и следователи. Похищение жены крупного бизнесмена среди бела дня, серия нападений на пункты обмена валюты, ограбление ювелирного магазина — каждый день новое происшествие и порой непонятно: это борьба преступных авторитетов или большая политика. Особенно трудно расследовать дело, если подозреваемый — твой товарищ, которого ты знаешь много лет и с которым съел нуд соли, а те, кто входят в следственную группу, явно играют не на стороне следствия. «Овечья шкура» — отличная маскировка для кровожадного волка. Марию Швецову просят взяться за дело о гибели старшеклассницы при очень странных обстоятельствах. Удивительным образом это дело переплетается с убийством мелкого предпринимателя, которое рискует остаться вечным «глухарем», если бы не подруга потерпевшего — идеальная свидетельница, которая помнит все и на все готова, лишь бы убийца был найден и наказан.

И всё это время преступник рядом со Швецовой. Успеет ли она понять, что оказалась практически лицом к лицу с маньяком?

УДК 821.161.1-312.9

ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-17-176001-4

© Топильская Е. В., 2018

© Издательство АСТ, 2018

Содержание

Ход с дамы пик	7
Конец ознакомительного фрагмента.	107

Елена Топильская
Тайны следователя. Ход с дамы пик.
Героев не убивают. Овечья шкура

© Елена Топильская, 2025

© ООО «Издательство АСТ», 2025

* * *

Ход с дамы пик

* * *

Господи, как мне хотелось спать! Как же мне хотелось спать! Я думала, что стоит мне положить голову на подушку, как я провалюсь в сон, да не тут-то было. И подушка была мягкая, и одеяло теплое, но эти уроды устроились прямо у меня над головой и бубнили, и бубнили, да еще и звенели бутылками, и демонстрировали любовь к ближнему, противными голосами спрашивая: «Машка, пиво будешь? „Балтика“, „тройка“, мы для тебя брали!» При этом любящие ближнего даже и не ждали моего ответа, булькая припасенной якобы для меня «тройкой», и продолжали чирикать о своем, о девичьем, и только телефон не звонил, подозрительным молчанием взрачивая в моей душе тревогу. Я накрылась одеялом с головой и, подумав, еще положила сверху подушку, но пивные лясы проникали и сквозь такой надежный фильтр.

А может, я сама подсознательно не давала себе отключиться от действительности, против своей воли прислушиваясь, не зазвонит ли телефон... Последнее это дело – пытаться заснуть в полуметре от серого аппарата, соединяющего комнату дежурного следователя с дежурной частью ГУВД. Хотя я сама много раз наблюдала, как заведующий дежурным отделением судебно-медицинской службы спокойно спит, прислонясь головой к столику, сотрясающемуся от грохота электрической пишущей машинки, но стоит нежно звякнуть телефончику – мгновенно открывает глаза. Нет, не судьба мне все-таки выспаться на дежурстве...

– ...Это у зама по опер был день рождения, что ли?

– Да нет, у Кольки Асланова, у следователя из РУВД.

– А кто был?

– Ну кто... Опера, урки, в общем – все свои. Они сначала на работе усугубили, потом поехали в лесопарк. Знаешь, как Колька догоняется, когда лень в лабаз тащиться? Я как-то с ним День милиции отмечал; так вот, он, уже изрядно пьяный, «тачку» останавливает посреди лесопарка и из своего табельного макарова стреляет в воздух. Я его за руки хватаю, лепечу – мол, ты что, сейчас повяжут... А он мне – все нормально, подожди. Через пять минут патрульно-постовая подкатывает. На выстрелы примчались. Коля стекло опускает, его ж все знают, и ласково им говорит: «Мальчики, стоняйте в лабаз, а?» Что ты думаешь? Поехали... Ну вот. После кабинетной пьянки именинника потянуло на природу, погода-то хорошая. Их шесть человек набилось в служебный «фордешник», потащились в лесопарк, а там какой-то пикник у главы администрации намечался, охрана зеленые насаждения прочесывала, и их вежливо попросили отвалить и больше не показывать свои пьяные рожи – они ж все по гражданке были. Ну вот. Они снялись и поехали... Машка, пиво будешь?

– Да, Машка, «тройка», ты ж его любишь...

– На чем я остановился?

– На Машке.

– Нет. О чем я говорил? А-а! Они отъехали метров на пятьдесят, встали в кусты и решили: будем маскироваться. А тут мимо какой-то мужик шел с двумя ведрами зеленой краски. Они у мужика ведра отобрали и в целях маскировки плеснули на рувэдэшный «форд» – ну, под зеленые насаждения закамуфлировали...

– И на стекла?!

– Говорю тебе, весь «форд» зелененький. Причем автослесаря потом удивлялись: как можно было так машину покрасить – ни единого, ну ни единого потека! Если красить в авто-

сервисе, ну хоть пара потеков, да останется. А тут – ровнехонький слой, но и стекла тоже под цвет машины. Машка, пиво будешь?

– Не отвлекайся.

– Ага! Ну вот, они замаскировались и продолжают отмечать, а тут по лесу крадется охранник главы администрации. Он и вякнуть не успел, как они его связали, кляп в рот, в багажник его засунули и опять за свое. А тут рация охранника ожила, того коллеги ищут. Колька Асланов рацию взял, а оттуда: «Кто говорит? Кто?..» Ну, прозвучала известная фраза про пальто... Через две минуты пришли охранники, человек пять. Но наши тоже не лыком шиты – всех вырубил, в кусты побросали... Короче, группу захвата пришлось из города вызывать. Брали их со щитами и автоматами... Потом ребята удостоверения показали, и им велели в главк ехать, а машину служебную на стоянку. Ну они и поехали в город.

– Как? Стекла же в краске!

– Ну так! А все равно туман был, и без краски ни хрена не видно. Но ребята не растерялись. Они на капот посадили эксперта из РУВД, он самый трезвый был...

– А что так?

– Да у него язва, он и не пил совсем – ну, литра полтора только. Ну вот, представляешь – сидят гаишники на посту и видят: выплывает из тумана такой кентавр, сначала показывается человеческая фигура, задумчиво плывущая по воздуху, потом выясняется, что вместо задницы у него – абсолютно зеленая машина без окон, без дверей.

Оба дежурных медика залились пьяненьким смехом, и даже я не выдержала и хрюкнула под своим акустическим фильтром – одеялом и подушкой, и – вот он, долгожданный момент – наш веселый телефончик тоже решил присоединиться к всеобщему веселью и радостно затренькал. Звонил дежурный.

– Але, Мария, это ты?

– Привет, Дмитрич, – ответила я сдавленным голосом, отчасти из-за сдерживаемого смеха, отчасти из-за акробатической позиции, которую я заняла, чтобы не уронить на пол подушку, удержать в руке телефонную трубку и не высунуться слишком из своего теплого гнезда в холодную комнату. Оба эксперта тут же протрезвели и стали внимать каждому моему слову, так как от исхода беседы зависело, останемся мы в главке развлекаться каждый в меру своего разума, я – в бесплодных попытках выпаться, а они – попивая пиво и травя байки, или один из них отправится вместе со мной в темень, дождь и холод к очередному мертвому телу, которое требуется обслужить по всем правилам судебной медицины и криминалистики. Я давно заметила, кстати, что мертвое тело получает такое количество внимания от довольно обширной группы представителей власти, какое человеку при жизни и не снилось...

– Собирайтесь, ребята, – скомандовал нам по телефону оперативный дежурный Муха. – Труп с ножевыми в парадной. Машина под парами, криминалиста подберете по дороге – он уже с районным следователем отработал на Правом берегу.

– Глухарь?

– А ты как думала, Машенька?

– А потерпевший кто?

– Девочка шестнадцатилетняя, родители послали за хлебом.

– Изнасилование?

– Нет.

– Разбой?

– Черт его знает, одну сережку сняли, копеечную. В общем, приедете – на месте разберетесь. Счастливо тебе, Машенька. Район твой, так что работать будешь на себя, а не на дядю Васю.

– Труп? – страдальчески спросил доктор Лева Задов. Судя по драматическим модуляциям голоса, была его очередь ехать.

- Труп, – злорадно подтвердила я.
- Поле?
- Парадная.
- Уф! – Доктор Задов перевел дух.

Да, в поле сейчас труп осматривать грустновато. Хотя еще и не очень поздно, шесть часов вечера, но темнеет сейчас рано, пока приедем, начнем осматривать, уже не будет видно ни зги, да еще и дождичком помочит. Нет, в парадной – это нам подфартило. Я кряхтя вылезла из-под одеяла, туда тут же юркнул довольный Панов и укрылся с головой. Из-под одеяла он прогундосил:

- Что, сегодня Муха на пульте?
- Ага.

Хороший мужик Владимир Дмитрич Муха, подумала я, застегивая сапоги. Добрый, отзывчивый и с пониманием, хотя я-то его люблю вовсе не за это. А за то, что, как доложил мне когда-то разговорчивый криминалист, ожидавший меня в дежурке, Дмитрич на его вопрос – кто из следователей едет, добродушно ответил: «Да Машенька Швецова. Хорошая баба, у нее ноги от плеч растут». И сразу что-то теплое разлилось у меня в сердце, и Муха навеки попал в число моих лучших друзей, хотя, наверное, и не подозревал об этом.

Попрощавшись с Пановым, которому не терпелось нас вытолкать и поспать, мы с Задовым потрусили по длинному главковскому коридору и вниз по лестнице: я – с дежурной папкой, он – с тяжелым экспертным чемоданом.

Машина действительно была под парами, причем даже не на стоянке – любезный водитель подкатил к самому парадному подъезду. Мы с Левкой устроились на заднем сиденье. По дороге, уже после того как мы выбрали криминалиста – хорошо знакомого Женю Болельщикова, который сразу заполнил собой все свободное пространство милицмейской машины, – эксперты начали обсуждать, что нас ждет на месте происшествия.

- Муха говорит, что ни на изнасилование, ни на разбой не похоже, – поделилась я.

– Да ты слушай больше Митрича, – забормотал Задов, – он тебе скажет... Вот на той неделе звонит, говорит – в подвале бомж старый помер, на своем драном черном клифту лежит, распорядитесь оформить. Я спрашиваю – а его кто-нибудь трогал, этого бомжа? Митрич свое гнет: к нему, мол, не подобраться, но местные опера через лаз в подвале хорошо этого бомжа видят и клянутся, что повреждений на нем нету. Ну что, мы все-таки не решились оформлять, съездили. Оказалось, что в подвал все-таки проникнуть можно, а бомж, умерший своей смертью на черном ватнике, при ближайшем рассмотрении оборотился двадцатилетней девушкой в белом пальто, с перерезанным горлом. Вот и слушай после этого Митрича.

- Подменили труп, – хладнокровно прокомментировал Болельщиков.
- Во-во, и местные опера так сказали.

Но этим случаем Лева не ограничился, и чтобы скоротать дорогу, оба с наслаждением перемывали Дмитричу косточки как раз до места назначения.

А местом назначения оказалась огромная гулкая парадная в старом питерском доме, из тех, где на полу изразцами выложен год постройки дома, а перед лестницей стоят две мраморные нимфы, изрядно траченные жизнью. Одна из нимф явно перенесла сифилис, поскольку вместо носа на ее лице зиял провал; грудь ее была исписана именами влюбленных аборигенов, а на спине красовался бубновый туз.

– Живописно, – пробурчал за моей спиной Болельщиков, с трудом протискиваясь между милицмейскими начальниками, которые толпились в парадной. – Мне тут уже делать нечего, полковники все следы затоптали.

– Снимай обувь с полковников, – посоветовала я, испытывая те же чувства, что и криминалист: следователи, натерпевшиеся от бесцеремонности эмвэдэшных чинов, хронически нарушающих следовую обстановку – то звонить начнут в РУВД по телефону, еще не обра-

ботанному криминалистом на отпечатки пальцев, то грязными ботинками пройдутся по девственному линолеуму, на котором до их прибытия виднелся след ноги преступника, – так вот, натерпевшиеся следователи давно уже, сдавая дежурство, кричали, что будут брать у всех милицеских чинов отпечатки пальцев для сравнения с обнаруженными на месте происшествия и снимать с них ботинки на идентификацию со следами обуви преступников.

– А вот и сниму, – угрожающе, но очень тихо, чтобы, не дай бог, не услышал кто-то из полковников, пообещал Женя.

В кильватер нам пристроился Задов, который застрял, договариваясь с водителем главного транспорта, чтобы тот подождал хотя бы пять минут, пока мы определимся – наш или не наш случай, а то потом не уедешь. Когда же мы добрались наконец до трупа, секунды хватило определить: наш случай. Врачи «скорой» перевернули тело – к нашему приезду оно лежало на спине. Детское лицо, волосы забраны в два хвостика, под расстегнутым пальто – домашнее платье. Пока я здоровалась с местными операми и уточняла обстоятельства, Левка Задов быстро натянул резиновые перчатки и присел возле трупа, распахнув на нем пальто и показав мне залитое кровью платье на груди. Я взяла из рук участкового инспектора справку, оставленную «скорой помощью»: ну конечно, «смерть до прибытия, множественные колото-резанные ранения передней половины грудной клетки» – доктора со «скорой» не утруждаются считать раны.

– Они насчитали десять, сбились и больше не стали смотреть, – пояснил участковый. Он протянул мне еще несколько бумаг. Объяснение матери убитой девочки – я быстро просмотрела по диагонали неровные строчки. Понятно, девочка спокойная, домашняя, училась хорошо, врагов не имела. Мать тоже. С отцом в разводе уже десять лет. Коммуналка. Все соседи – милые люди. Объяснение жительницы квартиры на первом этаже, которая слышала крики в парадной, выглянула, увидела лежащую окровавленную девочку и тут же позвонила в «скорую» и милицию – спасибо ей. Судя по ее наблюдениям, все произошло в считанные секунды – гулкий хлопок двери парадной, шаги, крики, топот ног убежавших.

– Что-нибудь добавите? – спросила я участкового, показав на листочки объяснений.

– Пока нет, – пожал он плечами. – А девочка действительно хорошая, я ее фамилии до этого не слышал. Ни с наркоманами, ни с проститутками малолетними не тусовалась. А то бы я ее знал.

Положив объяснение в папку, я присела около Левы.

– Сколько, Лева? – спросила я, имея в виду количество ножевых ран.

– Пока двенадцать проникающих, – сосредоточенно ответил он, не отрываясь от леденящих душу манипуляций, с помощью которых мы получаем представление о том, когда наступила смерть. Введя в глаза трупа пилокарпин, он продолжил: – И еще поверхностных штук восемь. Орудие колюще-режущее, довольно тонкое.

– Я надеюсь, местные патрулируют по территории, – поделилась я с Задовым. – Судя по ранам, кровь должна была фонтанировать, он небось с головы до ног запачкан?

– Нет, Маша, – серьезно сказал Задов. – Смотри.

Он приподнял голову убитой и отвернул ее губы, показав мне слизистую оболочку.

– Видишь? – Он посветил фонариком. – Мелкоточечные кровоизлияния. Он напал на нее сзади – одной рукой, сгибом локтя, обхватил ее, одновременно зажав ей рот, и держал, а другой рукой наносил удары. Поэтому крови на нем нет.

– Господи, а зачем так жестоко резать? Серьги снять? Да девчонке ножик покажи, она все, что хочешь, и так отдаст. И почему одну серьгу только сняли? Вторую не успели? Женщина из первой квартиры помешала?

– Похоже, наркоманы, – Лева пожал плечами. – Они обычно поля не видят, под балдой и не дотумкали, что убивать не надо...

– Ой ли? – Я с сомнением покачала головой. – Наркоман бы встал перед ней и тыркал бы ножом, не заботясь, в крови он или нет. А? А тут видишь, какой дальновидный злодей – захват сзади. Во-первых, ей деваться некуда – ни убежать, ни вырваться, во-вторых, кровь на него не попадает...

– Господи, куда мир катится! – поцокал языком подошедший сзади Болельщиков. Он вытащил из кофра бутерброд с сыром и шумно жевал его. – В три часа дня, в субботу, в собственной парадной!

– Хватит трескать, Болельщиков, – сказала я эксперту, не вставая с корточек. – Кто работать будет?

– Ты сначала «менталитет» выгони, чтобы я мог начать фотосъемку, – с набитым ртом отпаривал Болельщиков, которому комплекция диктовала очередной прием пищи не более чем через полчаса после предыдущего. Поэтому его криминалистический кофр на пятьдесят процентов был набит не пакетами для вещдоков и не баночками с порошками для выявления отпечатков пальцев, а жратвой – бутербродами да пирожками. Я ворчала для порядка, зная, что через три минуты, заправившись, Женя отработает свою часть на все «сто». – И Задову скажи, чтобы он положение трупа восстановил, – пробурчал Болельщиков, тоже для порядка, просто так, чтобы последнее слово осталось за ним.

Я с кряхтением выпрямилась, заслужив язвительное замечание Задова: «Да, не бабочка вспорхнула», и, ответив ему примирительным: «Старость не радость, Левушка», пошла разгонять лишних, которых набралось около дюжины. Впрочем, милицейские начальники как будто этого и ждали – и с облегчением стали расходиться по своим важным делам. Я немножко задержалась только со старшим наряда из главка – старым моим знакомым опером, ушедшим в ГУВД в отдел по раскрытию убийств года два назад из нашего района.

– Паша, ты еще не всех тут забыл с земли, – с надеждой обратила я на него взор. – Кто это может быть? Действительно наркоманы? Вроде бы непохоже...

– Ты знаешь, Мария, – серьезно сказал мне Паша, – в прошлом месяце я дежурил, так в соседнем районе аналогичный труп был. Правда, не такая молоденькая, женщина лет тридцати, шла домой из магазина, с сумками, в лифте ее замочили в три часа дня. Сняли цепочку. Там было десять ножевых, все спереди...

– Ну?! – поторопила его я.

– Из сумок ничего не взяли, и деньги целы, довольно крупная сумма. – Он замолчал, мне снова пришлось его поторопить.

– И что же?

– Что за идиот – цепочку снимает, а кошелек, который из сумки торчит, с реальными деньгами, не трогает?

– Может, спугнул кто?

– Труп нашли сразу, муж нашел. Говорит, что никого на лестнице не видел. В квартирах с первых этажей дома вообще никого не было.

– Думаешь, есть связь?

– Думаю, не маньяк ли пошел... Ну ладно, бывай, Мария, я тебе Андрюху Синцова подошлю, без обид.

– Да уж какие тут обиды, – искренне сказала я. – Спасибо, и от души, если так.

– Он через полчаса подъедет, может, еще что интересное расскажет, ты еще явно тут будешь с осмотром колупаться.

Паша откланялся, а я стала озираться, ища, на чем мне пристроиться писать протокол. Женя Болельщиков тем временем пошел в квартиру на первом этаже подключать переносную лампу, чтобы надлежащим образом осветить место происшествия, и заодно вынес мне оттуда кухонную табуретку. Я подвинула ее поближе к трупу, стараясь не попасть ножками табуретки в ручейки уже застывающей крови, и достала из дежурной папки бланк протокола

осмотра. Машинально закладывая между двумя экземплярами копирку и скалывая скрепкой листы, как я делаю это уже много лет и, видимо, буду делать еще столько же, невзирая на всеобщую компьютеризацию (впрочем, некоторые продвинутые следователи на месте происшествия делают черновые пометки, а у себя в прокуратуре перепечатывают их в протокол на компьютере), я пыталась мысленно сконструировать картину происшествия: девочка вошла в парадную, сверху – с лестничной площадки, оснащенной широким насиженным подоконником, спустилась группа наркоманов, ожидавших кого-нибудь, потенциальную жертву ограбления... Спрашивается, зачем убивали? Ради того, чтобы снять с девочки украшение, которое даже продать нельзя, – одну дешевенькую сережку? Черт их знает, этих наркоманов...

– А кстати, почему мы все зацепились за наркоманов? – спросила я Леву Задова, стоящего над трупом в позе дачника, вскапывающего огород. Он тут недавно ездил в чисто поле, где часа четыре в дождик осматривал покойника, – все посмеивались, что капюшон экспертам надо пришивать к другому месту, у Левки намокло именно оно...

– Из-за множественности ранений, каждого из которых хватило бы для причинения смерти, – не разгибаясь, ответил мне Задов.

– Иначе говоря, из-за того, что для достижения преступного результата были употреблены явно несоразмерные усилия, противоречащие здравому смыслу?

– Они хотят свою образованность показать и все время говорят о непонятном, – пробурчал неслышно подкравшийся сзади Болельщиков. И как это он свою тушу так бесшумно переносит?

– Я думаю, что за наркоманов мы зацепились из-за того, что во-он там, на площадочке, полно использованных шприцев, кое-какие свеженькие, – продолжил Болельщиков, протягивая мне на листе бумаги три одноразовых шприца, в которых по стенкам лениво перекатывались какие-то бурые капли. – Машка, ты пишешь уже? Это я прямо с подоконника забрал – аккуратно, на бумажку. Сейчас на пальчики обработаю, все пригодится.

– Спасибо, Женя, положи вот сюда, только смотри, чтобы никто не наступил. – Я благодарно кивнула Женьке. – Даже если эти наркоманы, которые там на площадочке тусуются, и не при делах, то хоть как свидетели сгодятся.

– Ага, – Женя шумно перевел дух. – Я вон, когда в квартиру ходил лампу подключать, мне тетка там сказала, что дверь парадной дважды хлопала.

– Вот как? – Я подняла глаза от протокола. – Значит, сначала выбежали убийцы, а потом – сверху – наблюдатели рванули? Может, те самые наркоманы с площадки? Там у них постоянный клуб...

– Убийца. – Это подал голос эксперт Задов; он уже проделал с трупом все, что от него требовалось, и теперь заполнял листочек с описанием трупных явлений. Все, что он там написал, – и сведения о наличии или отсутствии трупного окоченения, и то, как ведут себя трупные пятна при надавливании динамометром, и как реагирует зрачок при введении раствора пилокарпина в переднюю камеру глазного яблока, и кое-что другое, – все это послужит для определения времени наступления смерти. Хотя в нашем случае время смерти точно зафиксировано в медицинских документах – карте вызова «скорой помощи»...

– Что, Лева?

– Я говорю, не убийцы, а убийца. Мне почему-то кажется, что он был один. – Лева устало вытер пот со лба тыльной стороной руки в резиновой перчатке.

– Ты знаешь, мне тоже это приходило в голову. Надо поискать среди приятелей этой девочки – может, она вчера не с тем в кино пошла, а сегодня ревнивый поклонник ей объяснил, что надо соблюдать верность.

Болельщиков, перематывающий в фотоаппарате пленку, включился в разговор:

– Задов, тебе просто кажется или есть веские доводы?

– Что убийца был один?

– Ну да.

Лева подошел ко мне, подняв руки в окровавленных резиновых перчатках, и выставил бедро, как латиноамериканская красотка.

– Машка, ну-ка, прикури мне. Сигареты вот здесь, в кармане. Ай, щекотно же!

Я послушно достала из Левкиного кармана пачку сигарет и зажигалку, прикурила сигарету, и Левка, нагнувшись ко мне, прихватил ее зубами.

– Угу, – промычал он, затягиваясь.

– Не за что, родной. Так есть веские доводы?

– Элементарно, Ватсон. – Задов приосанился, готовясь прочесть нам с Болельщиковым лекцию по криминалистике. – Исходя из параметров ран, орудие было одно. Судя по весьма краткому периоду времени, в течение которого наносились ранения, это орудие было в руках у одного человека, никому не передавалось. А если убийц было несколько, то что делали остальные? Стояли и смотрели? Тогда они не убийцы...

– Сразил. – Я перевернула лист протокола. – Ладно, хорош трепаться. Я вход в парадную описала, давай привяжем труп к двери и лестнице и поехали по наружному осмотру.

– Это мои гениальные дедуктивные выкладки ты называешь «трепаться»? – деланно возмутился Задов.

– Ребята, вы когда-нибудь вслушивались в то, что вы говорите? – пропыхтел из-за моей спины Болельщиков. – «Привяжем труп», «поехали по наружному осмотру»... Или вы не русские?

– Женечка. Это же арго, профессиональный жаргон. Что тебе не нравится? – удивилась я.

– Какое арго, Марья? Ты с рождения так изъяснялась. Я же помню, как сто лет назад, ты еще стажерочкой была, звонила домой с места происшествия и маме говорила: «Мама, я сижу на трупе». А все почему? Нет культуры языка.

– Бог с ней, Женя, – махнула я рукой. – Для нас главное – культура следственного производства. Важно то, что я в протоколе напишу, а не то, что я шепотом говорю участникам осмотра. Ведь Левка меня понимает и веревкой труп привязывать не собирается. А наоборот, сейчас продиктует мне данные о положении трупа по отношению к двери парадной и лестнице. Если тебе так больше нравится.

– Что это с ним? – шепнула я Лева, когда Болельщиков, ворча, отошел. Не успел Левка ответить, как Болельщиков резко обернулся и завопил:

– Я интеллигентный человек! Во где мне ваш жаргон ментовский!

– Женя! Прости, конечно, но среди нас ты один – мент, а я-то как раз следователь прокуратуры!

– Тем хуже! – отрезал Женя.

Я выразительно посмотрела на Левку Задова, и он, махнув рукой в сторону необъятной спины Болельщикова, присел над трупом и начал диктовать мне:

– Труп несовершеннолетней Антоничевой лежит на полу парадной... Маша, как пишем – как «скорая» оставила? На спине? – Я кивнула, и Лева продолжил: – ...На спине, головой направлен в сторону входной двери в парадную, ногами в сторону лестницы, руки раскинуты в стороны, ноги сведены, вытянуты...

Оглянувшись на Женю и убедившись, что тот уже вне пределов слышимости, Задов отвлекся от описания трупа и с большим удовольствием сообщил мне, что Женя недавно пострадал за отсутствие культуры языка.

– Представляешь, Машка, Болельщиков дежурил вместе с каким-то молодым уродом-следователем, тот ужрался в сосиску прямо в главке, они поехали на сексуальное убийство старой бомжихи, и следака сначала под лестницей стошнило, а потом он прямо там и упал. Болельщиков себя чувствовал виноватым, поскольку первый выпить предложил. Вот он и стал спасать положение – сам решил все за следователя написать.

– Ну? И что?

– А то. Наш Димка Сергиенко ему продиктовал «задний проход зияет», а Женя под алкогольными парами записал «задний проход сияет». Дальше от себя добавил – «имеются признаки совершения половых актов в верхний и нижний конец пищеварительного тракта».

– Как-как?

– Ну, то есть в рот и задний проход.

– Удачное выражение, – хихикнула я, – надо будет запомнить.

– Вот. По трезвости до такого не додумаешься. Когда протокол привезли в городскую, его там до дыр зачитали, я уже всех перлов и не упомню. Что-то еще типа «в носовых ходах светлая прозрачная жидкость – сопли». Кто-то из надзирающих прокуроров снял копию – и в экспертно-криминалистическое управление с доброй сопроводительной.

– Да-а, тогда конечно. Левка, давай работать, а то так и просидим тут до морковкиных заговинок, а?

– Как скажете, босс. – Левка снова уткнулся взглядом в обнаженную грудь трупа. – Труп девушки нормального телосложения, удовлетворительного питания. На трупе надето...

Дверь в парадную гулко отворилась. Все, кто еще оставался на месте происшествия, разом обернулись на звук. В парадную влетел мужчина в распахнутом твидовом пальто и ослепительно-белом шарфе. За ним вошли двое молодых людей без пальто, в костюмах, двухметрового роста, с профессионально-бесстрастными лицами. Мужчина направился напрямик к трупу, уронив по дороге Левкин экспертный чемодан, в котором что-то звякнуло и булькнуло. Я привстала с табуретки, удерживая папку с протоколом, постовой милиционер сделал шаг навстречу мужчине, но был сметен с его пути двухметровыми сопровождающими, на лицах которых при этом не отразилось никаких эмоций. Мужчина опустился на колени перед трупом, запачкав брюки кровью, щедро разлитой по полу; в лужу попал и край белоснежного шарфа. Он обхватил руками голову девочки, прижался к ней лбом и зарыдал. Сопровождающие терпеливо стояли над ним. Несколько минут слышались только глухие рыдания. Мы все потеряли дар речи, ожидая, чем кончится эта сцена.

Дверь парадной стукнула еще раз, на пороге возникла фигура в генеральской шинели, и постовой сразу вытянулся во фрунт. Начальник ГУВД окинул взглядом место происшествия, кивнул постовому и тихо подошел к мужчине, стоящему на коленях. Приобняв его за плечи, он помог ему подняться. Мужчина, обведя всех невидящими глазами, выпрямился и стал заваливаться на генерала. Генерал кивнул охранникам. Один из них, не меняя выражения лица, вытащил из кармана и протянул начальнику ГУВД упаковку таблеток, тот, одной рукой поддерживая мужчину, другой выщелкнул лекарство и предложил мужчине, после чего передал его с рук на руки другому телохранителю, и молодые люди бережно повели мужчину на выход. Генерал подошел ко мне и поздоровался.

– Вы дежурный следователь? – спросил он. Я кивнула. – Это отец девочки...

– Я поняла, – тихо сказала я.

– Сотрудник администрации президента, – продолжил генерал, – здесь в служебной командировке. Ему только что сообщили... Он с семьей не живет уже несколько лет, постоянно проживает в Москве...

– Нельзя ли его допросить? – заикнулась я, но осеклась под гневным взглядом генерала.

– Не сейчас, – веско образумил меня он. – О чем вы только думаете?

Он повернулся на каблуках и вышел вслед за сотрудником администрации президента. «Ужас», – подумала я. Самое тяжелое на месте происшествия – это даже не лужи крови и не мозги, размазанные по стенам; вот такие сцены – обезумевшие родители над трупами детей – не дают потом спать по ночам.

Ставя в протокол время окончания осмотра, я машинально отметила, что передежурила уже два часа, а еще надо заехать в РУВД поставить штамп с номером КП на материале, да и

невредно допросить свидетелей – все равно дело будет у меня в производстве. А до понедельника свидетели могут что-нибудь забыть.

Значит, сегодня мне забрать моего бэби от отца не удастся. Выходные дни мы с бывшим мужем поделили пополам: суббота принадлежит Игорю – они с Гошкой по субботам плавают в бассейне, а воскресенье мое – мы занимаемся гитарой. Когда птенцу стукнуло одиннадцать, он застенчиво заявил, что если бы он получил в подарок на день рождения электрогитару, ему больше не о чем было бы мечтать в этой жизни. Я просто опешила. Никогда раньше ребенок не заикался о желании заниматься музыкой. Но мое дитя к разговору подготовилось капитально, не только выложив мне на стол прайс-лист из музыкального магазина, но и сообщив, что уже есть договоренность с учителем, которого он сам себе нашел. «Только ты, мама, позвони ему сама, – попросил мой зайчик, – потому что мы с ним обо всем договорились, кроме оплаты. Он сказал, что про деньги будет с мамой разговаривать». Крыть было нечем. Позвонив потенциальному учителю и изучив гитарный ценник, я напилась валерьянки, прикинула, что в этом сезоне мне придется обойтись без зимнего пальто, и мы пошли покупать гитару.

Теперь моя роль заключается в том, что я сопровождаю своего бременского музыканта, с инструментом за плечом, к учителю и просиживаю час под дверьми, наслаждаясь звуками дуолей и триолей. Мне-то самой слон на ухо наступил, несмотря на то, что удовольствие от музыки я получаю. И я очень боялась, что слон прошелся по ушам и моего потомства. И даже намекнула учителю, что у Гошки, похоже, проблемы с музыкальным слухом. На что учитель невозмутимо ответил, что никогда не интересуется у учеников, есть у них слух или нет, учит – и все. Вроде бы все научились и никто не жаловался.

Так что в музыкальном активе моего Гошки уже «Во поле береза стояла», еще жуткая история убийства криминальным авторитетом по кличке «Прожорливое брюшко» несчастного безобидного зеленого кузнечика и парочка крутых рифов панковской группы «Оффспринг». Музыкальные занятия у нас в три. Поэтому, если я сегодня зависаю на дежурстве, завтра придется, не выспавшись, вскакивать и нестись за ним на другой конец города к бывшему мужу. Привозить детку домой, снаряжать на занятия и исполнять свой родительский долг в полном объеме.

Но на подобных происшествиях я запрещаю себе даже думать о своем ребенке, отгоняю любые воспоминания. Все-таки мысль материальна.

Вот и все участники осмотра погрузились: одно дело возиться с остывшим трупом, который мы воспринимаем как объект работы, – тут уж никуда не деться, и мы стараемся не думать о том, что это чей-то родной человек; и совсем другое дело – надрывающие душу глаза родителей...

В полном молчании мы погрузились в машину, никто и слова не проронил, пока мы не добрались до районного управления внутренних дел. Эксперты остались дремать в машине, а я вылезла на морозный воздух и поплелась в дежурную часть.

Синцов, обещанный мне старшим наряда, так и не объявился. В дежурке ошивался только молоденький опер, на чьей территории произошло убийство. Я вяло спросила, в курсе ли он, что отец убитой девочки – сотрудник администрации президента. Надо было видеть священный ужас, отразившийся на его лице. Он робко заикнулся про передачу дела в ФСБ с соответствующим оперативным сопровождением, но тут же сам себя и обрезал:

– Да нет, не возьмут. Только влезать будут и на заслушивания дергать...

Я с ним согласилась, ко мне это относилось точно так же. Оперативник сообщил, что задержанных нет, даже местные наркоманы, напуганные вестью об убийстве, попрятались по углам. Единственная ценная информация, которую удалось получить в результате поквартирного обхода, – это то, что за пять-семь минут до происшествия в парадную входила женщина, живущая на пятом этаже. В парадной никого не было, даже наркоманы на подоконнике не сидели. Придя домой, она высказала удивление этим обстоятельством, и ее сосед по квартире

ей сказал, что утром наркоманы собрались тут, как обычно, но он их шуганул. Мы с опером сошлись на том, что соседей ночью беспокоить не стоит, – им и так сегодня досталось. Из-за оргстекла, отгораживающего сотрудников дежурной части от заявителей, мне помахал рукой помдеж Ромашкин. Я открыла дверь дежурной части и прошла к его столу.

– Мария Сергеевна, ты по городу дежуришь или по району, я не понял? – спросил меня Слава Ромашкин, записывая данные о возбужденном мной уголовном деле в книгу происшествий.

– Да по городу, Слава.

– Все равно не понял. На часах двенадцатый. А по городу дежурный в девять меняется.

– Чего ты не понял, Ромашкин? Я ж не брошу труп посреди осмотра с криком: «Моя смена кончилась».

– А что? Сегодня утром медик приехал по постановлению следователя ногти стричь насильнику. Два ногтя состриг, положил в конвертик, а по радио говорят: «Московское время девять часов». Он мне конвертик на стол и в машину – прыг. Я за ним, а он – мое время истекло, я пришлю смену. Вот так-то, Мария Сергеевна. Остальные ногти уже другой доктор резал.

– Небось доктор Трепетун выезжал.

– Точно.

– Мы его меняли. Вот было бы здорово, если бы он во двор вышел, а машина уже уехала, поскольку у нее тоже смена кончилась.

– А чего, не любишь этого доктора?

– Жлобов я не люблю. Он не у станка стоит, чтобы с последним ударом часов пойти мыть руки.

– Ну не все же такие фанатики, как ты.

– Ну и не все такие пофигисты, как Трепетун. Слава, можно, я позвоню?

– Говори номер, я тебе наберу.

Я продиктовала Ромашкину номер телефона моего бывшего супруга, взяла трубку, уведомила Игоря о том, что Хрюндику предстоит ночевать у него, и быстро разъединилась, не дав собеседнику возможности заклеить меня, как отвратительную мать и развратную женщину. Игорь наверняка ни на минуту не поверил в мое затянувшееся дежурство и уже открыл рот, чтобы высказать версию о том, что в данный момент я пью водку с мужиками. Но я его знаю как облупленного и всегда ломаю ему кайф. Ромашкин по моему лицу понял смысл разговора и сочувственно кивнул:

– Не бери в голову, Машка. Сколько вы уже в разводе?

– Три года.

– И он все успокоиться не может?

– Да ну, даже не здоровается со мной. Спасибо, хоть трубку перестал бросать, когда я звоню.

– Да-а, значит, любит крепко.

– Слава, какое «любит»? Три года уже прошло. Три года!

– Ну и что? Не забыть ему тебя. Заела ты мужику жизнь.

– Ну да, конечно. Все вы, мужики, одинаковы. Мы – твари. А вы – все в белом.

– Не злись, Машка, просто я его очень хорошо понимаю.

– Знаешь, Слава, я ему зла не желаю, дай бог, чтобы у него все было хорошо, и я не представляю, как можно три года брызгать слюной...

На пульте у Ромашкина начался трезвон, и он приник к своим кнопочкам. А я побрела в машину, где сладко спали, обнявшись, оба эксперта. Женька облапил Задова своей пухлой рукой, а худенький Задов трогательно склонил голову на Женькину богатырскую грудь. Им хорошо, они до утра дежурят, а мне надо быстро доехать до главка, настрочить рапорт о результатах выезда и попробовать добраться до дому, поскольку экстренных допросов не намечалось.

Перед парадным подъездом ГУВД я растолкала сладкую парочку, вытащила из машины Левку, а Болельщиков устроился поудобнее и снова захрапел, поскольку до их дежурки предстояло еще ехать. Левка висел у меня на плече и стонал, что хочет спать – выпитое пиво даром не прошло, – поэтому потащился за мной в дежурку, где я оставляла ключи от следовательской комнаты.

В дежурке я доложила Мухе и спросила, не сможет ли он меня отправить домой. Дмитрий ответил, что в данный момент все в разгоне, только что моего сменщика отправил на очередное убийство, но пообещал, если что подвернется, не забыть про меня. Я по-дружески поцеловала его в щечку и вышла из дежурки, забрав Левку, обиженно косившегося в сторону, пока мы с Дмитричем целовались.

– Правильно тебя муж ревновал, – пробурчал Задов. – Что ты ко всем целоваться лезешь?

– Да не ко всем, Лева, а только к кому чувствую душевное расположение.

– Нашла к кому чувствовать...

– Ну вот ты еще меня будешь ревновать...

Конечно, Левка Задов к Мухе относится с подозрением. Года два назад мы тоже с Левкой дежурили, ночью съездили себе спокойненько на некриминальный труп, в два часа ночи отстрелялись, вернулись в главк и даже зашли в дежурку с Мухой потреться. Он с нами покалякал, но по делу ни слова не сказал, а в семь часов утра прервал мой сладкий сон сообщением о том, что с часа ночи нас ожидают развратные действия, и не где-нибудь, а в Колпине. Я, как сознательный следователь, пошла будить экспертов – все-таки до конца дежурства еще два часа, неудобно отказываться от выезда, особенно если учесть, что вызов был в час ночи. Ну, Наташа Панова, второй эксперт, меня сразу послала под углом к горизонту, перевернулась на другой бок и стала досматривать сон. Я поныла немного над ухом у Задова, и его сердце дрогнуло, он, крихтя, поднялся и стал собираться, придумывая и для меня, и для Мухи самые страшные эпитеты. Доехали мы только в десятом часу, когда наша смена уже кончилась. Но делать было нечего – раз приехали, пришлось работать. В три пополудни, ожидая машину в Питер, переработав шесть часов, мы с Задовым дышали свежим воздухом перед зданием местной милиции. Задов на меня демонстративно не смотрел, и я робко оправдывалась, что, мол, Муха обещал, что за полчаса доедем... Задов же на мое лепетание нервно ответил – ага, Муха, может, и долетел бы (и руками, как крылышками, наглядно похлопал по бокам). Вот с тех пор и дует на него.

Не успели мы с Левой подняться к себе «на базу», как затрезвонил телефон в комнате дежурного следователя. Я отперла дверь, и первым до телефона допрыгнул Лева.

– Одну минуточку. Машка, это тебя. – Он протянул мне трубку. Оттуда донесся надтреснутый голос родного прокурора.

– Мария Сергеевна, почему меня не вызвали на место происшествия?

– Владимир Иванович, да там был рядовой осмотр...

– Вы же знаете, что по приказу генерального я обязан выезжать на «глухие» убийства. А если еще убита дочь сотрудника администрации президента...

– Владимир Иванович, если хотите, потом распишетесь в протоколе. Я материал заберу, не буду оставлять дежурному, который меня меняет. Это же наш район, я, может, завтра еще подпрашиваю кого-нибудь...

– Ладно. Осмотр что-нибудь дал?

– Ничего особенного. Способ убийства установили – преступник сзади захватил жертву, зажав ей рот локтевым сгибом, и удары наносил, прижимая жертву к себе.

– Значит, крови на нем может и не быть?

– Может и не быть.

– Что еще?

– Собрала с ладоней трупа микрочастицы, с пола парадной, но...

– Понятно, это до экспертизы. Я завтра буду в прокуратуре, доложите мне дело. А до утра отдохните.

– Спасибо, Владимир Иванович, – пробормотала я, соображая, как мне выкручиваться с музыкальными занятиями Хрюндика, если шеф хочет, чтобы я завтра вплотную занялась свежим делом. В глубокой задумчивости я опустила трубку на рычаг, но телефон тут же зазвонил снова.

– Дежурный следователь Швецова, слушаю.

– Машка, ты уже три часа как не дежурный следователь, – прошептал Задов, но я отмахнулась.

– Мария Сергеевна, это некто Синцов, привет.

– Ой, Андрей, наконец-то! – Не знаю почему, я облегченно вздохнула. Все-таки я не одна в выходной буду ломать голову над тем, кто зверски убил тихую домашнюю девочку...

– Извини, я на место не смог подъехать. Ты там еще долго будешь?

– Нет, рапорт настрою и домой.

– А как домой будешь добираться? Метро закрыто.

Опа! Вот об этом я не подумала. Социальные гарантии, предоставленные нам Федеральным законом о прокуратуре, не простираются так широко, чтобы обеспечить усталого следователя транспортом для доставки с дежурства, даже если ты малость переработал.

– Мне там Муха кое-что обещал, – пролепетала я, отчетливо понимая, что если бы у Мухи транспорт в мою сторону наклонился, я бы уже ехала домой. А так прождать можно до утра, когда метро откроется. Только мне совершенно не улыбалась перспектива ночевать в главке. Скоро с убоя вернется дежурный следователь (я-то уже три часа, как сменилась), нам придется спать «валетом», под одним одеялом, всю ночь будет трезвонить телефон, и мой коллега будет выяснять у районных оперов, нельзя ли спихнуть материальчик в родственные службы, а поняв, что нельзя, начнет препираться по поводу того, что еще они должны отработать до его приезда. Как правило, взгляды оперов и следователей на объем работы своих и чужих подразделений сильно расходятся...

Правда, еще меньше меня вдохновляла перспектива моего ночного проезда до дома и особенно – прохода по темной и опасной парадной к собственной квартире.

– Але-у! Маш, ты еще не заснула?

– Нет, Андрей, прикидываю, что страшнее – остаться ночевать в главке или ехать ночью домой.

– Если, конечно, у тебя есть мотивы тут переночевать, я вмешиваться не буду...

– Нету мотивов... – Сзади слышались хрюканье и глухой стук – это Задов, внимательно слушая наш разговор по параллельной трубке, колотил себя лапой в грудь, что должно было означать «Я! Я – мотив!».

– А с Задовым в одном помещении ночевать буду только по приговору суда. – Задов с трубкой в руке упал на разломанный следовательский диван и изобразил лебедя, умирающего от несчастной любви. Я свободной рукой стукнула его по спине и продолжила разговор.

– А если ты хочешь ночевать дома, могу подбросить, – раздалось в трубке.

– Хочу! – завопила я, подскочив на месте.

– Тогда спускайся.

– Лечу!

Я быстро покидала в сумку свои постельные принадлежности (много лет назад моя наставница – опытный следователь – мне посоветовала брать с собой на дежурство простынку и наволочку, все приятнее будет коротать редкие мгновения отдыха, постелив чистое бельишко на засаленный казенный матрас), за две минуты сочинила рапорт с отчетом о дежурстве по городу, указав в нем, что свежевозбужденное уголовное дело я забираю с собой, приняв его

по указанию районного прокурора к своему производству, и намереваюсь работать по нему в ближайший выходной, увы.

Пихнув в бок успевшего заснуть Задова, я помахала ему ручкой и выбежала в ночь.

На первом же перекрестке Синцов заложил такой крутой вираж, что меня бросило прямо на него, и я невольно прижалась щекой к его мягкой куртке.

– Извини, – сказал он, выравнивая машину. – Испугалась?

– Нет, – ответила я, усаживаясь поудобнее. – Я тебе доверяю.

Он удовлетворенно кивнул. Синцовские способности водить машину в экстремальных условиях я знала давно. Он мог и по тротуару проехать, если не хватало места на проезжей части, и вписаться с точностью до миллиметра в зазор между трамваем и каким-нибудь джипом, да еще и на солидной скорости. А тихо он вообще не ездил, приговаривая: «Тормоза придумал трус». При этом я совершенно не испытывала страха, сидя рядом с этим милицейским Шумахером, – и вправду доверяла.

А от его куртки пахло табаком и еще таким почти неуловимым запахом, по которому можно безошибочно узнать одинокого мужчину. Одинокого – это такого, у которого нет жены; приходящие любовницы не в счет. Или жена есть, но только по паспорту, а на самом деле они с ней давно уже существуют, как параллельные прямые, не пересекаясь своими жизнями. Я этот запах научилась ловить не хуже служебной собаки; так пахнет от каждого второго опера.

– Тебя что, жена бросила, Андрюшка? – спросила я, стараясь, чтобы вопрос звучал шутиливо. Но Андрей, как я и ожидала, не улыбнулся. И даже не повернулся ко мне, продолжал смотреть на дорогу.

– Ты торопишься?

– Я? Да в общем, нет. Ребенка дома нет, так что до утра я совершенно свободна. А что?

– Может, посидим, кофейку попьем? Я тебе как раз расскажу и про маньяка, который женщин мочит, и про то, что меня жена бросила.

Я растерялась.

– Извини, я не хотела...

– Чего ты извиняешься? – Он остановил машину около круглосуточной забегаловки напротив районного управления внутренних дел. Бывала я тут неоднократно, это такой оперской притон, где за смешные деньги можно прикинуться важным барином и посмаковать крепкий кофе, да еще если учесть, что всех местных оперов здесь знают в лицо и по имени и за неделю до зарплаты начинают отпускать им в кредит...

Я подождала, пока он закроет машину, и мы вместе вошли в плюшевое кафе совершенно советских времен. Занят был только один столик. Под тусклыми бра на пластиковых стульях сидели несколько человек в сигаретном дыму, склонившись головами друг к другу. По всей видимости, шло обсуждение текущих оперативных разработок. Или результатов последнего матча «Зенит» – «Алания».

– Есть будешь? – спросил меня Андрей.

– Ты что! – Я вяло изобразила возмущение.

– Хочешь сказать, что ночью ты не ешь? Не ври.

Я покайнно склонила голову. Конечно, я ем ночью. Как и девяносто девять процентов следователей, которые иногда только ночью получают возможность наесться за все сутки.

– Ладно, как хочешь. Тебе чай или кофе?

– А сливки к кофе тут есть?

– Только в наборе с марципанами. Сгущенка тебя устроит?

Я кивнула и стала вытирать со стола липкое пятно случайно застрявшим в дырявом стаканчике огрызком бумажной салфетки. Краем глаза я наблюдала, как Андрей, подойдя к стойке, любезничает с пышногрудой пожилой буфетчицей – вот ей-то он улыбался. Так и есть, он без денег, поскольку буфетчица открыла какой-то талмуд и внесла туда соответствующие

записи. Потом она поставила на поднос тарелку с двумя бутербродами с сыром, две чашки кофе и аккуратно налила в бокал сто граммов коньяку. Улыбнувшись ей еще раз, Андрей бережно понес снедь к нашему столику.

– Ты же за рулем, – укорила я его, кивнув на коньяк.

– А где руль? – поднял он брови, и опять без улыбки. – Ты не составишь мне компанию?

– Составлю, – решила я. Конечно, стоит мне выпить, особенно после трудового дня, глаза тут же начнут закрываться, но зато, может, я хоть немножко сниму напряжение, накопившееся за долгое дежурство по городу. Каждому следователю и оперу наверняка знакомо это чувство, когда после рабочего дня или ночи невозможно переключиться на обычную жизнь, вроде ты уже свободен – закончил допрос, сменился с дежурства, а тебя все еще перетряхивает, и ты нет-нет, да и крутишь в мозгу отдельные эпизоды «войны» и ловишь себя на том, что не слышишь окружающих.

Андрей кивнул и пошел к буфетной стойке. Когда он вернулся со второй порцией коньяка, мы тихо чокнулись. Андрей закрыл глаза и вдохнул аромат из бокала. А потом одним тягучим глотком выпил коньяк и выжидательно глянул на меня.

– Я так не могу, залпом.

– Да пей ты, как сможешь. В этой забегаловке на удивление приличные коньяк и кофе.

Я пригубила из бокала и пожалела, что заказала кофе со сгущенкой, лучше бы я выпила туда коньяк. Все-таки крепкие напитки не для меня. Синцов, внимательно посмотрев на меня, словно прочитал мои мысли.

– Все такая же ты, Швецова, извращенка: сто лет на следствии, а пить не научилась и курить небось тоже. Не закурила?

– Бросила в восьмом классе, – машинально ответила я.

– То есть?

– Когда я училась в восьмом классе, мальчик, который мне нравился, стал курить, ну и я закурила, в воспитательных целях, чтобы показать ему, как это некрасиво. Мальчику было пофиг, а вот мне не понравилось, я и бросила.

– Понятно. Уже тогда ты мужиков воспитывала.

– Ага, только на четвертом десятке поняла, что мужика не перевоспитаешь. Что выросло, то выросло.

– Молодец, что хоть сейчас поняла. Вообще до женщин это не доходит.

– А что, ты пострадал от перевоспитания?

Синцов пожал плечами:

– Устала?

– Устала, – ответила я тихо. Я действительно очень устала. И это была самая отвратительная усталость, которая опустошает до самой последней клетки. Та усталость, которая держит, не позволяя отдохнуть.

– Но еще соображаешь?

– В меру способностей.

– Ладно, помучаю тебя кой-какими подробностями. Ешь. – Он подвинул ко мне блюдо с бутербродом, и я послушно откусила кусок. – Значит, так. Две недели назад, тоже в субботу, в три часа дня гражданка Иванова, тридцати лет от роду, возвращалась домой из магазина. С тремя сумками в руках она зашла в парадную своего дома на улице Левина, но до квартиры не дошла. Ее труп был обнаружен мужем, вышедшим на шум.

– Ножевые?

– Десять колото-резаных, все спереди.

– Что взяли?

– Сняли с шеи золотую цепочку.

– Нормально.

– Да, если учесть, что из открытой сумки торчал кошелек, набитый деньгами.

– Набитый – это что значит?

– Около пяти тысяч. В десять раз больше, чем стоит цепочка, которую, между прочим, еще нужно толкнуть.

– Может, ему нужна была именно цепочка. Невеста заказала.

Синцов ухмыльнулся. Мы оба вспомнили давнее дело: молодой человек накануне собственной свадьбы «снял» девушку облегченного поведения в баре на Фонтанке, удовлетворил свои сексуальные притязания, а потом стал ее убивать, причем в ход пошло все, что было под рукой, – утюги, мясорубки, лукорезки, даже гриф от штанги. Мозги по стенам летали, останки девушки соскребали с лукорезок. А молодой человек после всего снял с руки жертвы обручальное кольцо, которое от души подарил своей невесте. Адвокат, защищавший его на следствии, все время мурлыкал песенку «Обручальное кольцо – не простое украшение»...

– Короче, Андрей, ты считаешь, что это один злодей?

– Значит, так, Маша, я ничего не считаю. А посмотреть дело надо. Скажу сразу – осмотр был хреновый, за полчаса нащрабали протокол, ничего не изъяли да и лестницу сразу затоптали.

– Ну и чего ты от меня хочешь? Дело-то в другом районе...

– А ты попроси его в производство. Договорись в городской прокуратуре...

– Добрый ты. Знаешь, сколько у меня своих?

– Да не больше, чем обычно. Ага?

– Ты мне лучше скажи, что мы будем делать по свежаку? По трупу Антоничевой?

– Что-что... Назначишь экспертизы...

– Это я и без тебя знаю. Версии какие?

– Местные наркоманы.

– Так.

– Отвергнутый возлюбленный.

– Так.

– Что «так»? Ты сама-то поучаствуй. У тебя какие версии?

– Никаких, Андрей, кроме тех, которые ты назвал. Да, кстати, папа девочки – сотрудник администрации президента.

– Да-а? – Андрей присвистнул. – Ты не находишь, что это меняет дело?

– И что? Убийство девочки, с которой папа не живет уже десять лет, с целью воздействия на администрацию президента? За уши притянуто.

– Может быть, может быть... А другие дети есть у этого папы?

– Понятия не имею. Папу допросить не удалось. Маме надо хоть чуть-чуть в себя прийти. На неделе допрошу. Ты мне лучше скажи, ты со мной работаешь?

– А ты еще не поняла? Павел меня отрядил в полное твое распоряжение. С учетом трупа Ивановой... Ну и еще парочки трупов в других районах.

– Ага, и еще двадцати пяти оперативно-поисковых дел прошлых лет. А я, как одна из жен в гареме, буду годами ждать свидания. – У меня сам собой закрылся один глаз – результат употребления крепкого спиртного на ночь глядя. Я подняла веко пальцем, поскольку усилием воли глаз открываться отказывался.

– А выход, Машуня, знаешь, какой?

– Знаю. Попросить все твои трупы в свое производство. Шантажист.

Синцов довольно ухмыльнулся.

– Ты не представляешь, Маша, насколько удобнее работать с одним следователем, чем мотаться по городу, всех вас обслуживая.

– Андрей, поехали, отвезешь меня домой, – взмолилась я. – Видишь, я уже пальцами веки держу, чтобы не уснуть прямо тут, за столом. Завтра позвони, вместе сходим к шефу докладывать.

– А работать сегодня не будем? – фальшиво удивился Синцов. – Я бы парочку наркотов отловил, ты бы их допросила...

– Шантажист и садист. Поехали, – сказала я уже в полусне.

– Ну вот... А чего мы приезжали-то? Коньячку попить? – С этими словами Андрей заглянул в мой бокал, вылил остатки моего коньяка себе и одним махом допил его. – Уплочено.

Это было моим последним впечатлением от дежурства. Дорогу домой я помню как в тумане, и как в тумане происходил мой вечерний туалет перед отходом ко сну. То, что он все-таки имел место, я поняла, проснувшись утром в надлежащем виде – в расстеленной постели, со смытой косметикой, намазанная кремом. Начиналось воскресенье – новый трудовой день.

Ученые всерьез изучают природу сна, вычисляют, что значат те картинки, которые скрашивают нам ночной отдых от жизни. У меня есть своя теория природы сновидений. Когда отдыхающий организм перестает требовать от мозга работы, а мозг перестает отделять мысли от впечатлений, он просто зачерпывает щедрой пригоршней клеточки с информацией о том, что мы видели, слышали и осмысливали сегодня, вчера, месяц или год назад, перемешивает наподобие цветных стекляшек в калейдоскопе и рассыпает перед нашими закрытыми глазами. Вот и все.

Я проснулась на кадре просторной парадной в историческом центре и уже поняла, что проснулась, хотя перед моими глазами еще стояла панорама этой просторной парадной, усеянной телами женщин. И около каждого тела стоял убийца, около каждой жертвы – свой. Тьфу, подумала я, нет, чтобы приснилось что-нибудь приятное, создающее настроение. Хотя вполне понятно, почему калейдоскоп выкинул мне именно этот набор впечатлений.

На часах было одиннадцать, мне следовало быстро вскочить, глотнуть чая и нестись за сыном на двух видах транспорта.

Умывшись, я заглянула в чайник. Вчерашняя заварка вызвала у меня отвращение. Я открыла холодильник и минуты три тупо разглядывала полки, но ничто из имевшихся там продуктов не разбудило во мне аппетита. Ну и ладно.

До метро я добежала так быстро, что даже не успела понять, какая на улице погода. Зато ожидая трамвая, я от души нахлебалась промозглого холода и мерзкого морозящего дождя. В трамвае все пихались и орали раздражающе громкими голосами, кондуктор с нематыми волосами отпускал пошлые шутки, протискиваясь между безбилетниками. Грязная и вонючая дворняга, невеста за кем увязавшаяся в трамвай, улеглась прямо мне на ноги, похрюкивая от удовольствия, и вытерла свои непотребные космы о мои сапоги.

До дома Игоря я доехала в состоянии тихого бешенства. Войдя в подъезд, я подумала, что если лифт не работает, я просто лопну от злости. После полуторасуточного дежурства и рваного сна подниматься на шестой этаж по идиотской лестнице, которая в 137-й серии наших блочных памятников архитектуры наглухо отделена от квартир и лифтовой шахты и на которой, ежели что приключится, можно оборотаться, ни одна душа тебя не услышит, да еще и свет там хронически не горит, – для меня это слишком.

Но лифт работал. Нажимая кнопку звонка, я молила бога, чтобы Игорь сдал мне ребенка молча, потому что отчетливо понимала – если он что-нибудь вякнет, я устрою такой скандал с истерикой, что мало не покажется. Как говорит моя коллега – старший следователь городской прокуратуры Корунова, мягкая и женственная мать семейства – «Я, когда домой с работы прихожу, сразу домашних предупреждаю: прячьте ножи...»

К счастью, открыл мне не бывший муж, а ребенок, мокрый и запыхавшийся.

– Собирайся, Хрюндик, – сказала я, потрепав его вспотевшие вихры. – А чего ты такой взъерошенный?

– А мы с папой играли, – объявил мне Хрюндик, завязывая шнурки на кроссовках. – Мы соревновались.

– В чем?

– В чем? Бегали. То есть я бегал.

– То есть?

– Ну, папа придумал мне такое испытание: он поднимается к нам на лифте, а я бегу по лестнице, и кто быстрее добежит.

Ну вот, пробил мой час. Я задохнулась от возмущения.

– Игорь! – заорала я не своим голосом.

– Ну что? – В дверях появился бывший супруг в халате и шлепанцах. Уже успел переодеться. Замечает следы, злорадно подумала я.

– У тебя как с головой? – голосом тихой стервы начала я.

– Что еще? – подозрительно осведомился он, отступая в глубь квартиры.

Ага, подумала я, забоялся... Ничего, сейчас получишь по полной программе...

– Я хочу понять, ты полный идиот или у тебя еще есть шансы? Как у тебя ума хватило ребенка отправлять одного по этой вашей богом забытой лестнице?! В вашем районе, где маньяк на маньяке сидит и маньяком погоняет?! Вместо того, чтобы глаз с него не спускать, ты... – Я не смогла продолжить, у меня навернулись слезы.

– А что такого? – искренне удивился Игорь.

– Ты действительно не понимаешь? Ты?! Подполковник милиции?

– Да что с ним может случиться? Успокойся, истеричка!

– Лучше быть истеричкой, чем болваном, которому на собственного ребенка наплевать! Гоша, собирайся! – заорала я еще громче и швырнула ребенку шапку.

Игорь покрутил пальцем у виска.

– Что, очередная любовь не удалась? Конечно, только я один мог тебя терпеть, больше дураков нет, – сказал он с иезуитским выражением лица. – Так ты на нас-то свое настроение не срывай.

Испуганный Хрюндик напялил вязаную шапку и вытянулся по стойке «смирно». Я схватила его за руку и потащила к лифту.

В лифте я, отвернувшись, тихо всхлипывала. Ребенок пытался заглянуть мне в лицо, но я закрылась рукой. Выходя из парадной, Гошка продолжал тревожно вглядываться в меня и нечаянно наступил в лужу, обдав себя и меня водой. Я накричала на него, в совершенно недопустимых выражениях требуя, чтобы он смотрел под ноги, не вел себя как свинья и не заставлял мать, и без того уставшую на работе, лишний раз стирать свои и его шмотки, поскольку он дома палец о палец не ударит, а я и работаю, и дома его обслуживаю, и т. д. и т. п. Еще до того как я закончила эту тираду, я отчетливо поняла, что веду себя и впрямь как истеричка, что ни в коем случае нельзя так поступать с ребенком, который к тому же ни в чем не виноват. Однако машинально докричала до конца. И после этого с ужасом осознала, что за неимением рядом взрослого мужчины, на котором я могу сорвать настроение, я срываю его на своем маленьком мужчине, который вынужден терпеть по малолетству. И что неизвестно, какой образ женщины в результате сложится в его неокрепшей душе и как это повлияет на его отношения с женским полом в дальнейшем. В общем, своими руками взрываю грядущее личное счастье ненаглядного сыночка... От этих мыслей я заплакала еще горше, слезы полились уже потоком. Ребенок, еще не подозревающий, что его, по моим прикидкам, ждет тоскливая судьба холостяка, обделенного женской любовью, остановился и заставил остановиться меня.

– Мама, – сказал он серьезно, – ну что ты так расстраиваешься? Ничего со мной еще не случилось. Я больше не буду бегать по лестнице. Ты из-за этого так расстроилась?

– Да, – отведя в сторону взгляд, ответила я. Хотя мой мысленный ответ был более развернутым. Про себя я сказала, что расстроилась так из-за того, что его идиот-отец поливает

меня грязью за отсутствие материнского инстинкта, а сам ставит дурацкие эксперименты на ребенке да еще и не может в его присутствии удержаться от нетактичных замечаний по поводу моей неудавшейся личной жизни. Мне очень хотелось высказаться на эту тему вслух, но у меня еще осталось кое-какое самообладание. Нельзя одному родителю говорить ребенку плохо про другого родителя (хотя я не уверена, что Игорь придерживается такого же принципа).

Мой деликатный мальчик не сказал мне ни слова упрека по поводу моих непедagogичных воплей – взял меня за руку и повел к трамвайной остановке. По дороге я подуспокоилась, и только изредка шмыгала носом. Ребенок молча достал из кармана носовой платок и протянул мне. Тут я подумала, что в некоторых случаях Гошка ведет себя со мной, как взрослый по отношению к неразумному дитяте: никогда не спорит, не пререкается и не отвечает криком на крик, просто замолкает и терпеливо ждет, пока я приду в себя.

Но мне все равно не давала покоя мысль о том, что вокруг полно опасностей.

– Гошенька, – сказала я, беря его за руку перед тем как перейти дорогу к метро, – ты все равно соблюдай правила безопасного поведения...

– Да знаю я все, ма, – откликнулся он. – С незнакомыми не знакомиться, на провокации не поддаваться...

– Ни с кем из посторонних никуда не ходить, – подхватила я. – Даже если очень попросят. Ты же знаешь, сколько маньяков по городу бродит.

– Ма, ну что я, идиот, что ли? Ни с кем я никуда не пойду.

– Даже если тебе что-то пообещают?

– Даже если. А что мне могут пообещать такого?

– Ну, деньги, например. Ты же у меня мальчик прижимистый, денежки любишь.

– Ой, ну сколько денег? За три рубля я никуда не пойду.

– А если сто долларов пообещают?

– Тогда тем более не пойду. Сейчас времена такие, кто ж сто долларов просто так отдаст? Сразу понятно, что маньяк.

Заехав домой, мы забрали гитару под отчаянные вскрики ребенка: «Мама, осторожней, тут струны!», «Мама, не задень инструмент!», «Мама, не толкни меня, я же с гитарой!» и направились в сторону учительского дома. Путь наш лежал мимо осмотренного мною вчера места происшествия, и я, запихнув ребенка на урок, решила пройти маршрутом убитой девочки. Все-таки мне не давала покоя мысль о том, где она встретилась с убийцей? Раз, по данным поквартирного обхода, в парадной никого не было, значит, злодей где-то увидел девочку и пошел за нею. Вот вопрос, где? Она вышла из дома и направилась напрямиком в булочную. Эту булочную я знаю, по выходным, особенно днем, народа там практически не бывает. Надо зайти туда, спросить, не бросился ли продавцам в глаза кто-нибудь из покупателей накануне?

Погода неожиданно разгулялась, светило яркое солнышко, и совершенно не верилось, что вчера здесь произошло убийство и на каменном полу парадной лежал в крови труп, и плакали родители...

Я зашла в булочную и, воспользовавшись отсутствием покупателей, предъявила сонной продавщице удостоверение. Она без эмоций скользнула по нему взглядом, и я спросила, работала ли она вчера в три часа дня.

– Работала, – кивнула она головой, не проявляя никакого интереса к происходящему.

– После обеда много было покупателей?

– Да никого. Девочка только два бублика брала, половинку ржаного и багет.

– Это вы так запоминаете, кто что берет? – поразила я.

– Да она каждую субботу одно и то же берет, я ее знаю.

– По имени знаете? – уточнила я.

– Да зачем мне это надо? В лицо помню. Два хвостика, пальто в клеточку, вежливая такая девочка, всегда мелочь ищет, без сдачи дает.

- Она сразу ушла, как все купила?
- Сразу.
- А кто-нибудь еще входил в булочную, пока она не ушла?
- Не-а.
- А вы не заметили, ее никто не ждал на улице?
- Никто не ждал, сразу пошла налево.
- Спасибо. До свидания.

Продавщица кивнула, глядя в пространство за моей спиной. Идеальная свидетельница, подумала я. Быстро и точно выдает информацию, сама ни о чем не спрашивает. Я вышла из булочной, соображая, стоит ли завтра посылать к ней оперативника – допросить на протокол, или махнуть рукой, ограничившись этим разговором. Все равно к раскрытию этот допрос не приведет.

Дорога от булочной до парадной, где жила потерпевшая, заняла у меня семь минут. Весьма респектабельная дорога, даже ни одной подворотни мне не встретилось. Ни одного места, где могла бы стоять кучка молодых балбесов-наркоманов или просто скучающих представителей золотой молодежи и увязаться за проходившей мимо девочкой. Ни одного места, где мог бы притаиться злодей-маньяк и откуда воспаленный взгляд его мог зацепиться за девочку с детской прической в виде двух хвостиков. Значит, ждали в парадной? Зашли туда непосредственно перед тем, как вошла Антоничева? Зачем? С целью убить ее? С целью убить кого-то другого? С целью убить все равно кого? Хотели просто ограбить, но испугались сами? Надо будет покрутиться в парадной вместе с Синцовым, поприкидывать, какова могла быть диспозиция участников этой драмы, если это было нападение с целью ограбления и если это было целенаправленное убийство. Если хотели ограбить, то должны были стоять лицом к лицу. Может, их было несколько – один стоял перед потерпевшей, другой набросился сзади? А если сразу набросились сзади, то с какой целью? На попытку изнасилования, равно как и на развратные действия не похоже, а что касается разбоя – надо подумать. Сережку все-таки из уха выдернули.

Задумавшись, я прошла мимо дома учителя музыки. Какие-то городские птицы на карнизе надрывались во всю глотку, прямо по-весеннему, и воздух был прозрачным, как весной, несмотря на то, что на дворе стоял октябрь; из открытой форточки учительской квартиры доносились робкие гитарные переборы, и это заставило меня опомниться. Посмотрев на часы, я вошла в парадную. Урок заканчивался, и мне предстояло уговорить Хрюндика на полчаса забрести в прокуратуру, где ждал меня с докладом шеф.

Сквозь терпкий запах кошачьей мочи я ощутила еще какой-то неприятный флюид, до боли напоминавший ароматы мест происшествия, когда переворачивают труп и от него несет гнилостными миазмами вперемешку с застарелым перегаром. Когда глаза привыкли к полумраку парадной, мой взгляд уперся в грузное тело, перегораживающее лестничный марш. Господи, неужели еще один труп женщины, да еще и я его обнаружила! – лихорадочно пронеслось у меня в голове. Не дав этой мысли развиться, тело заворочалось и захрюкало. Распухшая бомжиха сучила ногами в спущенных чулках, пытаясь удобнее устроиться на ступеньках и забыться алкогольным сном.

Плюнув от досады, я с трудом перелезла через эту гору пьяного мяса и, позвонив в дверь квартиры учителя, спросила, нельзя ли воспользоваться черным ходом, поскольку парадный выход на улицу блокирован спящей бомжихой. Учитель не позволил нам воспользоваться черным ходом, а просто-напросто вызвал наряд милиции, чего я, следователь прокуратуры, сделать не догадалась, и бомжиху через десять минут эвакуировали. Путь был свободен.

Как я и ожидала, Хрюндик не проявил энтузиазма, услышав, что мы еще должны зайти в прокуратуру.

– А что я там буду делать? – совершенно логично спросил он. Надо сказать, что мой ребенок терпеть не может проводить время просто так, ему нужно времяпрепровождение со смыслом.

– Поиграешь на гитаре, – предложила я.

– Я уже играл сегодня.

– Детуля, – заканючила я, – мне нужно немножко поработать. Совсем чуть-чуть, а потом мы пойдем домой, а по дороге купим тебе компьютерную игру.

– Торг здесь неуместен, – отрезал детуля. – И вообще, мамочка, ты когда-нибудь можешь посвятить мне выходные полностью? Или у тебя на меня времени не хватает?

Началось, подумала я. Неужели у всех мужиков это в крови, прямо с малолетства – ревновать близкую женщину к работе?

– Малыш. – Я присела перед ним на корточки, и он вынужден был остановиться, глядя на меня сверху вниз. – Я хотела бы проводить с тобой все свое время, и когда-то было именно так. Когда ты только родился, ты нуждался во мне каждую секунду. Но сейчас ты подрос и уже в состоянии занять себя сам.

– Ну и что? – хмуро спросил он.

– Если бы я бросила работу, сидела бы с тобой дома, то это была бы не я. Ты согласен на другую маму?

– Нет, – подумав, ответил он. – Уговорила. Не хочу я тащиться в прокуратуру, но ради мамы придется пожертвовать собой.

– Какой у тебя большой словарный запас, – подивилась я, внутренне возликовав.

– Весь в маму, – пробурчал мой брекенский музыкант, поправляя на плече ремень гитарного чехла. – Кстати, ма. Нам вчера объявили оценки за триместр.

– Ну и чем порадуешь? «Троек» много? – спросила я для проформы, поскольку мой мальчик учился хорошо, на «четыре» и «пять».

– Одна, – ответил он, глядя в сторону и почему-то ухмыляясь.

– Ну и по какому же предмету?

– Ты будешь смеяться.

– Ну-ну?

– По музыке.

Мой чертенок хитро улыбнулся.

– Гоша! За что «тройка»?

– Да у нас учительница какая-то своеобразная...

– Учительница? А может, не надо на зеркало пенять, коли с лицом проблемы?

– Ма, я ценю твой юмор, только у меня в журнале стоят две «двойки» и «тройка». Так что еще спасибо, что не «пара» в триместре.

– Ага, спасибо, – машинально сказала я. – А за что же все-таки «пары»?

– Ну я же сказал, что она своеобразная. Первая «пара» за то, что я смотрел на нее злыми глазами...

– Что?

– Ну она так сказала.

– Так. А вторая?

– А я уже не помню. Наверное, тетрадку не принес.

Все понятно. Как говорит моя подруга Регина, у которой двое пацанов и гораздо больший опыт в общении с педагогами: «Ну что, срочно покупай большой букет – и в школу...»

– Кролик, а тебе самому не смешно? Я бы еще поняла, если бы тебе «пары» ставили за отсутствие музыкальных способностей...

– А кстати, мамочка, что у тебя было по музыке?

– У меня? «Пятерочка».

– «Пятерочка»? – хитро прищурился Гоша. – А ты все время говорила, что тебе медведь на ухо наступил.

– Наступил.

– А за что же «пятерочка»?

– А за то, что я красиво записывала в тетрадку тексты песен.

– А-а.

– Вот так-то. Делай выводы.

За воспитательными беседами и дорога до прокуратуры незаметно пролетела. Когда мы входили в прокураторский подъезд, нам побибикала стоявшая за углом машина, в которой я не сразу признала синцовскую «шестерку». Я придержала дверь и подождала, пока Андрей закроет машину и догонит нас. Он уважительно пожал моему сыну руку, потрогал гитару, обменялся с Гошкой парой непонятных мне музыкальных терминов, и мы пошли по длинному прокураторскому коридору, непривычно пустынному в выходной. Дверь в приемную была открыта, из кабинета прокурора доносилось радио – песни семидесятых годов.

– Гошенька, посиди в приемной немножко, мы быстренько, – заискивающе сказала я, подталкивая ребенка к секретарскому месту.

Он мрачно посмотрел на меня и вздохнул:

– Ну что с тобой поделаешь... А можно, я на машинке попечатаю?

– Конечно, птичка моя.

– А что попечатать?

– А что придумаешь.

Усадив ребенка, я заглянула в прокурорскую берлогу:

– Владимир Иванович, можно?

– Нужно.

За мной вошел Синцов. Шеф вышел из-за стола и пожал Андрею руку, потом указал нам на стулья за столом для совещаний и сам присел не на свое место, а рядом с нами. Я положила перед ним на стол листочки осмотра трупа, сопроводительных, экспертиз – уголовное дело по факту убийства несовершеннолетней Антоничевой. Шеф быстро перелистал материалы, надел на них скрепочку и отодвинул в сторону, но у меня не было сомнений, что все самое важное из этих бумаг навсегда впечаталось в его память.

– Ну что? Серия?

– Владимир Иванович, трудно сказать, – начала я, но меня перебил Синцов.

– Владимир Иванович, Швецова просто не располагает всей полнотой информации. Похоже, что действительно серия. Поэтому я предлагаю собрать дела из других районов и объединить их в производстве Швецовой.

– Мария Сергеевна, вы согласны? – повернулся ко мне шеф. Вот за что я люблю своего начальника, так это за быстроту реакции. Я растерялась.

– Я не готова сейчас ответить. Я выезжала только на один труп, об остальных убийствах знаю только со слов Синцова, да и то не обо всех, даже ОПД не смотрела...

– Зато я успел справки навести, – сказал прокурор. – Всего пять дел, в разных районах, включая последнее убийство – Антоничевой...

Синцов кивнул.

– На первый взгляд – никакого сходства, – продолжил шеф, и Синцов стал смотреть на него подозрительно. – Если объединять дела только по тому признаку, что убиты женщины, так все дела в городе можно поделить на две группы, убийства мужчин и убийства женщин.

– Да ну, Владимир Иванович, – не выдержал Синцов. – Конечно, огнестрелы с ножевыми разбойными под одну гребенку не причешешь, но в этих пяти убоях можно найти общие черты.

– Например? – Шеф прищурился, и я поняла, что раз он уже навел справки и упомянул эти пять дел, он сам прекрасно знает, что общего между этими убийствами, и просто сверяет

свои впечатления с синцовскими. Похоже, я знаю об этом меньше всех, а между тем, если дела объединят, именно мне придется тянуть этот воз.

– Например, все женщины убиты днем в парадных. У всех ножевые ранения. Все убиты без видимого мотива, и у всех похищены какие-то незначительные ценности, в основном украшения.

– Все? – Шеф испытующе смотрел на Синцова.

– Ну почему все? Если покопаться...

– Ну а различия имеются? Что говорит против серии?

– Различия?

– Различия, различия. Или вы на сто процентов уверены, что это серия?

Провокационный вопрос, подумала я. Если Синцов сейчас начнет клясться, что он на сто процентов уверен, шеф к нему потеряет всякий интерес. Пока мы не начали допрашивать преступников, мы ни в чем не можем быть на сто процентов уверены. Шеф нам это столько раз повторял, что я уже считаю это собственной мыслью.

– На сто процентов я буду уверен, когда мы начнем допрашивать злодеев, – не моргнув глазом, ответил Синцов, и я мысленно ему поаплодировала.

– Отлично, – шеф потер руки. – Так что с различиями?

– Ну прежде всего возраст жертв.

– Так.

– Их внешний вид.

– Так.

– Количество ножевых ран.

– И все?

– Да, пожалуй, и все.

– Мария Сергеевна, что скажете? – повернулся ко мне прокурор.

– Владимир Иванович, ну что я могу сказать, если я достоверно знаю пока только про один труп – Антоничевой?

– Очень ответственное заявление. А теоретически?

– А теоретически мне все равно надо хотя бы розыскные материалы посмотреть. Может, я найду больше сходства или больше различий.

– Вот так, да? Кстати, учитывая вашу склонность к анализу, рекомендую обратиться к достижениям криминалистики. Вспомнить, чему вас учили на курсах ФБР.

– Это шутка, Владимир Иванович? – спросил Синцов, готовый рассмеяться.

– Да какая шутка. В прошлом году приезжали фэбээровцы, проводили недельные занятия по расследованию убийств. Мария Сергеевна даже диплом получила об успешном прохождении курса. Вот и используйте полученные знания, Мария Сергеевна. Не зря же я вам позволил тогда неделю развлекаться.

– Ничего себе! – Я возмутилась. – Развлекаться! Я, между прочим, свои дела тогда никому не передавала. И несла двойную нагрузку.

– Но ведь не жалеете?

– Да нет.

– Ладно, кроме шуток, – шеф посерьезнел, – что вы думаете насчет соединения дел?

«То же, что и вы», – подумала я, а вслух сказала:

– Соединять рано. Надо хотя бы ознакомиться с материалами, и работать по нашему делу с учетом всех остальных данных.

Синцов искоса посмотрел на меня:

– Владимир Иванович, может, соединять и рано, но хорошо бы дела сосредоточить у Швецовой в производстве. Не выносить постановления о соединении...

– Конечно, – поддержал его шеф, скрывая улыбку, так как, естественно, догадался, куда клонит оперуполномоченный Синцов. – Для процессуального соединения оснований пока никаких.

– Ну да, соединить ведь можно дела по обвинению одного лица в совершении нескольких преступлений или нескольких лиц в совершении одного преступления, а у нас пока обвинение никому не предъявлено, – продемонстрировал оперуполномоченный Синцов незаурядные знания Уголовно-процессуального кодекса.

Шеф благостно кивал головой, наверняка думая о том, как приятно иметь дело с грамотными людьми.

– Но при этом, – Синцов значительно поднял палец, – вы ведь знаете, как важно, чтобы по делу работал квалифицированный следователь...

Шеф покивал головой с чрезвычайно заинтересованным видом. Мне захотелось убить их обоих. Синцов продолжил:

– Так вот, с делом Антоничевой все в порядке, в квалификации Марии Сергеевны я не сомневаюсь. Но вот с остальными делами – вылы.

– То есть?

– Владимир Иванович, следователей-то нет. В прокуратуре одни дети остались, без опыта, с одними амбициями. Они даже советов не слушают. Считают, что сами все знают лучше всех. Я же не могу за них следственные действия проводить...

– Ну не везде же так плохо, – возразил шеф. – Вот одно из интересующих нас дел, насколько я знаю, в городской прокуратуре у опытного следователя Коруновой.

– Но у нас-то не одно, пять убийств. По одному из дел даже осмотра не было, так участковый полстранички накарябал по поручению работника прокуратуры, язык не поворачивается его следователем назвать...

– Это где же? – заинтересовался шеф.

– Да Маша будет с делами знакомиться, расскажет вам. Экспертизы не назначены, свидетели не допрошены, а вы ведь знаете, через неделю они уже не вспомнят того, что рассказали бы сразу... В общем, еще немного и дела будут загублены навечно. Их уже никто никогда не раскроет. А если мы и раскроем, то ничего не докажем.

Синцов скорбно замолчал. В принципе свою задачу он выполнил. Прокурор обернулся ко мне и стал заглядывать в глаза, но не мог встретиться со мной взглядом, потому что я демонстративно смотрела в окно.

– Мария Сергеевна, – позвал он. – Забираем дела? А?

Так и не глядя на него, я спросила неожиданно сварливо:

– А я-то тут при чем? Вы же уже за меня все решили.

– Ну ладно, ладно, – похлопал меня по руке прокурор. – Раскрыть-то хочется?

– Хочется, – вопреки своей воле призналась я.

– Ну вот. Я допускаю, кстати, что дел в итоге окажется больше. Или меньше. Вы еще с Синцовым сводки посмотрите, надо только определиться, по какому критерию отбирать.

– Я думаю, пока – по отсутствию видимого мотива.

– У-у! – протянул Синцов. – Так знаете, сколько наберется?

– Так! – повернулась я к нему. – Ты работать хотел? Так вот, начинается серьезная работа, с квалифицированным следователем, чтоб не жаловался потом. А вообще, чем больше случаев, тем легче раскрыть, ты же знаешь.

– Ну вот и славно, а лишнее потом само отпадет, – сказал шеф, поднимаясь из-за стола. – Прямо с завтрашнего дня и приступайте, а я с городской договорюсь насчет передачи дел. Да, Мария Сергеевна, надеюсь, вы понимаете, что остальные ваши дела скидывать некому, разве что с Горчаковым поделитесь...

– Да ну, Владимир Иванович, у меня все дела уже в такой стадии, что жалко отдавать. Сама закончу, просто новых особо не подкидывайте.

– Договорились.

Из кабинета прокурора мы вышли под звуки «Летки-енки»: «Как-то ночью по пустой дорожке...» Ребенок, забравшись с ногами на стул, увлеченно читал спецдонесение, валявшееся на столе у Зои, завканцелярией: «Труп неизвестного лица был обнаружен на чердаке под строительным мусором в состоянии сильных гнилостных изменений...»

– Юрист подрастает, – сказал Синцов, кивнув на Гошку. – Ребенок, ты хочешь быть юристом, как мама?

Гоша поднял голову и серьезно посмотрел на него:

– А есть у вас такая работа, чтобы на трупы не выезжать?

– Есть, – сказала я, – сколько угодно: судья, адвокат, помощник прокурора...

– Тогда хочу, – ответил Гоша.

– Скажи мне, Синцов, – спросила я, подняв Гошу со стула и застегивая на нем куртку, – чем объяснить, что я, дуручка, вместо того, чтобы плюнуть на тебя и на пять нераскрытых убийств и заняться личной жизнью, за что меня никто не осудит, так вот, я вместо этого прусь сюда в выходной, соглашаюсь взвалить на себя кучу лишних дел, да еще и радуюсь при этом?

– Тем, что ты дуручка, – сказал Синцов мне на ухо. И я обрадовалась еще больше.

* * *

– У тебя пожрать есть? Здравствуй, Маша! – приветствовал меня мой друг и коллега Алексей Евгеньевич Горчаков, входя утром в понедельник в мой кабинет.

– Леха, день еще только начался, а ты уже голодный. Тебя что, Ленка завтраком не кормит?

– Кормит, – ответил он, не моргнув глазом. – Но уже сорок минут после завтрака прошло. Так у тебя есть сегодня бутерброды?

С этими словами он начал рыться у меня в сумке, стоящей под вешалкой.

– Леша, ты уже совсем! – Я подбежала к нему и выхватила у него из рук сумку.

– А что такого? Я только съестное поискать, а больше ни на что и не смотрел. И даже прокладку с крылышками не заметил, которая у тебя валяется рядом с кошельком. Хоть бы в косметичку убрала.

– Что еще скажешь, чудовище?

– Вот сразу и чудовище! Никто меня не понимает... Ленка тоже орет, что я столько не зарабатываю, сколько ем... А я – мозг, а мозг надо питать...

– Бедненький! – Я подошла к Горчакову, развернула его к зеркалу, висящему у двери, и, приподнявшись на цыпочки, погладила торчащие во все стороны вихры. – Ты на себя в зеркало смотришь?

– А что? – Горчаков выкрутился из-под моей руки и стал тревожно вглядываться в свое отражение.

– Ты уже в свое отражение не помещаешься, – ласково сказала я.

– Да и фиг с ним, – задумчиво ответил Горчаков. – Чего я в нем не видел... Слушай, а у тебя лишних котлеток дома не остается? Или там супчика? Принесла бы на работу, коллегу подкормить...

– Нет, Леха, не остается. Я теперь почти и не готовлю.

– Не для кого?

– Ага. Я сама дома почти не ем, худею, ребенок мой ест редко и избирательно. Блинчики ему сделаю или бульон сварю, и больше ему ничего не надо.

– Да, – вздохнул Лешка, – жалко все-таки, что вы с Александром разошлись. Такая пара была... Ленка до сих пор переживает.

– Бывает, Леша. Но мы же остались в хороших отношениях.

– А толку-то что от ваших хороших отношений? Ну ты сама посмотри: подходите друг другу идеально, любите друг друга... Ты же его любишь?

– Ну... Скорее да, чем нет.

– Заладила. Любишь, по глазам вижу. И он тебя любит...

– Да? – Я усмехнулась.

– Да. Он мне сам говорил. Я тут в морге был, мы с ним языком зацепились, он мне сказал, что до сих пор любит только тебя, что ты для него единственная женщина. Чего тебе еще надо?

– Леша, давай не будем. Тебе все равно не понять.

– Это почему же? Я что, дурак?

– Ты мужчина.

– И что же?

– Как говорил Бендер, поскольку милиционеры могут быть приравнены к детям...

– Но я же не милиционер!

– Но можешь быть приравнен. У нас психология разная. Мы – разные животные.

– Интересно, чем же?

– Да всем. Я никогда не пойму твоей логики, а ты моей.

– Да при чем тут логика? О, дельце новое? – Горчаков схватил с моего стола пачку листов по убийству Антоничевой.

– Хочешь порасследовать?

– Да ни в жисть! – Он отбросил листочки, как будто они жгли ему руки. – А чего за делом? Надежурила по городу?

– Ага.

– Убой?

– Ага.

– Повезло, в свой район выехала.

За дверью стукнуло.

– Лешка, – сказала я, – ты опять свою дверь не закрыл? Там кто-то шастает. Еще дело сопрут...

– Ой, хоть все, – отмахнулся Горчаков.

Тут зацарапались в мою дверь. Горчаков выглянул в коридор и заорал на всю прокуратуру:

– Андрюха! Сколько лет, сколько зим!

Я тоже подошла к двери и выглянула в коридор. Горчаков с Синцовым уже обнимались. Пока они были заняты друг другом, я оперативно поправила челку и подкрасила губы перед зеркалом. Теперь можно и с Синцовым поздороваться.

– А я к Маше, – сказал Синцов, когда они наконец оторвались друг от друга.

– Ах, к Маше! Тогда надо чайку попить! Машка, ставь чайник!

– Давно поставлен, – сказала я. – Пока вы облизывали друг друга, я уже на стол накрыла.

К моему удивлению, Синцов достал из кармана и положил на стол пакет с четырьмя слоеными пирожками.

– Горчаков, – сказала я, – вот и еда прибыла.

– А чего так мало? – разочарованно сказал он, приподняв пакетик. – Мне эти плюшки на один понюх. Надо было десять брать.

– Лешенька, – ласково сказала я, – а тебя вообще приглашали? Видишь, Андрей ко мне пришел. И пирожки принес на двоих, а не на троих. Ведь пять на два не делится? И четыре на три тоже.

– Тоже мне лиса Алиса, – проворчал Горчаков, но руки от пакетика убрал, и даже налил мне чая и чашку подвинул поближе.

– Подлизываешься?

– Подлизываюсь, – признался Горчаков, – в надежде, что из чувства благодарности ты пожертвуешь мне пирожок.

– Слушайте, какие вы меркантильные, – отметил Андрей, с легким удивлением наблюдавший за нами, – вы еще о чем-нибудь, кроме еды, говорить можете?

– Можем, – ответила я, – о пяти нераскрытых убийствах как раз и поговорим.

– Так, что за убийства? Почему я не знаю? – промычал Горчаков с набитым ртом. Пирожок ему и вправду на один понюх.

– Мне дают в производство серию, пять убийств со всего города...

– А я? – подозрительно спросил Горчаков, сделав мощное глотательное движение.

– Что – ты?

– А почему тебе, а не мне?

– Завидно? Потому что я выезжала в субботу на один из этих трупов.

– А я что буду делать?! – заныл Горчаков.

– А на тебя возложена почетная обязанность обеспечить мне спокойную работу по спецпоручению.

– Чего?! – завопил Горчаков, переводя взгляд с меня на Синцова и обратно.

– Того. Я же буду работать по серии, а ты будешь расследовать дела района.

Лешка недоверчиво хихикнул:

– Андрюха, скажи ты ей, чтобы так не шутила с пожилым отцом семейства. Меня же кондратий хватит.

Синцов ласково потрепал его по голове:

– Спи спокойно, дорогой товарищ. Девушка правду говорит.

– Предатель! – повернулся к нему Горчаков. – Нас на бабу променял! Вместо того чтобы поработать со старым другом...

– Ладно, старый, не сердись. Скушай лучше пирожок и перейдем к делу.

Лешка тут же схавал предложенный пирожок и деловито сказал:

– Может, и я на что сгожусь? Рассказывайте.

Андрей вытащил из-за пазухи пластиковую папочку.

– Вот, Маша. Я тебе привез обзорную справку по четырем убоям. Пятый – твой случай, Антоничева. Я на всякий случай и копии фототаблиц захватил.

Я жадно схватила за бумажки и стала читать.

Иванова, тридцати лет, судя по фотографиям с места происшествия, хорошо одетая привлекательная женщина. Если можно судить о привлекательности по вывернутому от ужаса мертвому лицу. Труп на лестничной площадке третьего этажа, перед лифтом. Рядом с трупом в луже крови – брошенная сумка с продуктами. Сверху, наполовину выпав из сумки, – кошелек.

– Сколько, ты говорил, там было?

Синцов отвлекся от разговора с Лешкой и взглянул через мое плечо на фотографию:

– Около пяти тысяч.

– И никто эти денежки не прикарманил? Даже странно.

– А практически сразу ее муж вышел на лестницу и находился там до самого конца осмотра.

– Понятно. – Я перевернула страницу обзорной справки. – А муж-то сам не при делах?

– Черт его знает. Говорит, что вышел на крики, он же труп и обнаружил. Покрутили мы его и так, и сяк, примерили. Вроде нет, но в подозреваемых оставили. Правда, крови на нем нет, но здесь тот же механизм нанесения повреждений, что и по последнему трупу: захват

сзади, прижимает жертву к себе спиной и наносит удары по передней поверхности тела. Эта, кстати, сопротивлялась – видишь, руки все порезаны.

– Может, поэтому и не взяли ничего, кроме цепочки? Она сопротивлялась, кричала, испугались шума, дернули цепочку и бегом?

– Может, и так, но по логике, если это убийство с целью ограбления, сначала должны были дернуть сумку, в которой сверху лежал кошелек. А потом испугаться испугались, но десять ножевых все же успели нанести.

– Согласна. Кроме мужа, версии были?

– Ну грабители местные.

Я кивнула:

– Это понятно. И что?

– По местным я сам поработал, ну, естественно, в контакте с территориалами. Похоже, что чисто. По крайней мере, источники молчат и похожих случаев в окрестностях не было.

– Слушай, а где этот дом? Улицу Левина я представляю, а дом – не очень.

– Знаешь, там возле трамвайной остановки небольшой барчик с игровыми автоматами? С такой яркой рекламой – три семерки, карты, бананы какие-то? Вход с улицы один – в парадную жилого дома и в этот барчик. Игровые автоматы – на первом этаже, сбоку, а чуть дальше – лифт и лестница.

– Так. Пока свободен.

Я стала читать дальше. Анжела Погосян, двадцать три года, убита в субботу, в три часа дня в парадной дома, где на втором этаже живет ее подруга. Труп обнаружен этой самой подругой, которая стояла на лоджии и видела в окно, как Анжела вошла в подъезд, и забеспокоилась, что той долго нет. Выглянув на лестницу, она увидела Анжелу, ползущую по ступенькам к ее квартире. Шуба Анжелы, ее лицо и руки были в крови. Подруга в ужасе выскочила на лестницу, подбежала к Анжеле, но та успела только поднять голову, сказать: «За что?», и тут же скончалась на руках у подруги.

– А криков подруга не слышала?

– У нее была музыка включена громко, на весь дом. Она не слышала даже, как соседи ей в стенку стучали. Соответственно и соседи ничего не слышали.

– А повреждения какие? Ах да, вижу – три удара ножом в грудь и три в спину.

– Я говорил с экспертами, оружие, похоже, одно. С длинным тонким клинком, шубу пробило и причинило проникающие ранения.

– А что это она в сентябре – и в шубе? – встрял Горчаков. В принципе и у меня этот вопрос возникал.

– Да там шуба легкая такая, скорее пальто с отделкой мехом, – ответил Синцов.

– Что взяли у Погосян? – спросила я Андрея.

– Ты будешь смеяться. Анжела была обвешана золотом, как рождественская елка. Ничего не тронуто. В руках у нее была дорожная сумочка из кожи крокодила, набитая дорогой косметикой. Сумочку нашли у входа в парадную, где на Анжелу и напали похоже, поскольку кровавый след тянулся оттуда, и на внутренней стороне двери парадной – брызги ее крови. Пропал шарфик, шелковый, ее молодой человек ей из Парижа привез.

– Дорогой?

– Ну франков двести, как он сказал.

– Описание есть?

– Он даже каталог привез нам, где этот шарфик нарисован. У меня на работе лежит, потом покажу.

– А тут какие версии?

– Ну какие? Сама понимаешь, подруга и молодой человек.

– Результат?

- Нулевой. У молодого человека – алиби, с утра сидел в своей конторе на переговорах.
- А подруга?
- С подругой вообще хорошо получилось. Она, перед тем как выйти на лестницу, разговаривала по телефону со своим научным руководителем.
- Под грохот музыки?
- В том-то и дело: она поэтому вышла на лоджию, чтобы спокойно поговорить по телефону, и прервала разговор, чтобы встретить Анжелу, о чем ему сказала. Он так и ждал на трубке.
- А в его показаниях ты уверен?
- Есть еще дополнительное подтверждение. Ее на лоджии видели люди во дворе. Видели, что она разговаривает по телефону, и ее пожилая соседка еще крикнула ей снизу – мол, простудишься, не май месяц.
- Как интересно! А эти соседи не видели, как убийца входил в парадную и выходил оттуда?
- Мы с тобой сходим на место, посмотрим. Сам вход в парадную из двора не виден. К парадной можно подойти от метро, через двор, как шла Анжела, а можно с другой стороны, тогда ни с лоджии не увидишь, кто вошел, ни со двора.
- Хорошо, с фигурантами все понятно. А если это заказ? От той же подруги или молодого человека?
- Может, все может быть.
- А может, это средство воздействия на молодого человека? Он же бизнесом занимается, судя по тому, что сидел на переговорах?
- Он инспектор Морского регистра. Ты сама с ним пообщайся.
- Ладно, разберемся. Что дальше?
- Вот третий случай – самый скверный. Там нет ничего. Все загублено на корню.
- Даже фототаблицы нет?
- Какая фототаблица? Протокола нет. Дежурный следователь был занят, велел участковому оформить, тот тоже куда-то торопился. Короче, «руки вытянуты вдоль туловища, ноги вытянуты вдоль туловища», вот и все.
- Горчаков хихикнул.
- Что, так прямо и написано?
- Ну, это я образно. Так когда-то один следователь в протоколе написал, все смеялись.
- Да уж, – оживился Горчаков. – У нас тут один участковый отмочил, представляешь? Мужик из окна упал, но не насмерть. Вызвали милицию, пришел участковый, обнаружил, что мужик разбился, но жив, позвонил в «скорую», того отправили в больницу. Получаю материал, читаю протокол осмотра: в карманах тела гражданина Иванова паспорт, кошелек с мелкими деньгами, магнитная карта метрополитена. На теле надето – костюм коричневый, носки, ботинки и тэ дэ. Протокол составил участковый Петров. Звоню участковому Петрову, спрашиваю – а что, чувак помер разве, раз ты тело осмотрел? Нет, говорит, живой был. Я просто пока «скорую» ждал, делать было нечего, вот и осмотрел заодно, чего ему зазря лежать? Мужик лежал весь в кровище, с разбитой башкой, а этот у него в карманах ковырялся.
- Ужас, – сказал Синцов.
- Андрей, – спросила я, – ты хочешь сказать, что по этому убийству мы знаем только то, что у тебя в справке написано?
- Практически да, – ответил Синцов. – Я там, конечно, поработал, сделал все, что мог, но многое упущено. Этот труп был обнаружен в понедельник утром на черной лестнице. Там всего две квартиры, и все жильцы с середины дня субботы не выходили из дому. А утром в понедельник пошли на работу и обнаружили труп.
- Что, даже личность трупа не установлена?

– Да, и это самое плохое. Видишь, это первое по хронологии убийство, еще летом. Следователь, ублюдок, даже кисти отчленил не потрудился, а когда я стал эти случаи по городу собирать, уже было поздно. Сгнило напрочь.

– И ничего нельзя сделать?

– Пальцы утрачены безвозвратно. Да она еще похоронена как безродная...

– Он и голову не отчленил для опознания и идентификации?

– Ну а как ты думаешь? Нет, конечно.

– Самому бы голову оторвать! – с сердцем сказал Горчаков.

– Да уж, – вздохнул Андрей. – А когда я ему намекнул, что он неправ, он мне, знаете, что сказал? Мол, что это я так колочусь из-за безродной бомжихи, грохнули ее – воздух чище стал. Типа займитесь делом, а то вы на ерунду время тратите.

– Он еще жив? – Горчаков хихикнул.

– Да куда он денется, вот еще – об него руки пачкать.

– Андрей, – я перевернула страницу обзорной справки, – а почему ты считаешь, что это наш случай?

– Маш, хочешь – верь, хочешь – не верь, интуиция.

– Остальные-то ведь – приличные.

– Но если подходить строго, то почему бы нет? Смотри: парадная, хоть и черной лестницы, женщина, хоть и бомжиха, время убийства – суббота, по заключению судмедэкспертизы. Шесть ножевых ударов в спину.

– А что взяли?

– Из материалов дела мне этого узнать не удалось. Но я поговорил с экспертом, он мне сказал, что на шейке у покойной вдавленная борозда, ну, похоже, что цепочку срывали. Так вот, я вышел на место, полазил по этой черной лестнице и под батареей нашел несколько звеньев цепочки из белого металла.

– Не из платины, надеюсь, – уточнила я.

– Да нет, какая там платина. Алюминий или что-то в этом роде.

– А ты это как-то зафиксировал?

– А как я мог зафиксировать? Я ж без следователя протокол не составлю. А этого урода бесполезно вытаскивать на следственные действия, только хуже будет, да он бы и не поехал.

– Вот зачем такие лезут в прокуратуру? – пожала я плечами. – Шел бы, как раньше выражались, в народное хозяйство, в фирму какую-нибудь...

– В народном хозяйстве работать надо, – популярно объяснил мне Лешка.

– А в прокуратуре не надо?

– Маш, ну ты же знаешь, в прокуратуре он сидит в отдельном кабинете, целый столоначальник, может хоть кого в камеру сунуть, проезд бесплатный, квартплата – половина по льготе, написал операм сто отдельных поручений о допросе свидетелей и сиди, кури бамбук.

– Вот чего я никогда не понимала, так это поручений операм о допросах важных свидетелей. Как можно это кому-то поручать? Как можно потом дело расследовать, если ты сам с людьми не говорил?

– А вот так и расследуют. Вот что и получается. – Синцов потряс передо мной листочками обзорной справки. – Можем только гадать, как на кофейной гуще.

– Так, а все же, Андрюша, считаешь, наша клиентка?

– Ну оставим, хуже не будет.

– А версии какие?

– Версий море. Зашла вместе со знакомым бомжом попить пивка и разодралась из-за пустой бутылки.

– Ага, – вмешался Горчаков, – если вместе пили и скандалили, то ножевые должны были быть на передней поверхности грудной клетки.

– Принимается, – кивнул Синцов. – А может, зашла в парадную пописать, а какой-нибудь ревнитель морали пошел за ней и воспитнул ее таким образом.

– А что, есть следы того, что она мочилась? Или у нее штаны были спущены? Или поза характерная? – спросила я.

– Нет, – помедлив, ответил Синцов.

– И судя по тому, что даже профнепригодный следователь идентифицировал ее как бомжиху, с целью ограбления за ней вряд ли кто-то пошел.

– Так что, Маша, наша клиентка? – спросил Андрей.

– Похоже, что наша, – вздохнула я. – Без видимых мотивов. Сходим с тобой на место? Хочу сама глянуть.

– Без вопросов, хоть сейчас.

– Ладно, поехали дальше.

– А дальше труп гражданки Базиковой, шестидесяти лет, которая в субботу возвращалась домой с дневного спектакля в Мариинском театре. Такая благообразная пожилая дама в стареньком, но элегантном плаще, в сумочке – театральный бинокль, сама сумочка – антиквариат, бисером вышита. Один удар ножом в спину, смерть на месте. Здесь хоть осмотрели прилично, фототаблица пристойная, не стыдно показать. Выезжала Корунова из городской прокуратуры, она себе и дело забрала в производство.

– Вера-то нормальный следователь, очень скрупулезная, по делу наверняка все отработано как надо.

– Да, – согласился Андрей. – К ней претензий нет.

– А почему городская это дело забрала? – спросил Горчаков. – Оно что, сложное? Или социально значимое?

– Пожалуй, второе, – ответил Андрей. – Базикова – известная театральная художница. Это убийство всколыхнуло общественность.

– Что взяли?

– Взяли заколку из шляпы, старую, никому не нужную вещь.

– Может, заколка из слоновой кости? – сразу зафонтанировал Горчаков. – У моей бабушки такая была, ею шляпку пристегивали к прическе, чтоб ветром не сдуло.

– Вот-вот, только заколка была железная и даже перламутром не инкрустирована.

– А что хоть тетушка смотрела в театре? – спросила я.

– Не смотрела, а слушала. «Пиковую даму». И злодей над этим поиздевался.

– Каким образом? – спросили мы с Лешкой в один голос.

– Вытащил программку спектакля и положил ей на рану сверху.

– Значит, комфортно чувствовал себя на месте происшествия, – пробормотала я. – Преступник с низким уровнем риска.

– Переведи, – потребовал Синцов.

– Готовится к преступлению, тщательно планирует его, выбирает наиболее благоприятное место, время и жертву.

– Согласен, что место, время и жертва были благоприятными. Это фэбээровские штучки?

– Ага.

– И что ФБР советует в таких случаях для установления преступника?

– Нужно понять, что является нормальным с точки зрения этого человека, и перейти к следующему этапу: узнать, что является логичным с его точки зрения. А потом пойти и задержать его.

– Это так тебя учили?

– Я потом, Андрей, расскажу тебе много интересного про фэбээровские штучки, – пообещала я. – А пока мне нужно подумать.

Весь вечер, пока я пыталась запихнуть в ребенка ужин, проверить его уроки и заставить его почистить зубы, во мне тихо свербило желание достать из сумки обзорную справку и еще раз проштудировать ее с карандашом в руках, глядя на календарь и на карту города. Кое-что из прочитанной днем информации не давало мне покоя.

Наконец мое чадо улеглось в постель, и я пришла пожелать ему спокойной ночи и поцеловать в носик и лобик. Весь в меня, думала я, глядя, как сын вертится в постели, не обнаруживая никакой сонливости, хотя шел уже одиннадцатый час. Весь в меня, наследственная сова. А утром не поднять. Бужу трижды: первый раз за полчаса до времени «икс», потом за десять минут, при этом он подтверждает, что услышал, как я его бужу, и общается со мной совершенно разумным голосом, но это обманчиво – на самом деле он продолжает спать и отвечает мне чисто машинально. И только на третий раз он врывается, что пора вставать. Как-то бабушка пожаловалась, что начала его будить, спросила, будет ли он есть на завтрак манную кашу, он совершенно сознательно, как ей показалось, ответил: «Да», а потом нагло отказался от каши. Ребенок же мне доказывал потом: «Ма, она меня спросила, пока я спал, я бы ей на всё „да” ответил...»

– Тебе читать сегодня? – спросила я его, пытаясь накрыть одеялом так, чтобы ни одна из его длинных конечностей не вылезала наружу. Конечно, он уже большой мальчик, и такое чтение на ночь вызывает у моих подружек педагогическую аллергию. Но на самом деле это завуалированная форма выражения друг другу нежных чувств, просто знак взаимной любви и родственной близости.

– Не, ма. Сегодня я поздно лег, боюсь, не высплюсь. Завтра почитаем.

Легенды про динозавров уже отошли в прошлое, мы уже интересуемся героико-приключенческой литературой, рыцарскими романами, пиратскими историями, мушкетерскими дуэлями.

– Ну ладно. – Я поцеловала его в холодный нос. – Спи.

Я потянулась погасить свет, но Гоша меня остановил:

– Ма, посмотри, как блестит гитара. Моя хорошенькая, моя дорогая гитара! Как я ее люблю! Если прямо смотреть, она такая чистенькая! А если сбоку, то она вся пальцами залапана.

– Да, – машинально согласилась я. – Отпечатки пальцев на таких полированных поверхностях ищут в косопадающем свете.

– Как это? – заинтересовался Гоша.

– Источник света помещают сбоку от объекта, чтобы луч света падал на него не вертикально сверху, а сбоку, под углом. Вот ты сейчас смотришь на гитару сбоку и отчетливо видишь отпечатки.

– Это только отпечатки пальцев так ищут?

– Не только. Так можно обнаружить пятна, сливающиеся по цвету с поверхностью.

– Интересно, а кто это придумал?

– Не знаю, кто придумал, а описал впервые профессор Рейсс, известный криминалист начала века.

– А ты с ним была знакома?

– Нет, котик, я, конечно, не такая уж молоденькая, но ни с Рейссом, ни с Ломброзо знакома не была.

– А кто это?

– Потом расскажу, киса. А сейчас пора спать.

– Ну вот, на самом интересном месте... – заныл киса. – А как профессор Рейсс описал то, о чем ты говоришь?

– Он читал лекции в Лозанне – это Швейцария, о научной технике расследования преступлений, специально для чинов русского судебного ведомства.

– А когда это было?

– В 1911 году. Почти девяносто лет назад.

– Да, тогда ты, конечно, с ним знакома не была, – подумав, решил мой зайчик. – И что он там интересного сказал?

– Ну... – Я задумалась, чего бы такого страшенького рассказать малолетнему ребенку на ночь. – Например, он говорил, что в косопадающем свете нужно искать пятна биологических выделений на теле убитых людей. В морге нужно раздеть труп, погасить свет и со свечой в руке осмотреть его, наклонясь к трупу; пятна слюны или чего-нибудь другого (Рейсс говорил про сперму, но мой ребенок пока обойдется без этой подробности) выявятся. Представляешь, каково было осматривать труп, закрывшись в морге и погасив свет, со свечой в руке?

– Жуть! – воскликнул ребенок восхищенно. – А зачем эти пятна на трупе искать?

– Потом расскажу. А еще лучше – поступишь в университет и сам все узнаешь. Там тебе будут читать курс криминалистики.

– А ты тоже осматривала трупы в морге со свечой?

– Нет, мой зайчик. С 1911 года наука на месте не стояла. Все, спать.

Я решительно погасила свет и направилась к выходу из комнаты.

– Ма, – позвал сыночек в темноте.

– Что?

– А зачем ты делаешь вид, что ты очень строгая? Ты вовсе не строгая.

– Спи! На самом деле я строгая. И если сейчас не заснешь, то проверишь это на практике.

Я вышла, плотно притворила за собой дверь и прислушалась. Ребенок еще некоторое время копошился в постели, ворочался с боку на бок, вздыхал и что-то бормотал, потом затих. Я немного посидела перед телевизором, бесцельно нажимая кнопки программ на пульте и даже не вникая, что такое мне пытается показать родное телевидение, потом поднялась и ушла на кухню. Там мое место, даже если я читаю уголовные дела или обзорные справки.

В тишине квартиры я обвела глазами кухню. Это самое уютное помещение, и когда мы жили вместе с Сашкой, все, включая Хрюндика, постоянно стекались в кухню пообщаться. Я всегда держала в холодильнике или кухонном шкафу аварийный набор продуктов, из которых можно было в считанные минуты соорудить угощение для внезапно нагрянувших гостей, а гости в доме не переводились. Деньги, правда, переводились очень быстро, но все равно – было весело, тепло и дружно. Мне очень нравилось готовить, а еще больше нравилось смотреть, как мои мужчины поглощают завтраки, обеды и ужины. Я, конечно, понимала, что, подавая Хрюндику в постель креманку с салатом из свежих фруктов, залитых взбитыми сливками и украшенных цукатом, я сильно завишаю планку своей будущей невестке, но, в конце концов, это уже ее проблемы.

Почему я рассталась с Сашкой? Что мне еще надо было от мужчины? Не пьет, хорош собой, умен, говорил, что любит... Снова и снова я задавала себе этот вопрос, но понимала, что еще не созрела до того, чтобы честно себе на него ответить. И уж тем более я не могла честно ответить на него всем друзьям и знакомым. Конечно, самый доступный (и, кстати, максимально приближенный к истине) вариант ответа звучал так: зажралась Швецова. Добровольно расстаться с мужчиной, который с каждой полочки, а также под настроение приносит домой шикарную розу, с мужчиной, который по поводу и без повода, без понуканий говорит о том, как меня любит, какая я красивая и умная... Не было случая, чтобы он остался равнодушным к моим переживаниям. Более того, пожив со мной некоторое время, он так проникся моими проблемами, что сменил работу – из увлеченного стоматолога превратился в такого же увлеченного судебно-медицинского эксперта. И я не без оснований подозревала, что в этой смене специализации – не только профессиональный интерес, но и личный, подспудное желание быть поближе ко мне. Чего же мне все-таки не хватало?

Наверное, помимо уже изложенного, был еще один вариант ответа. Психологи называют его эффектом «последней капли». Это когда взрыв эмоций, приводящий к аффекту, провоцирует событие, само по себе не являющееся чем-то из ряда вон выходящим, просто чашу терпения субъекта долгое время наполняли такие же, неприятные для него, но не смертельные события. И когда чаша наполнилась, в нее упала последняя капля, которую чаша, то есть психика, вместить уже не могла, – и человек ударил кого-то ножом, выбросился из окна или совершил другие неадекватные поступки.

Вот и я совершила абсолютно неадекватный поступок, в один прекрасный день заявив Сашке, что не хочу жить с ним вместе...

На этом моменте я прервала свои воспоминания. Хватит, а то у меня до сих пор к горлу подступает комок. Потом, когда буду посвободнее, устрою сама с собой генеральное совещание и, может быть, пойму, чего же мне не хватало.

Обед на завтра был приготовлен, посуда помыта, плита вычищена. Выстиранные Гошкины трусики и носки сохли в ванной. И я могла со спокойной совестью отдаться расследованию преступлений.

Я разложила на столе обзорную справку, карту Питера и календарь. Посмотрим, как соотносятся с собой места происшествий. Может быть, они лежат на линии какого-то транспортного маршрута или удобного пешеходного; может, все они расположены рядом с какими-нибудь предприятиями или учреждениями, имеющими что-то общее, – да мало ли...

Так. Я отметила на карте дома, где совершались убийства. Пока ничего не вырисовывалось, за исключением того, что все эти места находились в весьма ограниченном по местности круге, хотя и нельзя было сказать, что они на территории одного микрорайона. Доехать без пересадок на метро от одного места происшествия до другого было невозможно. Ни один вид транспорта не имел маршрутов, которые пролегали бы мимо всех или даже большинства мест происшествий. Но об этом пока говорить рано. Сначала я пройду по всем местам происшествий – ножками, ножками – и обзору местность сама – глазками, глазками, – причем своими, а не дежурного следователя.

Отложив в сторону карту, я взялась за календарь и, отметив точками даты происшествий, сразу поняла, что меня так волновало. Убийства начались летом, первое происшествие – обнаружение трупа бомжихи на черной лестнице дома – случилось в последнее воскресенье августа. Соответственно, убили ее, если верить судмедэксперту, в последнюю субботу августа.

Убийство пожилой театральной художницы Софьи Марковны Базиковой произошло во вторую субботу сентября. И далее каждая суббота сентября оказалась помеченной мною черным кружочком. Третья суббота месяца – труп Анжелы Погосян; четвертая суббота месяца – Людмила Игоревна Иванова, убитая на третьем этаже, при выходе из лифта. Шестнадцатилетняя Рита Антоничева была убита через две недели, во вторую субботу октября.

Можно представить себе, что мы имеем дело с психически больным, чья мания обостряется именно по субботам. Тогда как объяснить, что две субботы оказались пропущенными? Пять случаев – это достаточно репрезентативное количество действий, чтобы судить о стойкой системе. Где же он был в первую субботу сентября? Как примерный отец, провожал ребенка в школу? Первое сентября было в среду. К субботе уже никто не праздновал новый учебный год. Можно, конечно, еще предположить, что первое убийство не относится к нашей серии, но что-то подсказывало мне, что и это убийство в серию входит. И где он был в первую субботу октября? Может, болезнь обостряется ко второй субботе? Чуть какая-то...

Нет, у меня напрашивалось более подходящее объяснение. Посмотрев на часы и удивившись, что полночь еще не наступила, а значит, приличия вполне позволяют следователю сделать телефонный звонок оперуполномоченному, я порылась в записной книжке и набрала номер рабочего телефона Синцова. Некоторая логика в этом была, учитывая, что Синцова, по слухам, бросила жена и ему дома делать нечего.

И логика меня не подвела. Синцов тут же снял трубку.

– Привет, Андрей, это Швецова, – сказала я.

– Привет, – отозвался он без всякого удивления, как будто я звонила ему в абсолютно урочное время.

– Читаю твою обзорную справку с карандашом в руках, – продолжила я.

– И что-то уже начитала интересное, раз звонишь, – с чисто милицейской проницательностью сказал он.

– Ага. Скажи, пожалуйста, ты хорошо проверил сводки? Ты уверен, что выбрал все интересующие нас случаи?

– Ну, с разумной долей вероятности, уверен. Убийства в парадных я все отобрал. Я, конечно, не исключаю, что где-нибудь в расселенном доме на лестнице еще лежит какая-то убиенная дама, но...

– Понятно. Я подъеду к тебе завтра с утра, приготовь мне все сводки по городу с середины августа, хорошо?

– А что ты там наковыряла?

– Понимаешь, – сказала я, – получается, что пропущены две субботы, в начале сентября и в начале октября. Первое известное нам убийство – в конце августа, потом – дырка, а потом опять убийства каждую субботу. В октябре – снова пропуск. Что наш клиент делает в первые субботы месяца?

– Что-что, – проворчал Синцов. Чувствовалось, что он не думал об этом и теперь раздосадован. – Может, он в командировку ездил? Или насморком болел?

– Может, – согласилась я. – Только на всякий случай, чтобы отбросить мою версию, давай еще раз проверим все происшествия в первую субботу сентября и, соответственно, в октябре. Вдруг мы что-то пропустили?

– Ценю твою деликатность, – пробормотал Синцов. – «Мы» – это звучит гордо. Приезжай. Хочешь, прямо сейчас проверим?

– Сейчас я не могу, у меня же ребенок на руках. А тебе что, делать больше нечего ночью?

– Нечего, – с готовностью подтвердил Синцов. – Приезжай, я хотя бы делом займусь.

– Завтра, – твердо сказала я. – Это мое последнее слово.

– Жаль, – вздохнул Синцов. Похоже, что ему и вправду было жаль.

* * *

Утром следующего дня я завтракала в главке. Выбегая из дому, чтобы забросить ребенка в школу, я вынуждена выбирать между едой и макияжем. Поскольку меня ждал Синцов, я не могла позволить себе выйти из дому ненакрашенной.

Пока я носилась по дому, мое самочувствие было на уровне, но спускаясь с Гошкой по лестнице, я то и дело охала, припадая на правую ногу.

– Ма, что случилось? У тебя что-то болит? – тут же поинтересовался мой заботливый сыночек.

– Коленка побаливает, наверное, старый ревматизм.

Но залезая в троллейбус и особенно вылезая из него, я не на шутку забеспокоилась. Слово «побаливает» было уже неприменимо. Коленка ныла и продолжала ныть даже при ходьбе. Я уже знала, какими словами меня встретит Горчаков в прокуратуре: «Я – старый солдат и не знаю слов любви...»

Именно этими словами меня приветствовал Синцов, когда я вошла к нему в кабинет.

– Что это с тобой, мать?

– Не обращай внимания, – отмахнулась я. – Бандитские пули.

– Ну-ка, сядь, – приказал Синцов, поставив на стол чайник для заварки, который он держал в руке. Я послушно села на старый кожаный диванчик, по сплетням, стоявший в этом кабинете еще со времен отделов борьбы с бандитизмом. Синцов присел передо мной на корточки и положил руку мне на больное колено.

– Ты чувствуешь, какая у тебя коленка горячая? – спросил он. – Ты не ушибалась?

– Нет, – твердо ответила я.

– Странно. Все симптомы воспаления суставной жидкости, но это заболевание травматического происхождения. Может, ты ногу подвернула?

– Да нет же, говорю тебе.

– Странно. Ну ладно. Тебе нужно лекарства попить, я напишу, какие, и накладку жесткую на колено. Лангетку. А вообще пойдем, покажу тебя дежурным медикам.

– Да не надо ничего, пройдет, – отмахнулась я. – А ты откуда так подкован в медицине?

– Война, – пожал он плечами. – В армии научился, условия были соответствующие.

– А-а.

– А к медикам все равно ходим. Пусть глянут опытным глазом, я-то дилетант.

– А кто сегодня дежурит?

– Щас глянем. – Он подошел к столу и посмотрел в график, лежащий под стеклом. – Задов и Стеценко.

– Не пойду.

– А что такое? Кто из них тебя не устраивает?

– Синцов, не прикидывайся, что ты один из всего главка, прокуратуры, а также медицинской общественности не знаешь, что мы со Стеценко уже почти полгода не живем вместе.

Синцов отвернулся.

– Да ладно. Я слышал что-то такое, но мне не верилось. Вы же были такой хорошей парой...

– Интересно, вы все сговорились, что ли? Вы над нами свечку не держали, и какой парой мы были, никто достоверно не знает. А может, мы каждую ночь друг друга душили?

– Тем более, это очень возбуждает, говорю тебе как специалист по половым преступлениям. Но я далек от того, чтобы лезть тебе в душу. Не хочешь, терпи. Сводки на столе. Только раз уж ты прямо с утра сюда притащилась, попей со мной чая. Я хорошо завариваю.

Я села за стол перед кипой сводок о происшествиях и преступлениях, случившихся на территории Санкт-Петербурга в августе этого года, и спросила Синцова:

– Андрей, а ты что, ночуешь в кабинете?

– Ну раз уж я к вам, сударыня, в душу не лез, будьте и вы взаимно вежливы. Ты еще спроси, один я ночую в кабинете или с кем-нибудь.

– Ты так окрысился, как будто ночуешь с женщиной. Да ночуй ты, где хочешь, это твое дело. – Я неожиданно обиделась, хотя даже себе не смогла бы объяснить, на что.

– Кушать подано, – объявил Синцов минуту спустя. И я под села к маленькому журнальному столику на трех собственных ногах и одном протезе из ножки табуретки. На столе лежала крахмальная салфетка, стояли две чайные чашки, лежали бутерброды с сыром.

– Вижу, ты любитель сыра?

– Нет, просто фантазии не хватает.

– А кто тебе салфетку крахмалит?

– Опять, сударыня, проявляете чудеса бестактности.

Тут я разозлилась не на шутку:

– Послушай, Синцов, при других обстоятельствах я бы подумала, что ты пытаешься заставить меня приревновать.

– А при каких других обстоятельствах? – Синцов даже отложил надкушенный бутерброд и уставился на меня.

– Если бы это был не ты, а другой человек, которого я не так хорошо знаю.

– А что ты знаешь-то про меня? – обиделся уже он.

Меня эта перепалка странным образом взволновала, и я постаралась перевести разговор на другую тему. Ну а какая тема была мне еще доступна в разговорах с этим загадочным мужчиной? Конечно, пять убийств женщин в парадных.

– Послушай, не сбивай меня с толку, – сказала я Синцову. – Мне тяжело работать с человеком, который непонятно как ко мне относится.

– Успокойся, очень нежно я к тебе отношусь. Ешь ананасы, рябчиков жуй – и за работу.

– Успокоил, – вздохнула я. – Андрей, нам надо составить два параллельных плана: один по поиску маньяка, другой – по отработке личных мотивов убийств. Почти по каждому из этих убийств личный мотив существует. Разве что за исключением Базиковой.

– Ну почему? У Базиковой был длительный гражданско-правовой конфликт с неким генералом, который пытался отсудить у нее квартиру в историческом центре. И убили Базикову за десять дней до очередного заседания суда, которое могло окончиться в ее пользу.

– Блин. Получается, что у каждого человека в окружении есть кто-то, кто мечтает о его смерти.

– Про каждого не знаю, а вот у нас с тобой точно есть. Так что смотри, что получается: на первый взгляд, во всех этих убийствах видимых мотивов нет. А если покопаться в личной жизни каждого, то наверняка найдешь если не возможного убийцу, то человека, который выигрывает что-то от смерти потерпевшей.

– Хорошо, а Рита Антоничева? – спросила я и тут же сама ответила: – Хотя, если предположить, что Рита каким-то образом вышла на папу – сотрудника администрации президента – и чего-то от него хотела несбыточного, ее смерть от руки неизвестных грабителей-наркоманов очень даже своевременна и полезна.

– Вот-вот. А тут и папа как бы нечаянно в городе случился и имел возможность лично проконтролировать выполнение заказа.

– Что ж за папа-монстр такой, который заказывает родную дочку?

– Не забывай, Маша, что он с этой дочкой не то что вместе не жил, а и не виделся даже лет десять. И потом, мужчины очень быстро, в большинстве своем, отвыкают от детей, с которыми вместе не живут. Так что если он заказчик, то для него Рита просто обычный, не очень близкий человек.

– Ужасы ты какие-то говоришь, Синцов.

– А то ты этих ужасов не знаешь, Швецова.

– Ладно, спасибо за чай. – Я поднялась и, не сдержавшись, охнула. В больной коленке что-то хрустнуло и отчаянно заныло. Синцов внимательно посмотрел на меня, но ничего не сказал.

– Ну скажи, скажи, – ободрила я его. – У тебя же все на лице написано.

– Да я скажу, но не то, что ты думаешь. Если не хочешь к дежурным медикам, сходи к травматологу или хирургу в свою поликлинику. Правда, ты не шути с такими вещами. А то придется до конца дней в шароварах ходить.

Я ничего не ответила. Села за стол и стала просматривать сводки. Вообще чтение сводок – это развеселое занятие. Дежурные к концу дня так устают, что начинают бредить за тайпом, и сами этого не замечают. Сколько раз я встречала в сводках фразы вроде «Два лица кавказского цвета» (то ли цвет лица подразумевается, то ли национальность), или «похищен предмет, похожий на телевизор», уж не знаю, что там имелось в виду. Один раз выловила ориентировку на ушедшую из дома женщину с таким описанием: «Рост 142 см, на правой руке отсутствуют два пальца, левый глаз искусственный, не совпадает по цвету с правым, одна нога короче другой, на лице родимое пятно размером 4×5 см, особых примет нет». В другой сводке,

наоборот, фигурировала особая примета: «Отсутствие пяток на ногах». Этот человек без пяток иногда снится мне в кошмарах.

Вот и сейчас пошли перлы. «Труп неустановленного мужчины, извлеченный из воды 16 августа, опознан как Махалова Юлия Николаевна». «В универсаме задержан гр-н Афанасьев, неработающий, который похитил путем вынесения в пищеводе за пределы узла расчета продовольственных товаров на общую сумму 380 рублей». Объемистый пищевод у гр-на Афанасьева, если только он не выносил в нем дорожный крабовый рулет или сыр рокфор. Интересно, как изымали похищенное? Дальше я прямо зачиталась волнующими сообщениями про то, как гр-н Казенков, находившийся в нетрезвом состоянии в городском парке вместе с сожительницей, набросился на собаку породы ротвейлер и причинил ей телесные повреждения в виде укусов корпуса. Ротвейлер доставлен в ветеринарную лечебницу; так и хотелось добавить: «Сожительница гр-на Казенкова привлечена к административной ответственности за выгул гр-на Казенкова без намордника».

К трем часам дня, просмотрев все сводки за август, сентябрь и начало октября, я убедилась, что Синцов действительно выловил все «наши» случаи. Больше за этот период времени вообще не было убийств женщин в парадных. Я проверила даже те происшествия, где на женщин были совершены нападения в подъездах домов, не закончившиеся нанесением телесных повреждений; было несколько разбойных нападений с использованием ножа в качестве угрозы, но почти во всех случаях преступники были задержаны, а остальные настолько явно не совпадали с тем, что нужно было нам, что я без сожаления отбросила информацию о них.

– Ну что? – спросил Синцов, правда, без злорадства, увидев, что я отодвинула последний лист сводки и потянулась.

– Ты был прав, ничего. Извини, что я тебя перепроверяла.

– Дело житейское.

– Значит, это действительно маньяк, и значит, он был лишен возможности совершать преступления. Может, в больнице лежал с обострением? Или в другой город ездил?

– Мысль хорошая. Только другие города мы при всем желании не проверим, тут тебе не ФБР. Кстати, что бы сказали фэбээровцы про эти преступления?

– Что? Сказали бы, что для каких-то выводов мало информации. Я же еще не знакомилась с делами.

Я вспомнила, как на курсах ФБР рассказала американскому психологу об убийстве, происшедшем у нас в районе. В мастерской художника был обнаружен труп хозяина, лежащий в одежде ничком на диване. При поверхностном осмотре установили, что у него перерезана шея, причем рана такая глубокая, что голова, в принципе, держалась лишь на лоскуте кожи. Когда стали осматривать дальше и раздели труп, выяснилось, что у него еще и половые органы отрезаны. Но их мы на месте происшествия сразу не нашли. Присутствующие уже начали отпущать шутки насчет каннибализма, когда судмедэксперт, залезший в рану на шее, обнаружил половые органы трупа там. Убийца, после того как нанес чудовищную рану шеи, отрезал у трупа половые органы и засунул их в полость раны. И пока злодей был не пойман, у всех, работавших по делу, напрашивалась одна версия – убийство с гомосексуальным оттенком. Эту историю я поведала американцу, занимающемуся в ФБР аналитической работой по бихевиористике убийц, спросив, какие бы он выдвинул версии. Так вот, американец, в отличие от нас, зашоренных здравым смыслом, заявил, что это обстоятельство – половые органы, засунутые в рану, – отнюдь не указывает на половые отклонения убийцы. И ведь был прав! Когда поймали злодея, выяснилось, что никогда он гомосексуализмом не страдал; он пришел к художнику просить денег, а в ответ на отказ расправился с ним таким жестоким способом, что должно было означать – «На, подавись!».

Я рассказала об этом Синцову и добавила, что у нас в течение семидесяти лет слово «фрейдизм» было бранным, а американцы, наоборот, культивировали учение Фрейда приме-

нительно к раскрытию преступлений и весьма в том преуспели. Хотя, конечно, кое-что в этом спорно, и к одним и тем же результатам мы приходим разными путями.

Вот, например, американцы называют психологическим портретом преступника то, что в нашей криминалистике именуется типичными версиями. Это некие сведения о личности преступника по нераскрытым преступлениям, которые в Америке получают путем обработки данных с места происшествия, а мы – путем обработки статистических данных об аналогичных, уже раскрытых, преступлениях. Хотя подход принципиально разный, на выходе получаем примерно одно и то же, у них, может быть, немного поточнее и побольше индивидуальных особенностей личности злодея.

– А у них есть методика определения – серия это или не серия? – спросил заинтригованный Андрей.

– У них все есть. Вот ты, надеюсь, знаешь, что такое «почерк» преступника?

– Тоже мне, бином Ньютона. Конечно, знаю.

– Ну, и что же это, по-твоему?

– Да хоть по-моему, хоть по-твоему, то, как преступник ведет себя на месте преступления.

– Да нет, то, как преступник ведет себя на месте преступления, – это «модус операнди», способ действия.

– По-моему, что в лоб, что по лбу. У них – «модус операнди», у нас – почерк.

– А разница-то на самом деле принципиальная. Способ действия – это то, каким путем преступник обеспечивает свою безопасность при совершении преступления, возможность скрыться с места преступления и скрыть свою причастность. При этом способ действия может меняться. В одном случае он в окно влезет, а в другом, поняв, что более безопасно будет позвонить в дверь, так и сделает. И поведение-то основано на опыте преступника, раз за разом он совершенствуется и, если не пойман сразу, находит все более безопасные для себя способы совершения преступления.

– Ты меня запутала. А что же тогда почерк?

– Понимаешь, способ действия – это то, что может меняться. А вот почерк преступник как раз изменить не в силах. У него есть определенные черты характера, которые диктуют ему определенные поступки, и он их совершает независимо от опыта.

– Приведи пример.

– Хорошо. Совершены три убийства. Первое – путем нанесения ножевых ранений, второе – с применением огнестрельного оружия, третье – с использованием в качестве орудия камня и досок, иными словами, долго бил жертву камнями и всем, что попало под руку. Это серия?

– Да ну! – отмахнулся Синцов.

– Промашка, господин хороший. Делаешь выводы по неполной информации.

– Гони полную!

– Гоню. Во всех трех случаях лица жертв были закрыты – подолом платья, картонкой, платком, а в полости тела введены посторонние предметы. Это серия?

– Хм! Теперь я бы сказал, что да. А в чем фокус?

– А в том, что сначала ты оценивал серийность по способу действия, а во втором случае – по почерку. Каким бы способом преступник ни совершал убийства, он не может изменить «почерк».

– Ха! Интересно! Давай тогда посмотрим на наши убои с точки зрения достижений бихевиористики.

– Давай! – согласилась я.

– Значит, способом действий будет нападение на жертву в парадной, нанесение ей ножевых ранений и стремительный уход с места происшествия, – рассуждал Синцов.

– Так. При этом надо иметь в виду, что способом действий могло бы быть и применение огнестрельного оружия, и сбрасывание с лестницы.

– Ты меня не запутывай, – попросил Андрей. – А почерком что будет в наших случаях? Отсутствие видимого мотива?

– Подумай.

– А что еще?

– Андрей! Напрягись!

– Ты хочешь сказать... – начал он и замолчал.

– Вот именно!

– То, что у них похищают какие-то мелкие предметы, несмотря на возможность похитить действительно реальные ценности?

– Похоже, что да. Но я не удивлюсь, если мы еще что-то проглядели в почерке.

– То есть? – удивился Синцов.

– То есть похищение незначительных фетишей – это еще не все. По этому акту мы преступника не найдем. Я думаю, что примета почерка тут лежит глубже, в чем-то другом, чего мы пока не заметили.

– Так давай заметим, – предложил разохотившийся Синцов.

– Давай, – согласилась я. – Поэтому пошли-ка пройдемся по местам происшествий.

– А проехать тебя не устроит? Бензин наш, идеи ваши.

– Отлично, – сказала я, с трудом поднявшись со стула и осознав, что пройти и не смогу, – так ныла коленка. Может быть, именно из-за этого до меня вдруг дошло, что именно нужно искать в сводках, какие происшествия. Американские психологи сказали бы, что моя личность подсознательно противилась необходимости двигаться, так как движения причиняли боль, поэтому мой разум постарался найти выход на месте.

Синцов уже направился к двери, но я остановила его:

– Подожди, Андрей. Давай еще посмотрим сводки.

Синцов обернулся и наверняка уже хотел сказать что-то язвительное, но удержался.

– Что, нога болит? – спросил он участливо. – Давай я тебя отведу к доктору, а на места происшествий съездим завтра.

– Дело не в этом, – сказала я ему, напряженно думая о том, что я буду искать сейчас в сводках. – Я неправильно смотрела.

– Машунь, – Синцов подошел ко мне и заглянул в глаза. – Ты мне не нравишься, к доктору бы тебе, и срочно.

– Синцов, ты что, думаешь, что у меня белая горячка? Или что суставная жидкость в голову ударила? Я не то искала в сводках.

– Хорошо, хорошо. – Он подвел меня к стулу и бережно усадил. – Вот тебе твои сводки, смотри то. Только мне расскажи, что будешь искать. А то я курсов ФБР не кончал...

Я схватилась за толстенную кипу сводок и быстро нашла два нужных дня – те две субботы, которые зияли отсутствием интересующих нас убийств. Конечно. Маньяк выходил на охоту и в первую субботу сентября.

– Вот! – Я ткнула пальцем в неровные телетайпные строчки. – Конечно. Вот куда нам надо ехать сначала.

Синцов глянул мне через плечо и недоверчиво хмыкнул.

– А может, все-таки суставная жидкость в голову ударила? – саркастически спросил он. – Или я чего-то недопонял? Труп Шик Ц. А., 1917 года рождения, обнаружен в квартире по месту проживания, в качестве подозреваемого задержан племянник потерпевшей. И что тут общего с нашими дамами?

– Андрюша, – радостно сказала я. – Все-таки это серия! Мы не ошиблись. Поехали туда, на место. Только сначала позвони в этот район, спроси, племянник все еще сидит?

У Синцова сделалось такое озадаченное лицо, что мне даже стало его жалко. А во мне, как пузырьки в шампанском, фонтанировал адреналин, я даже забыла про больную ногу и готова была пешком нестись на место происшествия, чтобы проверить свою догадку. Тем не менее Андрей проявил потрясающую выдержку, не приставая больше ко мне с вопросами, а покорно набрал номер убийного отдела района, где убили старушку Шик Цилю Абрамовну, и выяснил, что старушку нашли в запертой изнутри квартире, в прихожей, на полу, с ножевой раной спины. По горячим следам был задержан племянник – единственный родственник, которому была завещана трехкомнатная квартира, хоть и загаженная, но весьма дорогостоящая, и у которого, как установило следствие, была острая нужда в жилплощади. Племянник просидел трое суток как задержанный, а затем еще неделю, будучи арестованным по подозрению в совершении убийства тетки, но затем выпущен без предъявления обвинения, и к настоящему моменту о нем уже забыли как о возможном фигуранте.

– Ну и что из этого? – сообщив мне полученные сведения, продолжал недоумевать Синцов. – Понятно, что убийство Базиковой он совершить не мог, поскольку сидел. И что нам этот племянник дает? Мы так опять выбиваемся из серии!

– Поехали, Андрюша, – сказала я, но Синцов теперь жаждал пояснений.

– Куда мы поедем? У нас все равно нет ключей от квартиры потерпевшей. Следователь нам их не даст – на каком основании?

– Если все так, как я думаю, нам не нужны ключи.

– А зачем мы тогда едем? На дверь посмотреть?

– И на дверь тоже. Да, кстати, пока мы не ушли, покажи каталог с платком, который похитили у Анжелы Погосян.

Андрей вытащил из сейфа толстенный французский каталог и открыл нужную страницу на закладке. Я внимательно рассмотрела фотографию шелкового шейного платка с набивным изображением карточных фигур – королей, дам и валетов. Андрей спрятал каталог, и мы поехали, куда собирались.

Хоть это и нехорошо, но я мучила Андрея неведением до самого подъезда, в котором когда-то проживала Циля Абрамовна Шик. Ее квартира располагалась на третьем этаже старого дома с широкими лестничными площадками, гулким лифтом и обкусанной лепниной на потолке. Мы зашли в парадную и сразу почувствовали на своих лицах прохладный ветер, гуляющий по старым домам. Немножко пахло помойкой, слышался шум трамваев.

– Пешком? – спросил Андрей, но я покачала головой.

– Вряд ли Циля Абрамовна ходила пешком на третий этаж. Здесь потолки четыре метра, это тебе не новостройки.

В лифт!

Мы открыли решетчатую дверь старого лифта и вошли в кабину. Андрей нажал на кнопку третьего этажа, а я стала осматривать стенки лифта и в своем рвении, забыв о больном колене, даже присела на корточки и осмотрела пол и углы.

– Что-то потеряла? – нагнувшись, поинтересовался Синцов.

– Наоборот, нашла кое-что, – согнувшись в три погибели Андрею я показала на бурые пятна в виде брызг и потеков на стенке кабины напротив входа и на каплю бурого вещества на полу лифта в углу.

– Надо приезжать сюда с судмедэкспертом и изымать эти следы. Если я еще на что-то гожусь, то это кровь Циля Абрамовны.

Выйдя из лифта на третьем этаже, я направилась к квартире Шик и на изразцовом полу перед дверью увидела аналогичную каплю, с грустью отметив, что следователь, осматривавший место «глухого» убийства старухи, не счел нужным осмотреть лестничную площадку, уж про лифт я не говорю, а вместо этого наверняка с радостным гиканьем помчался задерживать несчастного племянника.

Много лет назад я на следовательском семинаре слушала доклад следователя из Таллина, который всерьез утверждал, что, выехав на нераскрытое убийство, они осматривают не только само место обнаружения трупа, но и все прилегающие к этому месту улицы. Мы тогда посмеялись – хорошо ему в Таллине говорить, с их сказочными закоулочками, где из окон домов видно, что готовят на обед в кухне напротив, а вот что бы он делал в условиях нашего города, если убийство совершено, например, на Невском проспекте? Но уж если ты выехал на «глухарь» и тебе непонятно, как преступник вошел в квартиру, и тем более, как вышел оттуда, раз дверь была заперта изнутри, – уж будь любезен, осмотри хотя бы лестничную площадку перед дверью...

От квартиры Цили Абрамовны мы направились напрямиком в районный отдел по раскрытию умышленных убийств. Конечно, логичнее было поехать в прокуратуру, но из-за явных ляпов, допущенных при осмотре места происшествия, которые просто бросались в глаза, я заранее была настроена негативно по отношению к следователю, занимавшемуся делом. Да и история с оголтелым задержанием племянника покойной не прибавила мне симпатии к следствию. Я не сомневалась, что, кроме небрежного протокола осмотра и показаний подозреваемого племянника, в деле нет ничего интересного, а копию протокола и тот же самый допрос нам наверняка покажут местные опера.

В убойном отделе мы получили все, чего желали. Моя неприязнь к местной прокуратуре возрастала с каждым новым битом информации по делу об убийстве Цили Абрамовны. Дверь ее квартиры, как оказалось, была не просто заперта изнутри. Она была закрыта на все мыслимые запоры и, в довершение всего, на цепочку. Рамы на окнах квартиры Цили Абрамовны когда-то были заклеены по периметру бумагой с клейстером и с тех пор в течение уже многих лет не распечатывались. И на момент обнаружения трупа хозяйки они хранили первозданный вид. Тем не менее следствие резво пришло к выводу, что корыстный племянник пришел в гости к тетке, нанес ей удар ножом в спину, после чего покинул квартиру, ухитрившись запереть ее изнутри и накинув цепочку, и стал терпеливо ждать вступления в права наследства.

– А мы говорили нашему следаку, что с племянником-то лажа получается, – пожаловался оперативник, демонстрировавший нам документы из своего оперативно-поискового дела. – Только он себя считает умнее всех и людей второго сорта, типа оперов, не слушает.

– А сколько работает? – спросила я.

– Восемь месяцев, как следователь, – ответил опер и содрогнулся от плохо скрываемых чувств.

– Понятно, – прокомментировала я. – Степень самолюбования обратно пропорциональна стажу работы.

– Я не думаю, что у него это с возрастом пройдет, – пожаловался оперативник. Видя, что его ОПД битком набито отдельными поручениями ненавистного следователя, содержащими указания «Установить лиц, причастных к совершению преступления, допросить их, задержать и предъявить обвинение, о чем сообщить следователю», я прекрасно понимала сотрудника уголовного розыска.

Что ж, этим страдают девяносто процентов молодых следователей, а большинство, даже проработав на следствии много лет, так и не избавляется от соблазна видеть в оперуполномоченном бесплатное приложение к следователю для выполнения отдельных поручений, эталонного дармового курьера для беготни за характеристиками, если следователь не послал вовремя запрос по почте, а сроки поджимают. Я и сама далеко не сразу поняла, что у оперов есть чем заняться помимо выполнения моих поручений. Раскрытие преступлений – дело тонкое, и одному богу да операм известно, сколько сил, нервов, разговоров и беготни, наматываемой часами, требуется для того, чтобы хоть чуть-чуть приблизиться к ответу на вопрос: «Кто убил?». Конечно, кто спорит, и среди оперов полно бездельников и пьяниц, причем, как и среди следователей – тупиц и бездарей, но если абстрагироваться от тех, кто необоснованно

присвоил себе право называться оперативником и следователем, оперативная работа – это громадный айсберг, и лишь крошечную верхушку этой глыбы видят следователь прокуратуры и проверяющий из главка, листающий бумажки об оперативно-розыскных мероприятиях.

– Вы бы видели этого племянника, – продолжал жаловаться опер. – Весь юмор в том, что он же ее и нашел. Пришел к тетушке, дверь открыл своим ключом, а она на цепочке, а через щелку виден труп лежащий. Хорошо еще, наш Великий ему обвинение не предъявил, хотя собирался. Великий – это фамилия у следователя такая, – разъяснил он Синцову, который, в отличие от меня, не читал документов, подписанных работником прокуратуры.

– Говорящая фамилия, – усмехнулся Синцов.

– Племянник, грешным делом, подумал, что у тети инфаркт или что-то в этом роде, побежал к соседям, вызвал «скорую», цепочку перекусили, доктор стал помощь оказывать и в крови запачкался.

– А у вас есть версия? – подняла я глаза на опера.

– А вам зачем? – ответил он вопросом на вопрос.

– А для чего, по-вашему, мы сюда притащились? – Его подозрительность меня удивила. – Если не хотите делиться со мной оперативными секретами, поговорите без меня с коллегой из главка. Я пока копию экспертизы трупа почитаю.

– Ну что, пойдем покурим, – предложил Синцов хозяину кабинета. – Марию Сергеевну не выставишь же в коридор с бумагами из ОПД.

При этом Андрей красноречиво потряс перед ним пачкой каких-то приличных сигарет. Пожав плечами, хозяин кабинета нехотя поднялся из-за стола, и они оставили меня одну. Стараясь не прислушиваться к обрывкам разговора, долетавшим из коридора, я углубилась в данные наружного и внутреннего исследования трупа.

Спасибо экспертам, которые добросовестно описывают в заключении все повреждения и загрязнения одежды, бывшей на трупе. Благодаря этому я узнала, что на Циле Абрамовне в момент нанесения ей повреждений был вязаный кардиган, под ним – хлопчатобумажная мужская рубашка, футболка, белье. Одежда имела повреждение, соответствующее ранению на задней поверхности грудной клетки, от которого вниз шли потеки крови, из чего следовало, что ранение было нанесено потерпевшей при вертикальном положении ее тела, а также, что после получения удара ножом Циля Абрамовна не упала сразу, а некоторое время передвигалась, и что тяжесть полученного повреждения не исключала возможность совершения ею активных действий. Ну что ж, все укладывается в уже выстроившуюся схему действий маньяка: получается, что удар ножом ей нанесли в лифте, куда преступник вошел за нею следом, на это указывают брызги крови на стенах и капли крови на полу кабины лифта.

Циле Абрамовне, видимо, удалось вырваться от преступника и побежать к своей квартире, когда лифт остановился на третьем этаже. Далее, она успела открыть дверь квартиры, забежать туда и запереться изнутри, на все замки и даже на цепочку. Конечно, страх придавал ей силы, а вот когда она оказалась в безопасности, силы оставили ее, она упала прямо перед входной дверью и испустила дух. Маленькая отважная старушка. В ОПД есть несколько объяснений ее соседей, все они характеризуют ее как подвижную, бойкую женщину, сохранившую, несмотря на преклонный возраст, веселый нрав и вкус к жизни, и абсолютно здоровый взгляд на вещи.

Кроме уже описанного ножевого ранения, в экспертизе трупа не упоминалось ни о каких повреждениях, на теле и конечностях Циля Абрамовны не было ни кровоподтеков, ни ссадин, ни царапин, не было и крови и чужого эпителия под ногтями. Это обстоятельство, вкупе с тем фактом, что Циля имела возможность выбежать из лифта и укрыться в квартире, указывало на странную пассивность преступника. В этом лифте двери не открывались автоматически, нужно было распахнуть створки вовнутрь и вручную открыть дверь лифтовой шахты. Получалось, что Циля не оказывала преступнику сопротивления, и в то же время он ее не преследовал, ста-

раясь добить. Стоял спокойно, пока Циля спиной к нему открывала двери лифта? При ней не было сумки, ключи от квартиры, по всей видимости, находились в кармане плотного кардигана или в руке у Циля Абрамовны. По крайней мере, там их зафиксировали при осмотре: «В руке трупа зажата связка ключей в количестве трех штук, различного образца, ключи подходят ко всем замкам входной двери квартиры. От кольца, соединяющего ключи, отходит металлическая цепочка, ничем не кончающаяся, последнее звено цепочки раскрыто», – значит, брелок, которым должна была кончаться цепочка, был оторван преступником. А не потерян в пылу борьбы, поскольку борьбы, судя по всему, не было.

Неужели преступник нанес Циле Шик ножевое ранение, преследуя цель завладеть брелоком? Больше никакого профита с нее поиметь было нельзя. Возможностью удовлетворить извращенную половую страсть он не воспользовался, дал старушке уйти. Войти за ней в квартиру, где наверняка можно было пожить, он тоже не вошел, хотя это было вполне реально. Вряд ли это произошло оттого, что кто-то его спугнул, – в этом случае труп был бы обнаружен раньше, и спугнувший был бы выявлен при поквартирном обходе, который, надо отдать должное территориальной милиции, сделан на совесть. Так что корыстный мотив отбрасываем, он не подтверждается обстановкой места происшествия. И сексуальный, похоже, тоже.

В кабинет вернулись довольные мужчины, от которых пахло свежевыкуренным табаком. Местный опер, как будто его подменили, склонился надо мной с нежностью матери к новорожденному младенцу:

– Мария Сергеевна, вас все удовлетворило? Что еще, спрашивайте. Вы хотели про версии поговорить?

По хитрой физиономии Синцова было понятно, что в коридоре он занимался разъяснением моей роли в истории криминалистики и активно противопоставлял местной прокуратуре мою манеру работать.

– А что за брелок был на ключах у потерпевшей до происшествия? Кто-нибудь это устанавливал?

– А-а, – протянул опер, – я сразу на месте это выяснил. Соседи говорили, что Циля, когда шла домой, ключи доставала еще на улице и вертела ими в разные стороны. Они ее еще предупреждали, чтобы так ключами не размахивала на глазах у всех, а то кто-нибудь их вырвет – и привет. Поэтому брелок всем намозолил глаза.

– И что же это за сокровище было?

– Да какое сокровище? Пластмассовый кубик, фишка такая игральная. Ну, как он называется, который бросают, чтобы очки узнать?..

– Понятно. А чем он мог привлечь напавшего?

– А хрен его знает. Он вообще здоровый такой был, этот кубик, с полспичечного коробка. Племянник ей привез из-за границы.

– То есть заметная была вещица, особенно, когда бабушка крутила ее в руках?

– Да уж.

– И могла привлечь внимание преступника?

– Ну если только преступник – недоразвитый малолетка. Мочить старушку из-за пластмассового кубика, – пожал плечами опер.

Мы с Синцовым переглянулись.

– Или... – продолжил опер и замолчал.

– Или? – хором сказали мы с Синцовым, глядя в рот оперу.

– Ну... Или он – обкурившийся урод. Или стоит на учете в ПНД.

– Так какие у вас версии? – спросила я ласково.

– Андрей сказал, вы будете дело забирать, – нерешительно кивнул хозяин кабинета в сторону Синцова. Тот сделал индифферентное лицо.

– Серия, значит? – с надеждой спросил опер.

Я пожала плечами.

– Пока неизвестно. Похоже на серию. Дела хотят объединить в производстве у одного следователя, покопаемся, а если ваше дело в серию не полезет, вернем обратно.

Опер ухмыльнулся.

– А ОПД главк заберет?

Когда Синцов кивнул, главная задача в раскрытии данного преступления для местного оперативника была решена. Версий от него мы так и не услышали.

Когда мы вышли на улицу (причем я – отчетливо припадая на больную ногу), первое, что спросил Синцов, было:

– Ну а теперь колись, Машка, как ты вычислила эту мокруху. Ежу понятно, что это наш случай.

– Элементарно, Ватсон, – с некоторым высокомерием ответила я. – Поскольку в этот день в сводках не было убийств, совершенных в парадных, я стала искать убийство, которое могло быть совершено в парадной.

– Здорово. – Он помолчал. – А что насчет второй субботы?

– Сейчас посмотрим. Я сводку за первую субботу октября взяла с собой. Не косись так, я ее не съем. Пошли в машину, там глянем.

Мы направились к машине, но по дороге Синцов схватился за карман:

– У меня пейджер разрывается. Подожди, прочитаю, что хорошего пишут. Меня, наверное, уже ищут с фонарями, я ж свалил на полдня.

Он достал пейджер, прочитал текст и порадовал меня сообщением о том, что это меня, оказывается, ищут с фонарями.

– Твой прокурор все телефоны в главке оборвал, требует тебя подать немедленно. Пошли вернемся, позвонишь ему.

Мы вернулись в отдел милиции, но в убойный подниматься не стали, я позвонила в прокуратуру из дежурной части. Шеф действительно искал меня, требуя немедленно ехать в городскую прокуратуру и улаживать вопрос с передачей дел. В принципе это совпадало с моими планами, поскольку бродить в потемках мне надоело, надо было срочно знакомиться с делами и начинать работать.

Синцов пообещал отвезти меня в прокуратуру города. Выйдя из милиции, мы сели в машину, но Андрей не торопился мчаться за делами.

– Давай сводку посмотрим, мне не терпится, – признался он.

Я достала из сумки бумаги:

– На, смотри. Хотя я и так догадываюсь, что за убийство мы с тобой найдем.

– Маша, – проникновенно попросил Синцов, не отрываясь от сводки. – Перестань давить меня своей интеллектуальной мощью. Неужели это все из-за курсов ФБР?

– Нет, это от рождения, – успокоила я его. – Ну что, нашел?

– Так, это не то, – бормотал Андрей, изучая сообщения о тяжких преступлениях, совершенных на территории нашего города в первую субботу октября.

– Ладно, передохни. Посмотри, есть сводка по трупу девушки в подвале, в белом пальто?

– Сейчас, подожди. Ага. Ты имеешь в виду труп Черкасовой?

– Фамилии не знаю. Должен быть труп в подвале, девушка в белом пальто, резаная рана шеи, если я правильно помню.

– Вот единственное, что я похожее нашел, – в 18 часов в подвале дома 16 по ул. Героев Комсомольцев обнаружен труп неустановленной женщины, на вид около 20 лет, которая опознана как Черкасова Евгения Михайловна, студентка Художественного училища им. Мухиной. На трупе обнаружены повреждения в виде резаной раны шеи... Машка, откуда ты знала?

– Не волнуйся, курсы ФБР тут ни при чем. Я когда выезжала на труп Антоничевой, эксперты в машине трепались, упомянули про это убийство.

– Так, – Синцов мгновенно собрался и посерьезнел еще больше. – Ты давай дуй к руководству, а я пока выясню, что с этим убоим. Вдруг его уже раскрыли и без нас?

– Не волнуйся. На твою долю останется. Поехали.

Тронувшись с места, Синцов развил такую скорость, что я только охала на крутых поворотах. Однако по мере приближения к прокуратуре города ему пришлось умерить пыл, поскольку на нашем пути встретились многочисленные препятствия в виде пробок, инспекторов ГИБДД и светофоров. Но полностью сдержать свой водительский темперамент Синцов не мог и лихо завернул на улицу, где движение в этом направлении разрешалось только пассажирскому транспорту. Конечно, его тут же тормознул сотрудник ДПС, притаившийся на этом перекрестке в ожидании таких неграмотных лохов. Сержант в форме ГИБДД не торопясь подошел к нам, козырнул и меланхолически представился:

– Сержант Петров. Вы нарушили...

Договорить он не успел, из машины высунулась рука Синцова с развернутым, как флаг, удостоверением. Инспектор наклонился прочитать звание и, снова козырнув, с огромным чувством собственного достоинства, не меняя интонации, произнес:

– И у нас бывают ошибки, товарищ майор. Всего хорошего.

И мы рванули дальше.

Я хорошо понимала Андрея. Во мне тоже взмывали фонтанчики охотничьего азарта. Когда начинает получаться, усидеть спокойно на месте невозможно. Мне казалось, что раскрытие – вот оно, стоит только руку протянуть. Когда я буду обладать всей собранной по делам информацией, мы с Андреем сравнительно легко найдем убийцу. Я жалела только об одном – что я не могу одновременно знакомиться с делами, осматривать места происшествий и разговаривать с судебно-медицинскими экспертами. Мое нервно-приподнятое настроение, правда, омрачалось сознанием того, насколько мы стеснены в сроках. Если мы правы и действительно имеем дело с маньяком, в следующую субботу будет убита еще одна женщина. Нет, лучше уж думать о том, что мы справимся за неделю.

По дороге я, чтобы отвлечься, поинтересовалась у Андрея его пейджером.

– Обзавелся современными средствами связи?

– Ну да. Трубку содержать дороговато, а пейджер – в самый раз. Пейджера и телефонной карты мне вполне хватает для обеспечения жизненных нужд.

– А оперативных нужд?

– И оперативных тоже. Правда, привыкал я к нему долго. На первых порах, стоило ему квакнуть, я тут же бросался смотреть, что он мне хочет сказать. Потом остыл. Если я за рулем, то общение с пейджером откладываю.

– А чего так? Ты же ас, по ощущениям водить можешь, с закрытыми глазами.

– Был печальный прецедент. Ехал я по делам и очень торопился. Тут пейджер запищал, я решил на него посмотреть – какое такое важное сообщение мне прислали, – и на секунду потерял управление, а что самое обидное – врезался в машину ДПС. Долго потом объяснялся.

– А что на пейджер сообщили-то?

– Что? А! Курс доллара.

* * *

Войдя в горпрокуратуру, я заколебалась – идти мне прямо к заместителю прокурора города договариваться о передаче дел или сначала зайти к следователю Коруновой, глянуть в материалы дела об убийстве театральной художницы Базиковой. Заколебалась настолько, что даже подбросила монетку. Выпало идти к начальству.

Евгений Кириллович встретил меня приветливо, как обычно, но и несколько настороженно. А как еще можно встретить следователя, который по собственной инициативе нагружает себя делами в количестве, превышающем разумные пределы?

– У вас есть список дел, подлежащих передаче? – Зампрокурора города сразу взял быка за рога, наверное, опасаясь, что я передумую. – Вы берете четыре дела, насколько я знаю со слов Владимира Ивановича? Одно и так у вас в производстве.

– Шесть, Евгений Кириллович.

– Уже шесть? – удивился он. – Что, со вчерашнего вечера еще парочка нашлась?

– Нашлась, – кивнула я.

– Так что, маньяк?

– Очень похоже, тьфу-тьфу-тьфу.

– А что это вы так? – подозрительно посмотрел на меня Евгений Кириллович. – Не дай бог, если это маньяк, мы ж от прессы не отобьемся. Хорошо еще, что они не пронюхали...

– Просто если это маньяк, то искать его будет проще, чем раскрывать каждое из этих убийств в отдельности.

– Вы думаете? – Евгений Кириллович грустно посмотрел на меня. – Дай бог, чтобы дела раскрылись, а то ведь житья нам не дадут. Генеральная долбить будет...

– Вот-вот, Евгений Кириллович. Я как раз хотела вас попросить: чтобы не поднимать шум, давайте запросим каждое дело в отдельности, якобы с целью оказания практической помощи, и не будем раздувать слухи о серийных преступлениях.

– Так. Понятно. Я хотел вам предложить бригаду создать, подключим следователя из милиции, чтобы вам самой не бегать по пустыкам, вы бы только руководили и направляли.

– Спасибо, Евгений Кириллович, вот этого как раз не надо. Согласуйте с ГУВД закрепление за мной оперуполномоченного Синцова, а все следственные действия я выполню сама, так вернее.

– Вы уверены?

– Конечно. Я предпочитаю допрашивать сама. Осматривать тоже. Справлюсь.

– А дела района? С ними как? У вас ведь хронические кадровые проблемы, кроме вас и Горчакова, рассчитывать не на кого. Может, в обмен на те дела, что вы забираете, ваш район передаст свои?

– Евгений Кириллович, вряд ли это имеет смысл. Загубленные дела никто не возьмет. А передавать дела в хорошем состоянии, по которым все отработано, жалко.

– Тоже верно, – согласился Евгений Кириллович. – Так что, сами закончите?

– Закончу.

– А не надорветесь?

– Не впервой.

– Хорошо, – зампрокурора дал понять, что вопрос решен и разговор закончен. – Идите в канцелярию, и раз уж вы настаиваете на секретности мероприятия, сами оформите запросы на дела и сопроводительные к ним, как считаете нужным. Одно дело ведь у нас, в Управлении по расследованию особо важных дел?

– Да, у Коруновой.

– Вот с него и начните, а потом, потихоньку, придут другие дела...

– Евгений Кириллович, потихоньку меня не устраивает, я должна получить все дела сегодня. Я на машине, и если вы подпишете запросы, я сегодня же всех объеду.

– А что за спешка? – удивился зампрокурора.

Я открыла было рот, чтобы объяснить, что за спешка, но передумала. Не буду пугать высокое начальство, объяснять, что наш маньяк убивает по субботам, а до ближайшей субботы осталось пять дней.

И пять ночей, но это уже имеет значение для меня, а не для него.

– Я хочу как можно быстрее составить сводный план расследования, – дипломатично ответила я и попала в точку. Очень довольный Евгений Кириллович снял телефонную трубку и предупредил Корунову, что я забираю у нее дело, а документы на передачу оформим в самое ближайшее время.

Через три минуты я уже сидела в кабинете Коруновой и отдыхала душой. Вера Корунова, приятнейшая женщина средних лет и средне-русской внешности, оказывала на меня просто психотерапевтическое воздействие. Следователем она работала всю сознательную жизнь, с перерывом на рождение двоих детей, и в отличие от подавляющего большинства наших общих коллег, не исключая и меня, прожила все эти годы с одним и тем же мужем, которого любила без памяти, и он платил ей тем же. В общем, мне ее дом всегда представлялся идеальным домом, а она – идеальной женщиной, и я была поражена, когда Вера, не успев я ступить на порог ее кабинета, сообщила мне, что я очень вовремя забираю дело, поскольку она ложится в клинику неврозов и все дела передает.

– Вера, какая клиника неврозов? – потрясенно спросила я. – Я не знаю более уравновешенного человека, чем ты!

– Дорогая моя, я не за себя боюсь, а за своих домашних.

Я ж тебе говорила: после трудового дня иду домой и себя успокаиваю – мои домашние тут ни при чем. И когда вхожу, сразу их всех предупреждаю – прячьте ножи.

– Вера, поверить не могу! Неужели так плохо?

– Ну а ты как думаешь? Стала бы я иначе прохладиться в психушке? – И она улыбнулась мне мягкой, просто завораживающей улыбкой. – Я на грани нервного срыва.

– А что муж твой говорит?

– А что он может говорить? Лечись, дорогая, а то, не дай бог, инвалидность получишь и придется со следствия уйти...

– Правда, что ли?

– Ну конечно. Показать тебе фотки моих деток? – И она вытащила из сумки цветные фотографии младшего сына – красивого подростка с огромными внимательными глазами – и старшей дочери. Дочь, явно будущая фотомоделль, была одета в предельно рискованную кофточку, причем нижнего белья под ней не наблюдалось.

– Какая шикарная девчонка! – сказала я Вере, возвращая фотографии. – Парень у тебя тоже хорош, но Инка – просто Клаудиа Шиффер.

– Да уж! – Вера легко вздохнула, все с той же улыбкой. – Говорю этой паршивке – что ж ты лифчика не носишь, с твоим выменем. Она мне отвечает – у меня вырез большой, некрасиво, если лифчик будет из-под кофты торчать. Я ей говорю – значит, если лифчик торчит – это некрасиво, а если сиськи торчат – красиво? Так?

Мы с ней посмеялись, и Вера еще раз сказала мне, что рада, что дело Базиковой забираю именно я.

– Понимаешь, это дело мне в душу запало. Базикову эту жалко, и так мне хотелось раскрыть... Ты не волнуйся, у меня все отработано. Даже местные гопники, я их всех допросила, и даже одежду с них поснимала и на кровь исследовала. Ничего. Опера говорят, никаких там перспектив. Может, ты раскроешь?

– Может, раскрою. Тьфу-тьфу. – Я постучала по краю стола.

– По столешнице не стучи, все равно толку не будет.

И я постучала по ножке стула.

– У меня похожее дело есть, там тоже старушка убита, и тоже один ножевой удар в спину.

– Да ну? – Вера напряглась. – Неужели серия?

– Похоже на то, – осторожно сказала я.

– То-то я смотрю, у меня традиционными методами ничего не получается. А там, оказывается, серия.

– Вер, я, конечно, дело прочитаю, а ты мне сейчас можешь сказать, есть там хоть что-нибудь, за что можно зацепиться?

– Так. – Вера сосредоточилась и помолчала. – Первым делом я попыталась установить, где на нее убийца наткнулся? То ли шел за ней, то ли ждал в подъезде. Ничего не получилось.

– Да? – заинтересовалась я. – Ты тоже искала точку, где они встретились? У меня по последнему трупам такая же ситуация: не могу понять, где он девочку потерпевшую подхватил?

– Я ногами весь ее маршрут протопала. От театра там недалеко. Если только он ее в театре приметил?..

– А еще что, Вера? Там хоть какие-то свидетели есть?

– Есть свидетельницы, которые видели, как Базикова уходила из театра. Ну, капельдинерши там местные, естественно, они все ее хорошо знали. Она была в хорошем настроении, напевала: «Уж вечер, облаков померкнули края», – и ушла, держа в руке программку спектакля, между прочим, оформленную по ее рисунку.

– Слушай, может, эта программка привлекла внимание? – спросила я. – Ее же, насколько я знаю, прямо на рану положили? Там на ней отпечатков никаких нету?

– Я думала об этом, – медленно сказал Вера. – У нее поверхность шероховатая, отпечатков пальцев не дождешься. Я вот на потожир ее отдала, может, хоть группу крови получим...

– Вер, а что за шляпная булавка? Которую похитили...

– А, да. Это зацепка хорошая. Необычная вещь, если у кого-то найдут, трудно ему будет объяснить ее происхождение. Я у нее дома нашла такую парную булавку, дочь показала и выдала ее. Вторая булавка при деле, тебе для образца. В картотеку похищенных вещей я ее поставила, хотя надо мной долго смеялись.

– Действительно железная?

– Да, с петелькой на конце. Ценности никакой не представляет.

– Вера, а кто труп нашел?

– Труп нашла доктор из «неотложки». Ее вызвали к женщине из этого дома, которая живет на последнем этаже. Докторша вошла в парадную и обнаружила тело. По времени получается, что Базикова только-только успела дойти от театра до дома. Докторша попыталась оказать помощь, но сразу констатировала смерть, вызвала от жильцов квартиры на первом этаже милицию и находилась при трупе до ее приезда.

– Она не при делах? Никаких пересечений с потерпевшей?

– Да нет, это мы проверили. Хотя версия красивая. Доктор «неотложки» в роли наемного убийцы, сама же и милицию потом вызывает...

– Да, но надо, чтобы вызов в этот дом совпал с появлением жертвы. А вызов был, вы проверяли?..

– Обижаешь, Машка. Первое, что мы вообще проверили. В общем, могу утверждать почти со стопроцентной уверенностью, что личных мотивов там нет.

– А гражданское дело? Насколько я знаю, Базикова судилась с генералом насчет квартиры?

– Понимаешь, я тоже сначала за это ухватилась, но потом поговорила с судьей, посмотрела гражданское дело и мне стало понятно, что для генерала идеальным вариантом было бы мировое соглашение. Со смертью Базиковой ситуация для него осложнилась. Ну ты сама посмотришь.

Под разговоры о перспективах раскрытия убийства Базиковой Вера ненавязчиво умудрилась впихнуть в меня бутерброд с ветчиной и напоить чаем. За чаепитием она, посмеиваясь, рассказала, что с места осмотра трупа Базиковой она заехала к себе в прокуратуру, и не успела она войти в кабинет, как раздался телефонный звонок. Сняв трубку, она услышала старческий голос, интересующийся, кто занимается расследованием смерти Софьи Марковны Базиковой. Вера вежливо ответила, что пока дело еще никому не поручено и что сведения об этом будут в

канцелярии прокуратуры в понедельник. Старушка на том конце провода помолчала, а затем многозначительно заявила: «Ну так вот, что я вам скажу: Софью Марковну... убили!»

Поболтав еще немного с Верой и в который раз подивившись, что ей пришла нужда лечь в клинику неврозов – настолько здоровое впечатление она производила, – я забрала дело и пошла в канцелярию оформлять передачу мне всех убийств в производство, под Верино напутствие в том смысле, что как грязь свинью, так работа Швецову всегда найдет.

* * *

Все это дурацкое оформление бумажек заняло весь день до вечера. Я с трудом успела в прокуратуру. Лешка Горчаков, как последний уходящий, готовился сдать контору под сигнализацию. В сумке у меня лежали три уголовных дела, и Лешка попенял мне на то, что я не использую уголовный розыск для охраны драгоценных следственных материалов. Вот еще одна иллюстрация к идее о неправильном понимании места уголовного розыска в современном обществе.

– Да, подруга, тебе там еще три дела привезли из городской. Это по маньяку?

– По нему.

– А почему так много? С утра было всего четыре. А сейчас получается шесть чужих да одно наше. Изволь объясниться, зачем плодишь серию?

– Ты же знаешь, чудовище, – чем больше случаев, тем легче раскрыть.

– Ой-ой-ой! Теоретик! То-то Чикатило так быстро поймали! Ладно, пошли домой, я тебя провожу.

– Подожди, Леша, я заберу дела из канцелярии, дома почитаю. Они у Зои остались?

– Хватились! – злорадно сказал Лешка. – Зоя давно ушла и сейф свой заперла и опечатала.

– Ой! – Я расстроилась чуть ли не до слез и от досады стукнула кулаком по дверному косяку. Но посмотрев на Лешкину довольную физиономию, поняла, что дело не так плохо.

– Ну да! – сказал он. – Правильно! Кто еще позаботится о тебе, кроме дяди Лешки? Забрал я дела у Зои, у меня они. Заодно почитал. Помогу тебе донести. Пошли, бедолага, Гошка твой небось уже заждался мамочку. А кто его, кстати, из школы берет?

– Да он уже большой вырос. Из школы сам приходит. Я только по утрам его провожаю, потому что в транспорте давка.

Я засунула все дела по убийствам женщин в большой полиэтиленовый мешок, мы с Лешкой сдали прокуратуру под сигнализацию и пошли к метро через темный и пугающий скверик – самое криминогенное место в нашем районе. Лешка галантно нес пакет с делами. По дороге он завел со мной светскую беседу по вопросу, волновавшему его чрезмерно, – про то, почему я рассталась со своим другом жизни – доктором Стеценко, которого все мои друзья и знакомые искренне полюбили, и в котором не могли найти ни малейшего изъяна, оправдывающего мое поведение.

Ну как я могла объяснить Лешке то, в чем сама еще не разобралась? Оставалось только оправдываться.

– В конце концов, Леша, ты никогда меня не поймешь, потому что даже в мелочах будешь на стороне мужчины.

– Да Сашка не нуждается в моей защите, потому что он тебе ничего плохого не сделал.

– Возможно. Но я хотела от него большего.

– Швецова, ты зажралась, – повторил Горчаков то, что мой внутренний голос давно уже доказывал мне, когда я оставалась с ним наедине.

– Мне стало казаться, что я ему не так уж и нужна. И, похоже, я не ошиблась.

– С чего ты взяла, дуреха? – Лешка даже остановился и стал вглядываться в меня, ища признаки мгновенно развившейся умственной отсталости.

– Ну хотя бы с того, что прошло уже больше пяти месяцев, а твой любимый Стеценко так и не нашел времени поговорить со мной о личном. Если мы и встречаемся случайно в морге, он со мной только про трупы разговаривает. Я в курсе всех интересных вскрытий за последние полгода. То есть он до сих пор так и не решил, нужна я ему или нет.

– Слушай, ты, феминистка хренова! Что ж ты за других решаешь, нужна ты мужику или нет? Может, он ночей не спит, только о тебе и думает?

– Может быть. Только мне об этом ничего не известно, а я привыкла полагаться на то, что я вижу и слышу.

– Догматичка! Во-первых, пять месяцев для мужика – не срок. Он может и годами решать, нужна ты ему или нет...

– Вот и прекрасно, только я не буду годами ждать, пока он созреет для решительных поступков.

– А что ты сделаешь, интересно, ненормальная?

– Заведу любовника. Выйду замуж.

– Да? Ха-ха-ха! – Лешка разразился обидным хохотом. – Дурочка, я что, тебя не знаю? Ты уже вкусила свободной жизни, без мужика, которого надо холить, лелеять, ублажать и еще терпеть от него всякое. Да тебя теперь замуж калачом не заманишь. Что я, тебя не знаю?

Я вдруг поняла, насколько Лешка прав. Получается, что опять другие люди понимают мою сущность лучше, чем я сама. Эта мысль настолько впечатлила меня, что я молчала всю оставшуюся дорогу до метро, несмотря на Лешкины приставания по поводу женских трупов и намеки, что он с утра едет в морг и мог бы поговорить с экспертами... Завтра все ему расскажу.

В метро мы с Лешкой разошлись по разным веткам, и мне так повезло, что я оказалась почти в пустом вагоне. Напротив меня сидел только коротко стриженный молодой человек, и я, поглощенная раздумьями о своей нелепой личной жизни, не сразу заметила, что он откровенно изучает меня, склонив голову к плечу. Когда я все же обратила на него внимание, он решил:

– Хотите, я вам скажу, как вас зовут?

Я усмехнулась. Последний раз со мной знакомились таким образом лет двадцать назад, когда я была в седьмом классе. Но визави просто сверлил меня глазами.

– Хотите, я вам скажу, как вас зовут?

– Спасибо, я знаю, – вежливо ответила я.

Визави неожиданно смутился, а я испытала облегчение: никогда не знаешь, на кого нарвешься вот так, в шутейном разговоре: моя подружка как-то грубо отшила пьяного, привязавшегося к ней на эскалаторе, и была избита так, что три месяца не показывала носа из дому. А этот, раз краснеет, вряд ли будет дебоширить. Хотя кто их, мужиков, знает...

– Вас зовут Мария, – продолжал молодой человек, оправившись от смущения. Я была удивлена.

– Что-нибудь еще из моей биографии? – спросила я, стараясь не показаться слишком заинтересованной.

– Пожалуйста. Ваша работа связана с людьми.

– А конкретнее? – Эта угадка занимала меня все больше и больше.

– Вы или врач... – наверное, по моему лицу он понял, что промахнулся, – или юрист.

Вглядевшись в него, я увидела, что он не такой уж молоденький – ему лет тридцать пять, просто в его облике есть что-то мальчишеское.

– Ну что, я прав?

– Похоже, что и вы работаете с людьми, – не осталась я в долгу. – Вы или продавец, или журналист.

Парень расхохотался. Смех у него был хороший, заразительный.

– Один – один, – отсмеявшись, сказал он. – У вас вид усталый, помочь вам? Сумка тяжелая?

– Донесу, спасибо, – ответила я, мгновенно разочаровавшись. Я, конечно, доверчивая, но не настолько.

– Скажу вам откровенно, как продавец – доктору, это я из лучших побуждений. Но я вижу, вы боитесь доверять незнакомому, поэтому могу показать вам свои документы. – И он вытащил из кармана удостоверение члена Союза журналистов.

Приближалась моя остановка, и мне совершенно не улыбалось идти домой в сопровождении незнакомой мужчины. Может, он и есть наш загадочный маньяк, вот так и цепляет своих жертв – обаятельно улыбается, предлагает помочь, а в парадной достает ножик... Надо как-то отделяться от него. Поезд остановился, двери открылись. Досидев до объявления: «Осторожно, двери закрываются», я резко встала и, не глядя в услужливо развернутое передо мной удостоверение, вежливо сказала:

– Спасибо, мне пора выходить, – и выскочила на перрон как раз в тот момент, когда двери начали смыкать створки. Обернувшись, я увидела, что мой случайный знакомый, улыбаясь, машет мне рукой за стеклом.

Когда я добралась домой, ребенок успел сделать уроки и поиграть на гитаре. Был он какой-то грустный, и я присела перед ним на корточки и заглянула в лицо.

– Гошенька, котик мой, что ты куksiшься?

– Так, ничего... – Он отвел глаза.

Мне это не понравилось. Я уселась в кресло, посадила его к себе на колени и обняла. Ребенок послушно положил голову мне на плечо, и мне показалось, что он едва сдерживает слезы.

– Лапонька моя, что случилось? – Я стала гладить его по голове, целовать в макушку, и он все глубже зарывался мне в плечо и прижимался ко мне и уже начал всхлипывать. – Что ты, мой зайчик? Что-нибудь в школе?

– Нет. Мне просто тебя не хватает, – прошептал он, пряча лицо.

– Котенок мой! – Я изо всех сил прижала его к себе. – Ты же знаешь, что я тебя очень люблю, больше всех на свете, я бы очень хотела быть с тобой все время, правда!

– Правда? – переспросил он, хлюпая носом.

– Ну конечно.

Я гладила его по голове, и он постепенно успокоился.

– Ма, я так скучаю, когда я один дома. Давай заведем собаку, а?

Я вздохнула.

– Гошенька, собака – это замечательно. Я в детстве тоже очень хотела собаку и даже как-то принесла домой щенка.

– Щенка? – заинтересовался он. – Какой породы?

– Беспородного. На даче какая-то женщина продала мне его за три рубля, за все мои сбережения.

– И что с ним стало?

– В пятницу на дачу приехала мама и попросила отнести щенка обратно, сказала, что мы не можем его держать.

– И ты отнесла?!

– Отнесла. И больше никогда не делала попыток завести собаку.

– А сейчас?

– Лапуня, я очень люблю собак. Но если у нас появится щенок, нам придется очень трудно. – Надо как-то объяснять сыну, что тяжесть ухода за щенком ляжет целиком на его плечи: сначала напугаю его тем, что с собакой надо рано гулять. – Во-первых, по утрам и так тяжело вставать, а если будет собака, то вставать придется на целый час раньше...

– Мамуля, ты сама не заметишь, как привыкнешь, – умильно проговорил Гоша, снова кладя голову мне на плечо.

– Ах ты, свинтус! – Я сбросила его на диван и начала щекотать. Он развеселился и весь вечер выглядел вполне умиротворенным. Ложась спать, он попросил приготовить на завтра блинчики с мясом.

Когда Гошка утомился и уснул, я удалилась на кухню и разложила на столе уголовные дела. В двух из них не было заключений судебно-медицинских экспертиз трупов, и, посмотрев на часы, я подумала, что еще не поздно позвонить Горчакову.

– Леша, – сказала я тихо, набрав горчаковский номер, – ты завтра в морге не сможешь взять две экспертизы? По Ивановой и Погосян. – Я назвала ему даты, районы и фамилии следователей, назначивших экспертизы.

– А ты что, дела читаешь? – осведомился Лешка. – Вот вы, бабы, всегда так: работу тащите домой, а дом – на работу.

– Как остроумно, – огрызнулась я. – Я эту плоскую шутку слышала еще в школе.

– Так с тех пор в вашем бабском умишке ничего не изменилось.

– В тебе говорит зависть хоть к такому умишку.

– Еще одно слово, и поедешь за экспертизами сама.

– Понял, не дурак, – моментально отозвалась я, – как говаривал наш общий друг Кораблев. Как, кстати, у него дела, не знаешь?

– Увольняют нашего общего друга.

– За что?!

– Маш, потом расскажу. Ленка меня ужинать зовет.

– А ты что, еще не ужинал? Ты, по моим прикидкам, уже три часа, как дома.

– Нет, я пришел и пообедал, а теперь буду ужинать.

Понятно, жена Горчакова, вся в счастье, что муж так рано появился дома, не знает, чем его ублажить, и закармливает на убой.

– Не лопни, – сказала я, и со спокойной совестью положила трубку.

Итак, что же получается, если свести воедино все произошедшие убийства? Среди них есть очень похожие по способу действия пары: Шик и Базикова – сходство в возрасте (обе – пожилые женщины), в количестве и локализации повреждений (каждой нанесено по одному ножевому удару в спину).

Вторая пара – тридцатилетняя Людмила Иванова и последний случай, Рита Антоничева. Обе – молодые женщины, обе убиты путем нанесения большого количества ножевых ударов (у них – по десять и более ран), обеих преступник захватил сзади, одной рукой зажав им рот, другой нанося удары по передней поверхности грудной клетки.

Есть определенное сходство между обстоятельствами убийства Анжелы Погосян и неустановленной женщины, с которой все и началось. Если, конечно, все началось в этом году и в нашем городе. Нельзя ведь исключить, что психически больной человек начал убивать женщин несколько лет назад, но тогда никто не связал воедино эти убийства, просто их списали, каждое в отдельности, на разбойные и хулиганские нападения; потом человек был госпитализирован, полежал в психиатрической больнице, у него наступило кажущееся улучшение, его выпустили, и он снова начал убивать... В моей практике был случай, когда субъект с органическим поражением головного мозга проломил молотком голову своей матери. Его признали невменяемым, отправили на принудительное лечение в больницу специального типа, то есть в условия, приближенные к тюремным, где он провел пять лет. К концу этого срока врачи отметили у него стойкую ремиссию, улучшение состояния, и сочли возможным поставить вопрос о снятии с него принудления. В день, когда его выпустили из психбольницы, он вернулся домой, взял молоток, вышел на улицу и спросил у первой попавшейся девушки, который час. Пока та задирала рукав, чтобы посмотреть на часы, он стукнул ее молотком по голове.

Так вот, что мы имеем на сегодняшний день? Сходство, по способу действия, между убийствами Анжелы Погосян и бомжихи средних лет заключается в количестве нанесенных

ножевых ударов – по шесть, но локализация разная. Все шесть ножевых у бомжихи – в спину, Погосян получила три удара ножом в грудь, три в спину, но можно предположить, что она вела себя более активно и пыталась если не сопротивляться, то уйти от убийцы. По словам подруги, Анжела до самого момента смерти была в сознании, ползла по лестнице, даже что-то сказала перед смертью. Видимо, сначала ей нанесли три удара ножом в грудь, она повернулась и стала убегать, и ее ударили еще в спину. Интересно, кстати, почему убийца не преследовал немощную старушку Шик, а Погосян преследовал?

Можно сгруппировать убийства и по другому признаку – по месту. На старушку Шик и на молодую Людмилу Иванову напали в лифте. На Базикову, Погосян и Антоничеву – сразу, как только они вошли в парадную.

Особняком стоит убийство молоденькой Жени Черкасовой – во-первых, ее труп был обнаружен в подвале, и это единственный случай, когда тело убитой женщины перемещалось после совершения преступления. Добро бы это еще был первый или последний случай, тогда это можно было бы списать на приобретенный преступником опыт, что изменило его поведение. Но это убийство – по хронологии между пятым и седьмым, последним. Последнее преступление не связано с сокрытием трупа. Может, мы зря его считаем одним из серии? Но тогда у нас зависает одна из суббот. Заколдованный круг!

Пока я пыталась так и сяк сгруппировать совершенные убийства, чтобы нащупать хоть какую-то логику в действиях злодея, у меня начала оформляться одна мыслишка, но чтобы ей окончательно сформироваться, нужно, чтобы передо мной лежали все до единого заключения экспертиз трупов.

Собрав дела, я легла спать, но долго еще ворочалась в постели. Отчасти из-за того, что меня трясла нервная дрожь перед грядущей субботой. Группировать убийства по сходству способов, составлять сводные таблицы – это все, конечно, хорошо, но пока что мы ни на шаг не продвинулись в поисках убийцы. А до субботы уже на один день меньше. Господи, и я добровольно взвалила на себя такую ответственность!

А кроме того, лежа в темноте на широком диване, я особенно остро чувствовала свое одиночество. Днем еще ничего, но ночью все время вспоминается, как я еще недавно засыпала на руке любимого мужчины, как он во сне прижимался ко мне... Так, все, хватит! Если любимый мужчина оказался такой тряпкой, что не в состоянии отважиться на серьезный разговор, значит, он не стоит душевных мук. Но это я понимаю разумом, а душа все равно ноет. Надо было мне самой съездить в морг, там одна или две экспертизы – Сашкины, был бы повод с ним встретиться... Завтра утром позвоню Горчакову, пока он еще не вышел из дому, и скажу, чтобы он не брал мои экспертизы, я сама за ними съезжу. Он будет только рад, потому что с момента нашего с Сашкой расставания ведет себя, как настоящая сводня. Дня не проходит, чтобы он не зудел над моим ухом про необходимость воссоединиться с Сашкой.

Но не зря говорят, что утро вечера мудренее. Проснувшись по звонку будильника, я совершенно по-другому посмотрела на вещи. Зачем мне самой искать встречи с человеком, который за пять месяцев палец о палец не ударил, чтобы вернуть женщину, без которой он якобы жить не может?

Поскольку ребенок заказал блинчики с мясом, я решила наконец забрать у мамы мясорубку, которую она купила мне по моей просьбе еще летом. Все эти новомодные чудеса кухонной техники с электронной начинкой я не люблю, комбайнами и миксерами не пользуюсь, предпочитаю прокручивать мясо по старинке, механическим прибором, даже белки для безе взбиваю не миксером, а вручную, вилкой. Так в них больше воздуха, они получаются нежнее, хотя нагрузка на мускулатуру при взбивании – как от марафонской дистанции.

Выходя из дому, я позвонила маме, надеясь заехать к ней в обед. Телефон не отвечал. Я удивилась, потому что уйти в такую рань она не могла, никаких дел, заставивших мою мать выйти из дому ни свет ни заря, я себе не представляла.

Придя на работу, я позвонила снова. И снова никакого ответа. Я начала волноваться. К тому моменту, когда Горчаков вернулся из морга, я была уже в последней стадии истерики.

– Лешка, – набросилась я на него с порога. – У тебя вроде знакомая какая-то живет в том же доме, что и моя мама. Мне не выскочить, не мог бы ты попросить ее зайти к моей матери, проверить, все ли в порядке?

– Да нет проблем. А что случилось?

– Понимаешь, с утра маме звоню, к телефону никто не подходит. Не дай бог, что-нибудь случилось. Мама еще вчера жаловалась на сердце, а если вдруг, тьфу-тьфу, плохо стало, так и позвать-то некого. Позвони своей приятельнице, а?

Отзывчивый Лешка сразу же набрал номер телефона своей знакомой и, вкратце объяснив ей ситуацию и назвав адрес, попросил подняться на три этажа выше и позвонить в квартиру, проверить, все ли в порядке. Те пятнадцать минут, которые понадобились ей на выполнение поручения, я провела у телефона, нервно ломая руки.

Лешка успокаивал меня, как мог, но я все равно дергалась, и только одна его фраза меня слегка развеяла. Сидя в моем рабочем кресле и рассеянно глядя на телефон, Горчаков задумчиво, как бы про себя, произнес:

– Господи, настанет ли такой день, когда моя теща перестанет отвечать на телефонные звонки?..

Зная о его отношениях с тещей, которые сводились к именованию друг друга за глаза «этот» и «эта», я не могла сдержать истерического смеха.

К счастью, через пятнадцать минут добрая женщина отзвонилась и доложила, что с моей мамой все в порядке, просто испорчен телефон, и что мама ждет меня в обед. Я облегченно вздохнула и углубилась в изучение экспертиз, которые привез Лешка. Двух часов до обеда мне было, конечно, мало, и я с сожалением оторвалась от увлекательного чтения.

Мама выглядела неважно, и у меня сжалось сердце. Почему у меня не хватает времени на общение с самыми близкими людьми? Работа работой, но когда матери не станет (сейчас я даже думать об этом боюсь), я горько пожалею, что мало была с ней, особенно когда она постарела, и ей больше, чем когда-либо, нужно с кем-то поговорить, чтобы не одолевали мрачные мысли, и именно теперь нужно внимание дочери, в которой вся ее жизнь, не слишком-то счастливая.

Я поболтала с мамой, попила чай, приготовленный ею, съела винегрет, но время поджимало, и мне пришлось с болью в сердце попрощаться. Мама выдала мне мясорубку, заботливо упакованную в бумагу и полиэтиленовый пакет, и я понеслась.

В прокуратуре меня ждал Синцов с оперативной информацией по убийству Жени Черкасовой. Из уголовного дела я уже знала, что труп Черкасовой был обнаружен в подвале дома, где она не жила и знакомых не имела. По крайней мере, следствие их не установило. Труп ее нашли бомжи, заселявшие подвал. Днем они промышляли по помойкам, а к вечеру стеклись к месту обитания и были неприятно удивлены. Двое из них были допрошены по делу. Они клялись, что, обнаружив мертвую девушку, они сразу пошли в милицию к знакомому оперу (это понятно, хороший опер на своей территории знает и привлекает всех бомжей, поскольку они являют собой бесценный источник разнообразной информации, незаменимой при раскрытии преступлений). Кроме того, они клялись, что не трогали труп и ничего не брали с места происшествия. Естественно, орудия убийства рядом с трупом не было. Кровь там имелаась только под раной на горле девушки, она натекла лужей, а вот брызг или потеков следователь в протоколе не зафиксировал. Следов борьбы в подвале тоже не отмечалось, наоборот, было указано, что песок, который покрывает пол подвала, ровный, не взрыхленный. И совершенно было непонятно, как Женю, приличную, шикарно одетую студентку-художницу заманили в подвал, если именно там ее убили, или как тело оказалось в подвале, если убили ее в другом месте. Как убийца умудрился не оставить следов волочения, перетаскивая труп? И потом, вообще зачем возникла прихоть перемещать труп? Если Женья была убита незнакомым ей человеком

при нападении, зачем этот незнакомый убийца принял меры к сокрытию трупа? Так обычно делают, если место убийства может указать на подозреваемого. Например, муж убьет жену в квартире и оттащит тело на чердак – мол, ищите кого-то постороннего.

Андрей же добавил к этим сведениям то, что имелось в головах у оперов местного убойного отдела, но по каким-то причинам не доехало до следователя, у которого дело находилось в производстве. Несмотря на яркую внешность и холеность, Женя Черкасова была домашней девочкой, маменькиной дочкой, кроме художественного училища и дома, практически нигде не бывала. Мама – домохозяйка; когда Женечке исполнилось семь лет и она пошла в школу, мама уволилась с работы, из конструкторского бюро, чтобы сидеть с дочкой и уберечь ее от дурного влияния. Так мама и досидела до поступления дочки в высшее учебное заведение. Семью обеспечивал папа, до перестройки – директор «Мебельторга», а со времен легального капитализма – хозяин салона итальянской мебели. Родители и две допрошенные по делу подруги Жени категорически отрицали, что у Жени был какой-то бойфренд. Сама Женя, по их словам, говорила, что ей не до глупостей. По данным исследования трупа, девственность Жени и вправду нарушена не была.

В день смерти Женя была в училище, а около двух часов дня ушла оттуда, сказав одной из подруг, что едет в магазин, расположенный в центре города, за колонковыми кисточками. Дом, где было найдено тело Жени, находится, по отношению к училищу, в направлении прямо противоположном магазину. Никаких колонковых кисточек при ней обнаружено не было. Ее сумочка валялась под трупом, и мама утверждала, что количество денег в сумочке соответствует той сумме, с которой Женя ушла утром из дома.

На пальце у Жени было кольцо с бриллиантом, в ушах такие же серьги, преступник их не тронул. Оторвана была пуговица от пальто. А вернее, не оторвана, а срезана острым лезвием, судя по описанию краев ниток, на которых она держалась. На фототаблице к протоколу осмотра места происшествия, на детальном снимке трупа, застежка пальто была хорошо видна. Следователь, составлявший протокол осмотра, конечно, поленился, а вот судебный медик в морге добросовестно описал не только саму одежду трупа, но и отдельно – оставшиеся пуговицы на пальто. Три сантиметра в диаметре, неправильной формы, из белого металла, со вставкой из какого-то поделочного камня. Пуговица дорогая, конечно, но явно не дороже, чем серьги с бриллиантами.

– С чего начнем, Андрей? – спросила я Синцова, когда мы подвели итоги тому, что мы знаем на сегодняшний момент. – Время уходит катастрофически, а в субботу...

– Знаю, – прервал меня Синцов. – Лучше не говори об этом. Поехали сегодня посмотрим на места происшествий.

– Я разорваться готова, – пожаловалась я ему. – Надо и на места ехать, и в морг, с экспертами поговорить, и свидетелей допрашивать... А главное, Андрей, надо что-то делать, чтобы в субботу...

– Да ясно, – отозвался Андрей. – А что можно сделать? Подождем и осмотрим очередной труп, вот и все.

– Я понимаю, что милиционера в каждой парадной не выставишь. Но все-таки давай подумаем...

– Маша, как ни думай, пока мы его не поймаем, он будет убивать по субботам.

– Тогда давай его поймаем.

– Давай. Агентура моя молчит. Никаких сведений. Нигде не проскользнуло ничего похожего.

– Значит, одиночка... Как Чикатило – днем примерный отец семейства...

– Наоборот, днем женщин мочит, а ночью исправно исполняет супружеские обязанности.

– Не думаю. Раз женщин мочит, то с супружескими обязанностями у него проблема, как пить дать.

– Слушай, а может, это женщина?

– Может. Вот я и хочу с экспертами поговорить. Собрать всех, кто делал экспертизы по нашей серии, и устроить мозговую атаку. Пусть по высоте ран и локализации скажут, какой у него примерно рост, может, навыки какие выявятся...

– Какие навыки?

– Ну, например, по характеру расчленения трупа можно сказать, знаком ли преступник с анатомией. Имеет ли профессиональные навыки, скажем, мясника, умеющего грамотно разделывать тушу. Может, и тут что-нибудь выскочит.

– Ну давай. Тогда сегодня проскочим по местам происшествий, а завтра поедешь в морг.

– А завтра уже среда, – тоскливо сказала я.

– Маша, – серьезно сказал Андрей, перегнувшись ко мне через стол. – Если мы до субботы не успеем, не вздумай себя казнить за то, что этот псих убил еще кого-то. Мы делаем все, что в наших силах.

– Не все. Придумай, как его остановить.

– Хорошо, – сказал Синцов, откидываясь на спинку стула. – Мои милицейские мозги подсказывают только одно. Давай через вашего зампрокурора города выйдем на начальника ГУВД, чтобы тот дал команду в субботу усилить патрулирование в городе, чтобы постовые регулярно заходили в подъезды домов, проверяли, все ли там спокойно. Всего-то полдня, с двенадцати до пяти.

– Хоть что-то, – вздохнула я. – Тогда поехали к Кириллычу, а потом уже на места.

В городской прокуратуре я сорок минут ожидала, пока зампрокурора освободится и уделит мне внимание. Когда было позволено зайти, я затащила к нему в кабинет и Синцова тоже, доложила о наших предположениях по поводу ближайшей субботы и спросила, какие будут указания по предотвращению убийства.

– Мария Сергеевна, хотите переложить ответственность? – спросил зампрокурора. – Ищите убийцу, вот и предотвратите дальнейшие преступления. В конце концов, сами напросились.

– Евгений Кириллович, мы делаем все, что можем, но времени катастрофически мало. Может, в прессу обратиться? Скажем, объявить по телевизору, чтобы по субботам в три часа дня женщины были осторожны.

– Вы что, с ума сошли? – ласково спросил Евгений Кириллович. – Только прессу не надо сюда впутывать. Потом греха не оберешься.

– Евгений Кириллович, по-моему, это недорогая цена за сохраненную жизнь.

– Это вы так считаете, – дипломатично сказал Евгений Кириллович. – В общем, никакой прессы, я вам запрещаю, – добавил он уже менее дипломатично.

Видя, что я уже готова расплакаться, в игру вступил Синцов.

– Евгений Кириллович, – сказал он, – у меня есть предложение – попытаться предотвратить преступление силами милицейского патрулирования, только я бы просил вас договориться об этом с начальником ГУВД.

– Ну что ж, это еще приемлемо. Пусть объявят какую-нибудь региональную операцию, типа «Вихря», и под это патрулируют. Мария Сергеевна, подготовьте мне спецдонесение. Других предложений нет?

– Только обращение в средства массовой информации...

– Я сказал, это исключено, – жестко повторил зампрокурора. – Вы же знаете, уже и маньяка поймали, а нас все будут полоскать...

– Тогда все, – сказала я, вздохнув, но, видимо, у меня на лице было написано собственное мнение по этому вопросу, поскольку Евгений Кириллыч напутствовал меня следующими словами:

– Мария Сергеевна, запомните, если я засеку хотя бы один ваш контакт со средствами массовой информации, вы будете уволены.

Я в этот момент уже направлялась к дверям и, услышав это предупреждение, не оборачиваясь, ответила:

– Я восстанавлиюсь.

– Не думаю, – донеслось мне в спину. Что ж, он знал, чем меня напугать.

* * *

Выйдя из городской прокуратуры, мы с Синцовым пришли к выводу, что успеваем только на одно место происхождения, надо было только решить, на какое. То есть Андрей был готов работать двадцать четыре часа в сутки, но я не была готова. Я и так не находила себе места оттого, что ребенку не хватает общения со мной, а сейчас у него как раз такой возраст, когда общение со мной ему нужно. Через год-два у него появятся другие интересы, я уже не так буду ему необходима. Надо ловить это счастливое время, когда он сам тянется ко мне. Но завтра придется отправить его к бабушке, потому что похоже, что до субботы мне спать не придется вообще. Сегодня я еще исполню материнские обязанности, и надо еще подумать, как сказать ребенку о том, что я его ссылаю на некоторое время. Уже октябрь на дворе, а я все с угрызениями совести вспоминаю, что мой зайчик написал мне в открытке к Восьмому марта: «И еще желаю тебе побольше свободного времени, а то ты слишком занята»...

– Андрей, может, мы в два места успеем? В подвал, где Черкасову нашли, и на черную лестницу, туда, где убили бомжиху?

– Поехали, – согласился Андрей. – Куда сначала прикажете?

– А куда ближе? К подвалу? Тогда вперед.

Там мы потеряли часа полтора драгоценного времени, домогаясь техника-смотрителя, у которой находились ключи от подвала. Сразу после обнаружения трупа бомжей из подвала выгнали, а подвал заперли на железную скобу через всю дверь, с висячим замком. Андрей было разворчался, мол, раньше надо было это делать, но я ему напомнила, что так у нас хоть есть шанс увидеть место обнаружения трупа в первозданном виде.

Наше долготерпение было вознаграждено на сто двадцать процентов. Сомнений не было, объект выглядел именно так, как и в день обнаружения трупа. Вот лужа засохшей крови, и брызг окрест действительно не наблюдается, вот вдавленный след, образовавшийся во влажном песке от тяжести лежавшего тела. Вот хорошо сохранившийся след рифленой подошвы, надо бы слепочек сделать...

Техник-смотритель, заглянувшая вместе с нами в подвал, извинилась и ушла, сказав, что ключ от замка нам надо занести к ней в контору. Мы с Синцовым остались вдвоем в подвале, и тут, как на грех, от сквозняка, тяжелая дверь подвала скрипнула и захлопнулась. Почему-то сразу потянуло холодом, где-то закапала вода. Мне стало не по себе. Сильно разболелось колено. Я стиснула зубы, отгоняя мрачные мысли, и окинула взглядом пространство подвала. Да, бомжи здесь неплохо устроились: вон там, в уголке, они костерок разводили и чифирили, и большая кастрюля, приспособленная под биотуалет, здесь имелаась, и вон картишки разбросаны, рядом с ложем трупа – местом, где лежало мертвое тело. Я подошла поближе и поддела ногой одну из засаленных карт, лежавшую «рубашкой» вверх. Это оказалась дама пик, и мне почудилось, что порочные глаза женщины с картинки подмигивают мне и спрашивают: «Ну что, слабо?».

– Андрей, как ты думаешь, этот труп из серии или все-таки что-то другое?

– Маш, тебе виднее, ты у нас мозг, а я только ноги, – ответил Андрей, присев на корточки и разглядывая отпечаток подошвы.

– Не надо прибедняться, – рассеянно сказала я, оглядываясь по сторонам. В этом мрачном подвале у меня опять появилось чувство, что мы проглядели какую-то примету почерка преступника. Что-то такое, от чего преступник не может отказаться, убив очередную жертву. Или что-то такое, что провоцирует его на убийство. Но, как я ни старалась сосредоточиться, это неуловимое «что-то» пока ускользало от меня. Ладно, потом сяду и проанализирую все еще раз. Я вытащила из сумки фотоаппарат и отщелкала несколько снимков подвала, обзорных и узловых, покрупнее сняв ложе трупа и предметы вокруг него.

– За эксперта хочешь поработать? – спросил Синцов, неслышно подойдя сзади. – Может, и слепочек снимешь со следа?

– Нет, мои профессиональные навыки так далеко не распространяются. Хотя меня в университете учили слепки делать, даже с отпечатков в снегу. Потом приедем сюда с экспертом, сделаем повторный осмотр, а сейчас я просто хочу иметь картинку с места.

– А как из следов в снегу слепки брать? – заинтересовался Синцов.

– Гипс надо разводить спиртом.

– И кто ж тебе даст в России спирт на такое дело изводить?

– Вот-вот. Пойдем на воздух, я еще снаружи дверь сфотографирую и парадную тоже.

Андрей подошел к двери и попытался открыть ее. Дверь не поддавалась. Я ощутила озноб.

– Ну что, Машка, испугалась? – Синцов распахнул дверь, и я пулей вылетела из подвала.

– Ты меня пугал, что ли? – набросилась я на Синцова, но он вместо ответа отпустил дверь, и она снова захлопнулась. Вид у него при этом был совершенно не шутейный.

– Глянь: если ты тащишь труп, кто-то должен держать дверь. Иначе ты не пройдешь.

– Думаешь, их было двое? – Я задумалась, а Синцов уже обшаривал парадную. Я присоединилась к нему. Мы прочесали весь первый этаж, завернули даже на второй, но следов крови не нашли нигде. Выйдя на улицу, мы переглянулись.

– Несли труп в покрывале? – предположил Синцов.

– Или заманили в подвал и там убили, – откликнулась я. – В деле есть осмотр пальто Черкасовой. Оно практически не запачкано кровью. Если бы ее убили где-то в другом месте и переносили труп, кровь бы текла из раны и пропитала все пальто.

– Так заманили или затащили?

– Ты экспертизу трупа смотрел? Кроме резаной раны на шее, у нее никаких повреждений. Синяков на руках нет, побоев на лице нет.

– Могли угрожать чем-то.

– Могли.

– Ну что, пойдем?

– Подожди.

Я вытащила из сумки обзорную справку с фототаблицей к осмотру трупа Черкасовой.

– Почему при осмотре места обнаружения трупа не сделали слепок со следа ноги? И в протоколе он не описан.

Синцов заглянул мне через плечо.

– Может, этот след оставили уже потом? Кто-то из тех, кто толкся на месте происшествия?

– Нет, на фототаблице он есть. Значит, на момент осмотра уже был. Ты же знаешь, первым проходит эксперт и фотографирует место, потом пускает всех остальных.

– Маша, не обольщайся, – остудил меня Синцов. – А сколько народа тут пронеслось до эксперта? Сначала бомжи тут были, потом опера пришли, постовые место охраняли – всех не перечислишь.

– Андрей, давай рассуждать логически. Если хочешь, можем вернуться к месту обнаружения трупа. Смотри: труп лежит у стены, между ним и стеной не больше десяти сантиметров.

Те, кто обнаружили труп и потом его осматривали, могли подойти к нему только с одной стороны. Пока труп не увезли, сюда ступить никто не мог, если только перешагивать через труп. Но зачем?

– А на фото, пока труп еще лежит, этот след уже есть, – кивнул головой Синцов. – А чего ж тогда слепок не сделали?

– Ну, мы сделаем, долго ли умеючи. Сейчас подвал запрем, а завтра приедем с экспертом.

Мы вернулись в парадную, Синцов старательно навесил на дверь подвала железную скобу и запер замок.

По дороге в жилконтору мы обсуждали возможные версии убийства Черкасовой.

– Послушай, – сказала я, – если Женя была такой домашней девочкой, почему не осмотрели ее вещи дома?

– А что бы ты хотела найти в ее вещах, если ее убили вне дома?

– Не знаю, но это напрашивается. Архив ее нужно посмотреть, найти записные книжки, письма, если есть, посмотреть компьютер. Надо искать ее контакты, неизвестные родителям и подругам. Может, на место убийства бомжихи съездим завтра, а сейчас рванем домой к Жене?

Андрей пожал плечами. Дойдя до жилконторы, мы отдали ключ от подвала и попросили разрешения позвонить. Я набрала номер телефона Жениной квартиры. Мать у нее не работает, значит, должна быть дома. И правда, она откликнулась слабым голосом. Я представилась и, сто раз извинившись, объяснила, что хочу заехать посмотреть на вещи Жени. Никаких возражений не последовало, и через полчаса мы с Андреем входили в квартиру хозяина мебельного салона.

Отца дома не было. Мама Жени Черкасовой оказалась очень красивой женщиной средних лет, которую не испортило даже горе. У нее была очень мягкая манера общения, и хотя глаза ее постоянно наполнялись слезами, она старалась, чтобы это не мешало разговору.

В комнате, куда нас провели, стоял большой карандашный портрет Жени, с черной траурной лентой на уголке. Хозяйка объяснила, что это автопортрет дочери, нарисованный ею год назад.

– Хотя вообще-то Женечка портретами не увлекалась. Ей больше нравились натюрморты. Она так изящно выписывала детали, что все педагоги отмечали ее именно за это.

– Раиса Григорьевна, а можно посмотреть Женины рисунки? – спросил Синцов, и я присоединилась к этой просьбе. Собственно, за этим мы сюда и ехали.

Раисе Григорьевне, похоже, было даже приятно еще раз посмотреть рисунки покойной дочери в нашей компании, и она с готовностью достала большую папку-планшет.

– Вас ведь наверняка интересуют ее последние работы? – спросила она, раскрывая папку.

– Давайте начнем с последних, а потом посмотрим более ранние.

Когда мать Жени открыла папку и начала перебирать рисунки, комментируя их, я поняла, что Женя была очень талантливым художником. Конечно, ей было не до глупостей, как она сама говорила. Конечно, вся ее душа уходила в рисование. Из-под ее руки выходили чудные картинки, которые жили своей собственной сказочной жизнью. Старинные канделябры, надкушенные яблоки, разбросанные конфеты – все это, казалось, было одушевленным, походило на сны из-под зонтика Оле-Лукойе. Очарование этих рисунков было не стряхнуть, к ним хотелось возвращаться и рассматривать, все больше и больше подпадая под их гипнотическую силу. Андрей тоже засмотрелся на них.

– Какая талантливая девочка, – тихо сказала я, и Женина мама кивнула.

– Мне всегда было страшно за нее, – отозвалась она глухим голосом. – С таким талантом долго не живут.

Она перевернула еще один лист бумаги из планшета и удивилась:

– А вот этого рисунка я еще не видела. Наверное, один из последних.

Я глянула на рисунок и, еще до того как я осознала, что это такое, сердце у меня бешено забилося.

– Так, – сказал за моим плечом Синцов.

Он осторожно взял из рук Жениной мамы лист, и мы уставились на него, а после долгой паузы перевели взгляд друг на друга.

– Удачная композиция, – тихо сказала мама Жени. – Правда, непонятно, что это?

– Да, – машинально отозвалась я. Хотя мне было понятно, что это, и я бы дорого дала, чтобы узнать историю этого рисунка. Цветными карандашами, в очень узнаваемой Жениной манере, был изображен шелковый платок с набивкой в виде карточных королей, валетов и дам, а на нем были небрежно разбросаны разные предметы: две оборванные цепочки, одна – из белого металла, с грубыми звеньями, другая золотая, тоненькая, крупная игральная фишка-брелок и еще один предмет, в котором только подготовленный человек мог узнать железную иглу-заколку для шляпы.

Мы, как замороженные, смотрели на рисунок до тех пор, пока мама Жени не перевернула очередной лист из планшета; взглянув на него, мы поначалу даже не поняли, чем второй рисунок отличается от первого, пока Синцов, оказавшийся более наблюдательным, чем я, не ткнул пальцем в единственное имевшееся отличие. На втором рисунке к композиции был добавлен еще один предмет. На том же шелковом платке те же цепочки, брелок, шляпная заколка – и пуговица от Жениного пальто.

* * *

Кроме интригующих рисунков, мы забрали Женину электронную записную книжку и радиотелефон. Рисунки я взяла с собой, а Синцов получил остальное, ему предстояло проверить все содержащиеся в записной книжке и в памяти телефона сведения. Меня слегка мучили угрызения совести по поводу того, что я иду домой, а он продолжает работать.

Прибежав домой, я оперативно поджарила лук и сделала тесто для блинов. Мясо в бульоне было отварено еще вчера, молоть лучше уже остывшее. Пока ребенок делал уроки, я приготовила блины – оставалось только смолоть отварное мясо, смешать его с жареным луком и завернуть в блинчики. Порадовавшись, что я не забыла купить сметану, я развернула мясорубку и охнула: конечно же, она была из магазина и вся в солидоле. Отмывать составные части мясорубки от солидола – долго, а главное – противно. Надо попробовать спихнуть эту приятную работенку на сына.

– Гоша, – позвала я его на кухню.

Ребенок явился незамедлительно, наивно полагая, что я зову его ужинать.

– Гошенька, – ласково сказала я ему, – ты хочешь блинчиков с мясом?

Он радостно кивнул.

– Тогда помой мясорубку, – коварно сказала я. – Видишь, она в солидоле. Надо сначала спичкой выковырять солидол, потом протереть бумажной салфеткой, потом помыть горячей водой с мылом.

Ребенок сразу суксился.

– А почему я? – недовольно спросил он.

– А почему я? – ответила я вопросом на вопрос.

– Потому что ты – мама, а я еще маленький.

– А ешь, как большой.

– Тебе жалко? – тут же парировал ребенок. Я с грустью отметила развивающиеся задатки демагога.

– А тебе меня не жалко?

– Мамуля, – сменил он тактику и стал ластиться. – Я понимаю, что ты очень устаешь, поэтому предлагаю разделение труда: ты моешь мясорубку и готовишь блинчики, а я, так и быть, их ем. Заметь, я беру на себя самое трудное.

– Боже мой, кого я воспитала! Какого трутня!

– Да ладно, ма, – скромно потупился мой сыночек. – Не такой уж я и трудень. Так, помогаю, чем могу.

– Кто? – Я рассмеялась, долго сердиться на этого юмориста я не могла. – До «трудня», как ты выражаешься, тебе далеко.

После недолгого препирательства была заключена сделка: я мою мясорубку, а Гоша – всю грязную посуду, которая образуется до вечера.

До самого последнего момента я не могла приступить к трудному разговору. И только записав ребенка в постель, я набралась храбрости и сказала ему, что завтра он из школы поедет к бабушке. Но вопреки моим опасениям, Гошка не очень расстроился или, по крайней мере, не показал мне, что расстроился. Роли наши поменялись. Не я стала успокаивать его, а он меня, почувствовав мое внутреннее напряжение.

– Ма, – сказал он, ухватив меня за руку, – у тебя что-то случилось?

– Почему ты так решил, малыш? – спросила я, вынужденно улыбаясь.

– Ну что я, по уши деревянный, что ли? Тебя же колотит. Вот, смотри! – И он потряс меня за плечо. – И потом, ты же не просто так хочешь от меня избавиться?

– Почему избавиться, котик? – запротестовала я, но он меня прервал.

– Опять работа? Что-то важное? Если важное, я готов потерпеть. А когда ты освободишься?

– Постараюсь как можно раньше. Я же буду по тебе скучать.

– И я по тебе. – Он обнял меня, подышал мне в ухо, потом лег на подушку и велел: – Все. Гаси свет. Спокойной ночи.

Закрыв дверь к нему в комнату, я пошла на кухню и некоторое время сидела, тупо глядя на телефонный аппарат. А когда тоска стала невыносимой, я набрала домашний телефон Стеценко. Трубку он снял после первого гудка, как будто тоже сидел возле телефона и караулил, когда я позвоню.

– Привет, – оригинально начала я.

– Привет, – откликнулся Сашка.

– Как дела?

– Спасибо.

Мы помолчали.

– У меня к тебе будет несколько вопросов по экспертизам, – прервала я паузу.

– Приезжай, завтра я на месте, – ответил он.

– Хорошо.

Мы опять замолчали. Два упрямых урода, как два барана на мосту, ни один из которых не желает первым признать, что неправ, и сделать шаг навстречу.

– Пока, – наконец сказала я.

– Пока, – отозвался Сашка.

Но мы продолжали молчать и дышать в трубку, пока я не спросила, почему он не отъедняется.

– А ты? – спросил Сашка.

– Хочешь, чтобы я первая? – разозлилась я и бросила трубку.

Невидяще глядя на телефон, я еще некоторое время сидела, кипя негодованием. Чего ждать от этой особи мужского пола, если предполагается, что инициативу всегда должна проявлять я?! И ведь так всегда было, с самого начала. Все всегда решала я. Да, он хороший, добрый человек, очень внимательный, только совершенно неинициативный. Мы прожили вместе несколько лет. И если бы я сказала: «Ап! Вставай с дивана и пошли в загс!», – он бы послушно встал и пошел. А поскольку я такого не сказала, мы до загса и не дошли. Да примеров тому куча...

Выпив валерьянки, я разложила на столе экспертизы по трупам. Завтра я поеду в морг, соберу экспертов, производивших вскрытия, и попрошу их определить, с антропологической точки зрения, могли ли все эти убийства быть совершены одним человеком. Скажем, если человек держит нож определенным образом, то раны, нанесенные им в спину жертвам, теоретически должны располагаться на одном уровне от пола. Если эти данные сопоставить с направлением раневого канала в теле жертвы, то в зависимости от того, вверх шел раневой канал, вниз или располагался горизонтально, можно сделать определенные допущения на тему, как преступник держал нож: зажав его в кулаке клинком вниз, к мизинцу, или наоборот, клинком к большому пальцу. Это косвенно укажет на его рост и степень физического развития. Потом надо будет определиться с орудием убийства. Ни на одном месте происшествия орудия не нашли. Убийца уносит с собой нож, который использует при следующих преступлениях? Или выбрасывает, отойдя от места совершения преступления на безопасное расстояние? Рядом с местами преступлений никто наверняка окровавленных ножей не искал.

Что скажут физико-техники? Может, на орудии есть какие-то индивидуальные признаки – шероховатости и микрозазубрины лезвия, сколы или канавки на металле, которые позволят при исследовании ран сделать вывод, что хотя бы некоторые из интересующих нас убийств совершены одним и тем же ножом?

Я стала перелистывать заключения экспертиз. Вот, на трупах Погосян, Ивановой и неустановленной женщины ножом повреждены хрящи, а значит, можно рассчитывать на то, что на срезах хрящей отобразился микрорельеф орудия. Судя по характеру ран на трупе Риты Антоничевой, экспертиза по которой еще не готова, там тоже перерезаны хрящи, а может, и ребра. И это – дополнительный материал для умозаключений.

Телефон зазвонил так громко и резко, что я испугалась. Кто это еще на ночь глядя, подумала я, с бьющимся сердцем хватая трубку.

– Мария Сергеевна? – спросил приятный мужской голос.

– Да.

– Извините, что беспокою вас так поздно, да еще и дома, но застать вас на работе не смог.

Я – из газеты «Любимый город». Антон Старосельцев.

– Слушаю вас.

– Я бы хотел побеседовать с вами...

– По поводу?

– О-о! До нас дошли слухи, что вы расследуете серию очень интересных преступлений, убийств женщин в разных районах города, и у меня есть задумка...

– Извините, – прервала я его. – Я бы не хотела иметь дел с вашей газетой.

– Почему?

– Потому что мне не нравится позиция вашего коллеги, который незаслуженно охаял на страницах вашего издания моего коллегу.

– Вы имеете в виду Льва Сребренникова, его статьи о захвате Дома моделей?

– Совершенно верно. Он оклеветал моего друга, честного следователя.

– Но ведь это же он, а не я, автор не понравившихся вам статей? – возразил журналист.

– Да, но их публиковала газета, в которой вы работаете. Значит, это позиция издания.

– А вы не допускаете, что моя позиция может не совпадать с позицией издания?

– Но вы же представляете вашу газету? А я не хочу сотрудничать с вашей газетой.

– Хорошо, – не сдавался журналист. – Я пишу еще для «Мегаполиса». Это московское издание. Давайте сделаем материал туда.

– Извините, но я не собираюсь делать никакого материала.

– Мария Сергеевна, – помолчав, проникновенно произнес журналист. – Ведь и в прокуратуре бывают разные следователи, но это не значит, что вся прокуратура или плохая, или хорошая. Я хочу вам помочь...

– Да что вы? Пока что я не упомяну случая, чтобы журналисты помогали расследованию. Вот мешали – сколько угодно.

– Да я в душе следователь, – журналист рассмеялся, смех у него был приятный, располагающий. И чем-то мне знакомый. – К тому же я бывший пограничник. Чем черт не шутит, может, я и вправду вам чем-нибудь помогу? Вам же нужен общественный помощник?

– Хорошо, – решила я. – Давайте пообщаемся. – Я рассудила, что лучше держать руку на пульсе, чем потом расхлебывать бредовые домыслы.

– Я знал, что вы разумный человек, – радостно ответил журналист. – Куда мне подъехать и когда?

– Завтра в девять утра я буду в городском морге. Приезжайте туда. Знаете, где это?

– Еще бы. Я уже давно пишу на криминальные темы.

– Отлично. В вестибюле. А как мы друг друга узнаем?

– Я буду держать в руке свою газету, – заявил журналист.

– Хорошо, а я тогда – Уголовный кодекс.

Чем-то он меня развеселил, и, положив трубку, я подумала, что если парень окажется нормальным человеком, то его можно будет использовать на посылках. Может, и проблему профилактики через него осторожненько порешаем. А вот кто ему стукнул про серию убийств, о которой я сама узнала два дня назад, я у него завтра выпытаю. Надеюсь, это не провокация заместителя прокурора города с целью добиться моего увольнения; он же меня предупреждал – никаких контактов с прессой...

Значит, завтра я в морге, отступать уже некуда. С Синцовым мы договорились, что он отрабатывает Женю Черкасову, начиная с момента первого убийства и до ее собственной смерти. Нам нужно знать о ее знакомствах и передвижениях все, буквально по минутам. Рисунки, изъятые у нее дома, прямо указывают на то, что она общалась с убийцей. Только у убийцы она могла видеть весь набор мелочей, которые были похищены у разных женщин, оказавшихся жертвами преступника. Конечно, нельзя исключать возможность того, что Женя сама могла быть причастна к убийствам. Совершать их в одиночку она вряд ли могла, поскольку уже после ее смерти была убита Рита Антоничева. Хотя кто-то мог уже после убийства Жени сработать под ее почерк. Но это допущение, слегка притянутое за уши.

На следующий день, запихав ребенка в школу, ровно в девять утра я входила в вестибюль городского морга, держа в руках тоненькую книжечку Уголовного кодекса. Навстречу мне поднялся невысокий, коротко стриженный молодой человек. Даже если бы у него в руках не было газеты, я все равно узнала бы в нем журналиста. Тем более что свое удостоверение он мне уже показывал – в метро, предлагая поднести тяжелую сумочку. Так вот откуда мне был знаком его смех!

Журналист, улыбаясь, пошел мне навстречу.

– Мария Сергеевна? Видите, я не ошибся тогда. И имя правильно назвал, и профессию.

– Антон Старосельцев? – спросила я. – А как вас по отчеству?

– Да зачем вам отчество? Просто Антон. Можно и на «ты».

– Дело в том, что я для вас – не просто Мария, а «тыкать» в одностороннем порядке я не привыкла. Итак?

– Александрович, – вздохнув, произнес журналист. – Если это так необходимо...

– Абсолютно, – жестко ответила я. – А теперь давайте договоримся. Я буду общаться с вами и сообщу интересующую вас информацию, только если вы дадите мне честное слово, что без моего разрешения никакая публикация не появится. Кроме того, шаг влево, шаг вправо с вашей стороны, любая самодеятельность, несанкционированные мной попытки что-нибудь разнюхать – будут караться немедленным лишением аккредитации. Присядем, вот здесь распишитесь, пожалуйста.

– Что это? – растерянно спросил журналист, глядя на листочек бумаги, который я вытащила из Уголовного кодекса.

– Это подписка о неразглашении данных предварительного следствия. Вот здесь распишитесь и ознакомьтесь со статьей 310: арест до трех месяцев, исправработы до двух лет, штраф до двухсот МРОТ.

Журналист взял у меня из рук Кодекс, внимательно прочитал, какое наказание может быть назначено за разглашение данных предварительного расследования лицом, предупрежденным в установленном законом порядке о недопустимости их разглашения, если оно совершено без согласия прокурора, следователя или лица, производящего дознание, после чего вытащил из кармана кожаной куртки ручку и молча расписался в указанном мной месте.

– Это не шутка, – предупредила я на всякий случай, убирая подписку в сумку.

– Я понял. Конечно, это осложнит мне жизнь, но опыта прибавит. Ну что, пошли?

– Минуточку. Пойдем мы только после того, как вы мне скажете, откуда вам стало известно про серию.

– Мария Сергеевна! – Старосельцев развел руки. – Источники сдавать не принято. Уж извините.

– Ну, тогда и вы извините. До свидания, приятно было познакомиться.

Я решительно встала и, не оборачиваясь, направилась к двери, ведущей в танатологическое отделение бюро судебно-медицинской экспертизы.

– Мария Сергеевна! – отчаянно крикнул за моей спиной журналист.

Я продолжала идти. Он догнал меня и тронул за рукав:

– Поймите меня правильно! Я не могу назвать человека, от которого получил информацию, да вы, скорей всего, и не знаете его. Давайте сделаем так: вы мне назовете людей, на которых вы могли бы подумать. Если среди тех, кого вы подозреваете, окажется мой источник, я сразу скажу вам об этом. Если вы мне не назовете того, кто мне сдал информацию, мы будем работать. Хорошо?

Черт, непонятно, почему, но я ему поверила. И кивнула.

– Синцов? – назвала я первую фамилию.

– Нет, – отрицательно покачал он головой.

– Заместитель прокурора города Нестеренко?

– Что вы! – он рассмеялся.

– Завморгом?

– Мимо!

Дальше я добросовестно перечислила фамилии известных мне оперативных дежурных по главку и РУВД, экспертов-медиков, вскрывавших убитых женщин и выезжавших на трупы, а также фамилии следователей и экспертов-криминалистов, работавших по этим делам. На все я получила отрицательный ответ.

– Ну а если это кто-то, кого вы не знаете, вам ведь все равно? – спросил журналист.

– Нет. Может, вы получили информацию от убийцы, – не сдавалась я.

– Вы знаете, могу руку дать на отсечение, что мой источник – не убийца.

– Я бы на вашем месте не зарекалась, – посоветовала я ему.

– Ну что, пойдемте? – Журналист открыл передо мной дверь с надписью «Посторонним вход воспрещен», и я вошла в танатологическое отделение, а он – вслед за мной.

– Кстати, что у вас с ногой? – спросил он, идя рядом по длинному морговскому коридору и пытаясь поддержать меня под руку, поскольку на пороге я споткнулась: больная нога заныла, и моя хромота стала слишком явной.

– Не обращайтесь внимания, бандитские пули.

– У вас, похоже, воспаление суставной жидкости. А к врачам из принципа не ходите?

– Антон Александрович, вы про мою ногу готовите материал или про серийные убийства?

– Я просто видеть не могу, как симпатичная женщина хромает. Если вы не любите традиционную медицину, я могу вас отвести к экстрасенсу.

– Я и экстрасенсов не люблю.

– Чем они перед вами провинились?

– Как-нибудь потом расскажу.

– Медики для вас вообще не существуют?

– Только танатологи.

– Простите мне мое невежество – это кто?

– Это трупорезы, – сказала я, обводя рукой помещения морга, и постучала в дверь кабинета заведующего.

Похоже, что Старосельцев действительно здесь бывал, потому что не крутил головой и не падал в обморок при виде трупов, лежащих на каталках вдоль стены. Из кабинета откликнулся Юрий Юрьевич, и я, толкнув дверь, вошла в кабинет и прошла к столу заведующего. Старосельцев скромно остался стоять у входа.

Юра поднялся из-за стола и помог мне снять куртку, а потом вопросительно посмотрел на переминающегося с ноги на ногу журналиста.

– Я с мальчиком, – сказала я. – Это мой общественный помощник.

– С мальчиком? – переспросил Юра.

– Ну да. Шустрый мальчонка. Кто скажет, что это девочка, пусть первый бросит в меня камень.

– Присаживайтесь, – пригласил Юрий Юрьевич и наклонился к громоздкому офисному телефонному аппарату. – Наташа, собери экспертов, Швецова подъехала. – Отпустив кнопку местной связи, он обратился ко мне: – Так что, Маша, думаешь, что это серия? Честно говоря, это и нам приходило в голову. Правда, не по всем трупам, которые ты назвала. Они там по парам очень хорошо группируются.

Слушая Юру, я устроилась посреди дивана, стоявшего напротив его стола, а журналист присел на стул в уголке у входа. Он еле успел уклониться от удара дверью, когда в кабинет вошел эксперт Стеценко.

– Разрешите, Юрий Юрьевич? – Сашка, конечно, сделал вид, что со мной незнаком.

– Конечно, Саша, проходи, присаживайся. Сейчас остальные подойдут.

Стеценко прошел к столу начальника и уселся аккуратно рядом со мной на диване, сделав вид, что только сейчас меня заметил, когда чуть не сел мне на колени.

– О-о! Здравствуйте, Мария Сергеевна! Как жизнь?

– Просто потрясающе.

– Вы к нам по делам или как?

Я краем глаза посмотрела на журналиста. Он делал вид, что внимательно разглядывает череп, стоявший у Юрки на книжной полке, но было ясно, что ни одно слово, сказанное в этом кабинете, не пролетит мимо его ушей.

– Да мы тут с Антошей мимо проезжали. Антон Александрович, а что это вы там в углу пристроились? Идите поближе, вот сюда. – Я похлопала по дивану, обозначая место рядом со мной, со стороны, не занятой Стеценко. В реакции бывшему пограничнику отказать было нельзя. Он быстро подошел и сел на диван, тесно прижавшись ко мне бедром, и более того, почтительно взял мою руку и поцеловал ее на глазах у изумленной публики. Я поощрительно похлопала его по коленке, журналист и глазом не моргнул, чего нельзя было сказать про эксперта Стеценко. Сашка надулся и отвернулся. К счастью, в кабинет постепенно подтянулись остальные эксперты – «толстый, но милый», по его собственному определению, Боря Панов и пожилой интеллигентный Михаил Юрьевич Крольчевский. Пока мы обменивались приветствиями, подошел еще заведующий медико-криминалистическим отделением Басин. С ним я расцеловалась.

После того как все расселись, я изложила медикам свои соображения относительно проведения некоей комплексной экспертизы с целью получения сведений об антропологических характеристиках убийцы и, возможно, о наличии у него каких-либо специальных навыков. После этого эксперты заговорили сразу все. Выяснилось, что они между собой уже обсуждали возможность того, что это серия, только не учитывали убийство Жени Черкасовой. Боря Панов, вскрывавший труп пожилой художницы Базиковой и труп старушки Шик, оказывается, сразу пришел к выводу, что оба этих убийства – дело одних и тех же рук, совершенно игнорируя то обстоятельство, что один из трупов был обнаружен в парадной, а второй в квартире.

– Сама посуды, Маша: мало того, что локализация повреждений на этих трупах – один в один, поясничная область справа от позвоночного столба, так еще и высота раны от подошв совпадает до сантиметра. Я тебе и рост его примерный могу назвать, от ста шестидесяти пяти до ста семидесяти. Я и следователям обоим это говорил, но они не почесались. У одного там фамилия Великий, и он считает, что для истории этого вполне достаточно.

– Тогда это не наш голубчик, – вступил в разговор Крольчевский, чьими были трупы Риты Антоничевой и Людмилы Ивановой. – Про своего могу сказать, что если это один и тот же человек, то у него рост более ста семидесяти пяти сантиметров и длинные руки, и еще, возможно, борцовские навыки. Такой захват он все время применяет, типично борцовский.

– Саша, а твои трупы – Погосян и неустановленная женщина? – обратился Юрий Юрьевич к молчавшему Стеценко. – По ним что-то можешь сказать?

Стеценко помолчал.

– С одной стороны, что-то общее есть, но утверждать ничего нельзя. Мне бы надо еще поговорить со следователем, вместе посмотреть материалы дела.

– Конечно, Саша, о чем речь, – откликнулся Юрий Юрьевич. – Вот тебе Мария Сергеевна, говори, сколько хочешь.

Стеценко уставился на меня, потом перевел взгляд на начальника:

– Не понял, при чем тут Мария Сергеевна.

– Экий вы непонятливый стали, Александр Романович, – отозвалась я. – А зачем, по-вашему, я сюда приехала, к черту на рога? На вас полюбоваться? Все эти дела теперь у меня в производстве.

– Ну тогда я спокоен, – пробормотал Панов.

– И в связи с этим у меня вопрос к Науму Семеновичу, – я повернулась к Басину. – Давайте сравним орудия по всем этим трупам.

Басин кашлянул.

– Сравнить можно. Только, по-моему, не по всем трупам есть материал для сравнения. Индивидуальные признаки режущего предмета могут отобразиться на пересеченных хрящах, ребрах, но в остальных случаях, боюсь, можно говорить только о родовом сходстве орудий. Вас ведь интересует идентификация?

– Меня интересует все, что можно вытащить из трупного материала. Кожные лоскуты со всех ран у вас есть?

– Да. Ну что ж, зайдите, поколдую вместе. Что-нибудь да вытащим.

Кроме этого, я успела обсудить с экспертами возможность привязки к орудию, и к исполнителю, убийства Жени Черкасовой.

– Господа, давайте поэкспериментируем с соотношением роста жертвы и нападавшего. Александр Романович, это ведь ваш случай?

Стеценко кивнул.

– Каково было положение тела в момент нанесения ранения? И взаиморасположение жертвы и нападавшего?

– Жертва находилась в вертикальном положении, нападавший, скорее всего, был сзади, травмирующее орудие двигалось слева направо, – ответил Стеценко, в упор разглядывая жур-

налиста, который делал вид, что не замечает этого. – А как вы хотите, Мария Сергеевна, чтобы я определил рост нападавшего?

– Может, сделаем серию экспертных экспериментов?

– На биоманекенах? Теперь это запрещено.

– Да хоть на мне. Мы с Черкасовой одного роста.

Стеценко дернулся:

– Мария Сергеевна, вы думайте, что говорите. Как мы это оформим?

– А! Господа, я забыла вам сказать: оформлять будем потом, мне нужны ваши умозаключения, и как можно быстрее. Не до оформления.

– Быстрее – это когда? – поинтересовался Юрий Юрьевич.

– Все эти убийства совершаются по субботам. Следующая суббота – через три дня. Так что решайте сами, когда вы сможете рассказать мне о своих выводах, пока в устной форме.

Эксперты дружно присвистнули и переглянулись.

– Юра, если ты освободишь нас от вскрытий, – начал Панов, – то мы сейчас сядем за материалы, а завтра сведем свои выкладки воедино.

Юра вздохнул и выразительно посмотрел на меня:

– Умеешь ты за горло брать, дорогая.

Когда мы вышли из морга, Антон Старосельцев тронул меня за руку:

– Мария Сергеевна, можно, я скажу одну вещь? Это личное.

Я кивнула, и он продолжил:

– Я не знаю, какие отношения между вами и одним из экспертов, но вы его нарочно выводили из себя. Я вам подыграл, но по-дружески хочу предупредить: с мужиками так нельзя. Вы не похожи на женщину, для которой скальп мужика на поясе – самоцель, значит, здесь все глубже. Послушайте меня, если вы к нему равнодушны, давайте действовать другим путем.

Странно, но я не огрызнулась.

– Антон, давайте потом об этом поговорим. Вы ведь всего не знаете...

– Конечно, конечно. А что такое «биоманекен»?

– Труп. Раньше эксперты делали экспериментальные раны на безродных трупах, которых все равно хоронили за счет государства. Ну, чтобы сравнить направление раневого канала при определенном положении ножа и тэ дэ.

– Понятно. Я на машине, вас подвезти?

– Очень хорошо, – обрадовалась я, а то боль в ноге временами заглушала даже страх перед надвигающейся субботой. Кроме того, в руке у меня был довольно внушительный пакет – одежда с трупа Ивановой. Нужно отвезти ее в лабораторию судебной экспертизы, пусть с нее соберут микроволокна наложений и сравнят их с микрочастицами с одежды Риты Антоничевой (с нее я одежду сняла на месте происшествия и сразу отправила куда следует). У нас уже достаточно данных, чтобы утверждать, что преступник сзади прижимался к потерпевшим, по крайней мере, в двух случаях, когда убивал Иванову и когда убивал Антоничеву. Если эксперты найдут на их пальто схожие волокна, которые к тому же не являются волокнами с одежды самих потерпевших, мы, во-первых, получим некоторое представление об одежде преступника. Все легче будет искать... А во-вторых, закрепим доказательства, которые можно будет использовать, когда поймем злодея. У меня был в практике случай изнасилования в лифте. Насильника задержали соседи потерпевшей, когда тот спокойным шагом уходил от места преступления. Конечно, он все отрицал – мол, просто шел мимо, а задержали его по недоразумению. Потерпевшая его опознала, но крайне неуверенно, и на таких доказательствах направлять дело в суд было весьма проблематично. Спасибо, на его пальто нашлась шерстинка от шубы потерпевшей, и когда я предъявила ему заключение экспертизы о том, что его пальто и шуба потерпевшей находились в тесном контактном взаимодействии, он присвистнул и сказал: «Блин, эта шерстинка лет на восемь тянет. Придется признаваться».

Мы с журналистом прошли мимо трех сверкающих иномарок и остановились перед такой старой и ржавой машиной, что я даже не смогла сразу определить, какого она цвета.

– Подождите, – сказал журналист, – я сейчас сяду и открою вам дверцу, а то снаружи ручки нет.

Он с третьей попытки открыл водительскую дверцу и сел за руль, отчего машина сразу жалобно закричала. Дверцу со стороны пассажирского сиденья открыть не удалось ни с третьей, ни с десятой попытки. Старосельцев вышел и предложил мне пролезть на пассажирское сиденье через место водителя.

– А я не могу сесть назад? – спросила я.

– Что вы, задние двери вообще не открываются, – жалобно сказал Старосельцев.

Я послушно пролезла на пассажирское место под рулем, зацепив колготками за ручку переключения скоростей. Какие муки я испытала при этом из-за больной ноги, описать невозможно. Когда, не сдержавшись, я охнула, Антон покраснел и стал извиняться, но я остановила его.

– Антон Александрович, я человек непривередливый. Едем – и хорошо.

– Но мы еще никуда не едем, – пробормотал Антон Александрович. На него было жалко смотреть. Сев за руль и всего за десять минут включив зажигание, он еще десять минут пытался тронуться с места, после чего сказал:

– Не вышло. Давайте я отвезу вас на такси, раз уж я заикнулся.

– Не беспокойтесь, Антон Александрович. Я подожду. Может, вам удастся с ней справиться.

– Вы знаете, – тихо приговаривал Старосельцев, производя какие-то сложные манипуляции с двигателем, – я без машины как без рук. Вот купил ее за двести долларов когда-то, и так привык, что она меня выручает... Вы же понимаете, журналисту очень важно быть на колесах, р-раз – и ты в нужном месте... Ну давай, красоточка моя, поезжай, милая...

«Милая», скрипя и надрываясь, все-таки вняла уговорам хозяина, и мы довольно бодро двинулись по питерским улицам. Правда, мое сиденье все время отъезжало назад, и Старосельцев, извиняясь, пытался его поправить; два раза на меня совершенно неожиданно падал солнцезащитный козырек и больно стучал по лбу, а один раз прямо на больную ногу выкатилась из-под сиденья гантель. Наверное, чтобы не так бросались в глаза неудобства передвижения на «красоточке», Старосельцев пытался развлекать меня разговорами.

– Вы знаете, мы с ней по вечерам халтурим на извозе.

– С ней – это с кем? – машинально спросила я.

– С «Антилопой», – похлопав по «торпедке», разъяснил Старосельцев. – И это так интересно! Попадают такие типы... Я сценарий пишу, – сообщил он мне доверительно, – а тут столько материала можно собрать! Вот сядет кто-нибудь, начнешь разговаривать с человеком и даже жалко бывает, когда его до места довезешь.

Я кивала, стиснув зубы от боли в ноге, будучи даже не в состоянии поддерживать разговор, и Старосельцев это быстро уловил.

– Мария Сергеевна, если у вас есть двадцать лишних минут, мы заедем в одно место, хорошо?

Я в очередной раз кивнула, поскольку мне было уже все равно, и Антон лихо свернул в какой-то переулочек, проехал через двор и тормознул перед тихой и темной парадной. Перегнувшись через меня, он каким-то чудом умудрился открыть дверцу со стороны пассажирского места и, обежав машину, подал мне руку:

– Прошу!

– Куда? – слабо запротестовала я.

– Ножку полечим...

Я, к собственному удивлению, послушно вылезла из машины, тихо постанывая. Может, хоть какое-то облегчение наступит, все равно, куда мы идем...

– А куда мы идем?

– А тут живет одна хорошая женщина. Она лечит немножко, сглаз снимает, вам сразу станет легче.

– Я в это не верю, – предупредила я, опираясь на руку Антона.

– Ну и не надо, – ответил он, бережно ведя меня в парадную. Грешным делом, у меня мелькнула мысль о том, что если он сейчас достанет нож, я даже не смогу убежать, но мысль эта тут же растворилась в приступе боли, когда я занесла ногу над ступенькой.

Со стенаниями мы добрались до последнего этажа, и Антон позвонил в обшарпанную дверь, из-за которой доносился собачий лай.

Нас даже не спросили, кто там. Дверь распахнулась, и я увидела на пороге худенькую девушку в черном свитере, абсолютно ненакрашенную, с хвостиком светлых волос.

– Привет, Антошка, – сказала она тихим голосом отличницы.

– Привет, Стелла, – отозвался Старосельцев. – Вот привел тебе человека полечить.

– Понятно, – сказала Стелла. – Проходите.

Из-за ее спины рвался нас поприветствовать огромный вонючий ньюфаундленд. Мы прошли в тесную прихожую и оказались в заставленной всевозможным скарбом квартирке. Приоткрылась дверь, из комнаты высунулся малец лет пяти, в трусиках и босой, и тут же закрыл дверь.

– На кухню? – спросил Антон.

Стелла кивнула.

Кухня на своих пяти метрах вмещала, помимо горы кастрюль, банок с домашними заготовками, каких-то кульков и мешков с картошкой и морковкой, еще и клетку, накрытую одеялом, под которым что-то время от времени кукарекало, и черного кота, сидящего на подоконнике. Я потянулась погладить его, но моя рука наткнулась на что-то жесткое, а кот не шелохнулся.

– Чучело, – сказала Стелла, и пригласила: – Садитесь.

Я с трудом втиснулась на захламленный диванчик, и Стелла положила передо мной листок бумаги и ручку.

– Будете записывать, – пояснила она. – Кофе с сахаром пьете?

– Спасибо, я не хочу кофе, – вежливо отказалась я. Но Стелла, как будто не слыша, налила мне из джезвы, стоявшей на плите, кофе в маленькую чашечку и поставила перед моим носом.

– Пейте, – сказала она. – Понятно, что вы больше любите чай, но я по чаинкам не гадаю. Я подняла глаза на Антона, стоявшего в дверях крошечной кухни.

– Я не просила мне гадать, – прошипела я ему, стараясь, чтобы мои слова не услышала Стелла. Но она их услышала.

– Мне надо кое-что про вас узнать, а то я вас не вылечу.

Я решила покориться судьбе и медленно выпила густой кофе, слава богу, чашечка была с наперсток. Стелла забрала у меня чашку и опрокинула на блюдце.

– Пишите, – сказала она. – Или запоминайте. На вас порча шестилетней давности.

Я пожала плечами. Так тривиально...

– Откуда бы взяться порче? Я чужих мужей не уводила.

– Это связано не с вашей личной жизнью, а с работой.

– А при чем тут работа? – спросила я.

– А вы подумайте, скольких людей вы свободы лишили?

Я вздрогнула и посмотрела на Старосельцева. Он ответил мне честным взглядом, не предполагая, что он успел что-то настучать насчет меня и моей профессии.

– С теми, кого я лишила свободы, у меня были нормальные отношения, они на меня не обижались.

Стелла взяла сигарету из пачки, лежащей на столе, и закурила.

– Допускаю. А вы представьте, что думали о вас их матери и жены, куда они ходили, к кому и чего вам желали?

Я снова вздрогнула. Это было не лишено здравого смысла. Стелла затянулась и продолжала:

– Все наши болезни – от наших проблем. У вас с гинекологией все в порядке?

– Не все, – призналась я.

– Кто-то вас обидел, причем нанес удар по вашей женской сущности. Как только вы его простите, все придет в норму.

– А если я не хочу его прощать? – неожиданно для себя заявила я.

– А стоит ли он таких переживаний?

– Стоит, – твердо ответила я.

– Да? Тогда терпите. Он вас любит как умеет.

Я хмыкнула.

– А нога у меня болит от каких переживаний?

– А подумайте сами. Дорога у вас трудная. И кто-то не хочет, чтобы вы по ней дошли куда надо.

– А если я дойду?

– Если уверены, что дойдете, то и нога перестанет болеть. Уверены?

Я пожала плечами.

– Еще раз: уверены?

На этот раз я кивнула.

– Завтра проснетесь и не вспомните, как было больно. Да, еще: все проблемы в субботу – от пиковой дамы в пятницу.

Я опять вздрогнула.

– Стелла, что это значит?!

– Думайте сами. Я не могу вам этого расшифровать, говорю, что вижу в кофейной гуще. – Она показала мне перевернутую чашку, по стенкам которой распластались темно-коричневые потеки. – И запомните: не везет вам в жизни на мужчин на букву «А». Будьте с ними осторожны.

– Что значит «мужчины на букву „А”»? – удивилась я.

– Ну это уж вы сами решайте. Имя, фамилия, кличка – этого я не знаю.

– А что же мне с ними делать?

– Решайте сами, – повторила Стелла. – Это не значит, что вы должны всех мужчин на букву «А» изгнать из своей жизни, просто присматривайтесь к ним и будьте осторожны. От них у вас проблемы. А вообще вы сами прекрасно со всем справитесь.

Наступила пауза.

– Это все? – наконец спросила я.

– Да. Встаньте. Нога болит?

– Болит, но меньше, – с удивлением сказала я.

– Вот мой телефон, – проговорила Стелла, написав номер на клочке бумаги и передав его мне. – Если что, звоните.

– Спасибо, – сказала я. – Сколько я вам должна?

– Да ничего. Вы же в это не верите, – ответила Стелла.

Вылезая из тесного кухонного уголка, я не удержалась и попыталась шелкнуть по носу чучело черного кота. Но, к моему удивлению, как только я коснулась сложенными пальцами кошачьего носа, «чучело» спрыгнуло с окна и с мяуканьем понеслось из кухни.

– Ожил, – прокомментировала Стелла.

Я вышла в прихожую и стала надевать куртку, прислушиваясь к ощущениям в коленке. То ли мне показалось, то ли и вправду, но коленка стала болеть меньше. До меня долетел обрывок разговора между Стеллой и Старосельцевым.

– Стелла, а ей покреститься не надо? – приглушенным голосом спрашивал Антон.

– Не надо, – ответила Стелла, судя по всему, затянувшись сигаретой. – Пока бог спит, ей черт наворожит.

Спускаясь по лестнице, я машинально хромала, но это уже не вызывалось необходимостью. И в «Антилопу» я села без особых переживаний. Подробности визита к Стелле мы не обсуждали: и я вопросов не задавала, и Старосельцев молчал. Мы отвезли пальто потерпевшей Ивановой на экспертизу, и я выгодно пристроила его знакомым экспертам, на коленях вымолив устный ответ завтра. А выйдя из лаборатории судебной экспертизы, я уже привычными движениями открыла дверцу «Антилопы» и села на пассажирское место рядом со Старосельцевым. Завернув юбку, я показала ему свое больное колено: оно раздулось так, что я стала опасаться, выдержат ли колготки, и горело огнем.

Старосельцев осторожно тронул мое больное место ладонью и отдернул руку. Он растерянно глянул на меня.

– Ну что, Антон Александрович, нетрадиционные методы не помогли? Отвезите-ка меня, пожалуйста, в мой родной травматологический пункт.

– Хорошо, – так же растерянно ответил Старосельцев. – А где это?

– Я покажу, – устало сказала я.

В травматологическом пункте Старосельцев честно отсидел со мной всю очередь, стараясь отвлекать от страшных мыслей.

– Вы знаете, – болтал он, – я ведь закончил сценарный факультет ВГИКа. Смотрели такой старый фильм – «Простые мужчины со сложным характером»? Так это по моему сценарию.

– Честно говоря, анонсы я видела, но меня отпугнуло название.

– Дело в том, что сценарий назывался – «Бег жирафа». Это режиссер переделал.

– Вот на «Бег жирафа» я бы пошла, – призналась я, стискивая зубы от невероятной боли и страха перед тем, что моя нога окажется навек изуродованной, и я больше никогда не смогу носить короткие юбки.

Наконец настала моя очередь. Я зашла в кабинет, приволакивая ногу. За столом сидел небритый молодец в грязно-белом халате. Он поднял на меня равнодушные глаза.

– В чем проблемы? – спросил он, указывая шариковой ручкой на стул.

Я села, с трудом сдерживая слезы, и когда он увидел, что я на грани истерики, в его потухшем взгляде засветилось осознание врачебного долга. А может, оно засветилось, когда он посмотрел в мою карточку, заполненную регистраторшей, где значилось место моей работы – прокуратура.

Я сказала, что очень болит нога.

– Покажите ногу.

Он довольно резво уложил меня на диванчик, осмотрел, послушал мои сдавленные стоны и стал выяснять, где я могла травмировать коленку.

– Падали? Ушибались? Подворачивали ногу?

– Не падала, не ушибалась, не подворачивала, – устало доказывала я.

– Не морочьте мне голову, – отрезал врач. Он сел к столу и стал что-то быстро писать в карточке.

– Это заболевание травматического происхождения. Я вам выписываю лекарства, их надо будет принимать две недели. Вот смотрите: вольтарен, если его нет – диклофенак. Нужно провести курс, по три раза в день после еды. Поскольку у вас температура повышена, попейте

оксациллин, это антибиотик. Хотя лучше бы вам и то, и другое в инъекциях. На уколы ходить будете?

Я отрицательно покачала головой.

– Ясно. Тогда в таблетках. Мази: фастум-гель ежедневно, купите еще индометациновую. В специальном магазине купите накладку на колено, они продаются по размерам, и днем ходите в накладке, так как надо ограничить нагрузку на колено. Я мог бы наложить вам съемную гипсовую лангетку, но это вызовет определенные неудобства. Юбку вы уже носить не сможете, и надо будет приходить на перевязки.

– Нет, лучше наколенник, – быстро сказала я.

– Хорошо. Больничный нужен?

– Нет, – ответила я, поднимаясь и поправляя юбку.

– Нагрузка на ногу – минимальная, – предупредил врач. – Первые дни лучше полежать.

Я машинально кивнула, на самом деле меня занимал другой вопрос:

– Скажите, пожалуйста, а опухоль спадет? Нога не останется такой навсегда?

Врач тяжело вздохнул:

– Если будете выполнять мои предписания, то не останется. Опухоль спадет к концу этой недели, не раньше. Уж потерпите. Потом придите, покажитесь.

– Зачем? – наивно спросила я, полагая, что раз опухоль спадет, то к врачу ходить уже будет незачем.

Врач снова вздохнул. Похоже было, что он – женоненавистник.

– Сейчас у вас обострение, и мы будем снимать болевой синдром. А когда организм придет в себя, надо установить причину заболевания и устранять ее. Понятно? Будем лечить проблему.

Я кивнула. Врач протянул мне рецепт и бумажку с адресом специального магазина, в котором мне надо было купить наколенник.

Ковыляя, я доплелась до терпеливо ожидавшего меня журналиста, он галантно предложил мне руку и повел в свою колымагу. По дороге домой мы заехали в аптеку, Старосельцев сбегал за лекарствами, потом – в специальный магазин. Туда, правда, пришлось идти мне самой, поскольку наколенник надо было подбирать по размеру, но скоро мои мучения кончились. Старосельцев довез меня домой, проводил до квартиры, деликатно отказался от чашки чая и спросил, чем я собираюсь ужинать. Я, честно говоря, об этом не подумала. А есть уже хотелось, поскольку за целый день маковой росинки во рту не было.

– Понятно, – пробормотал Старосельцев. – С вашего позволения. – И он заглянул в холодильник.

– Понятно, – повторил он после этого. – Ложитесь и дайте мне ваш ключ. Я скоро.

Он на меня производил просто гипнотизирующее впечатление. Я без звука отдала ему ключ от квартиры и, по его просьбе, полиэтиленовый пакет. Он ушел, а я переоделась в домашние брюки и свитер, вытащила из шкафа плед и, охая уже в голос, с трудом устроила на диване свою большую ногу.

Когда я легла, стало полегче. Наколенник я, в соответствии с указаниями врача, не стала надевать на ночь глядя. Я даже задремала и очнулась только от звука открываемой двери. Это тихонько, стараясь не шуметь, вошел Старосельцев. Я слышала, как он прошел на кухню, открыл холодильник, с чем-то возился. Через некоторое время он появился передо мной с подносом, на котором стояли чашка с горячим чаем, тарелка с творогом, политым сметаной, и лежали две упаковки таблеток.

– Мария Сергеевна, подкрепитесь немного и выпейте лекарство. – Он присел на краешек моей кровати, и в это время зазвонил телефон.

Это был Синцов с донесениями.

– Маша, я кое-что узнал интересное, подъезд, а?

– Андрей, – сказала я через силу, – может, ты подъедешь? У меня нога болит, встать не могу.

Андрей согласился, не ломаясь, и пообещал быть через пятнадцать минут.

Все это время Антон Старосельцев был мне родной матерью, чуть ли не кормил меня с ложечки, разламывал таблетки, которые я не могла проглотить целиком, подкладывал сметаны, поправлял плед...

Когда раздался звонок в дверь, я попросила его открыть.

– Это оперативник, который работает со мной по трупам женщин, – сказала я. – Заодно и пообщаемся на интересующую вас тему.

Но я ошибалась. Это был не Синцов, а мой бывший любовник, сожитель, друг, а ныне – вообще непонятно кто: Саша Стеценко собственной персоной. Когда Старосельцев привел Сашку в комнату, где я лежала под пледом, а на стуле рядом стоял поднос с едой и лекарствами, Стеценко так посмотрел на журналиста, что никаких бранных слов было не нужно. Я бы сказала, нецензурный взгляд. Журналист этот взгляд стоически выдержал.

– Я проезжал мимо, – сказал Саша, и я услышала, как он скрипнул зубами. – У тебя свет горит, решил зайти, спросить, не нужно ли тебе что-нибудь? Я в морге заметил, что у тебя нога болит. Но ты умчалась так стремительно, даже с больной ногой... Извини, если я не вовремя, ты не одна.

– Саша, знакомься, это Антон, он журналист, – сказала я. – Он меня к врачу возил и даже сходил за продуктами. Сейчас Синцов подъедет, если хочешь – оставайся.

– Если я не помешаю, – проговорил Сашка, сверля теперь уже меня глазами.

– Я же сказала, не помешаешь.

Но Сашка уже и так понял расстановку сил. Я без труда проследила ход его мыслей. Раз особо отмечено, что журналист сходил для меня за продуктами, это не есть распределение семейных обязанностей, а просто любезность; к тому же должен подъехать Синцов, а значит, мы не намеревались с журналистом уединяться. Кроме того, раз я сама предлагаю Сашке остаться, несмотря на его готовность нас покинуть, значит, мне не так противно его видеть, как он боялся. Все эти размышления настолько явно были написаны у него на лице, что мне стало смешно.

– Дай-ка я ногу твою посмотрю, – сразу взял быка за рога Александр. – Я же все-таки доктор.

Он откинул плед, осмотрел мое колено, осторожно поворачивая его вправо и влево. И я со смешанным чувством горечи и нежности осознала, насколько мне все же приятны его прикосновения. И не только прикосновения. Все-таки нас связывало нечто большее. Не все я еще забыла, и бывают минуты, когда я готова сказать Сашке, чтобы он возвращался. Мне хочется, чтобы он был рядом, ухаживал за мной, лечил больную коленку...

– Дай-ка посмотреть, чего тебе там доктор понаписал в травмпункте, – оторвался Сашка от моей коленки.

Прочитав рекомендации врача, он остался удовлетворенным.

– Он тебе рентгенографию прописал и клинический анализ крови, сделай это обязательно. Ты не шути с такими вещами. Только я бы еще добавил озокерит и парафин. И фонофорез бы поделал...

Снова раздался звонок в дверь. Теперь открывать пошел Стеценко, по праву человека, когда-то здесь жившего и все знающего. И опять это оказался не Синцов. На этот раз к моей кровати склонился друг и коллега Горчаков.

– Вы что, сговорились, что ли? – слабым голосом сказала я, хотя на самом деле меня разбирал смех. Можно себе представить, что про меня думает журналист, а также какие черные подозрения все-таки роятся в мозгу у Стеценко, не говоря уже о том, как обалдел Горчаков, застукав у меня и Сашку, и Антона. Причем Сашка не ограничился открыванием двери.

Желая, по всей видимости, пометить территорию, он пошел на кухню приготовить чай для всех присутствующих. И даже поджарил яичницу для Горчакова. Прошло далеко не пятнадцать минут, когда наконец появился Синцов.

Вид у него был еще более усталый и мрачный, чем обычно. К моему удивлению, он за руку, как со старым знакомым, поздоровался с журналистом, и у меня отлегло от сердца. Журналист деликатно удалился на кухню, оставив меня с вновь прибывшим.

– Ну ты, мать, нашла время болеть, – упрекнул меня Синцов.

– Андрюшенька, не сердись, я завтра буду как огурчик.

– Будешь ты, как же! А то я не знаю, что такое синовит!

– А я не знаю, что такое синовит.

– Это то, что у тебя с коленкой происходит.

– Да не волнуйся ты, у меня есть наколенник, в нем ходить не так больно. Завтра поедем на все остальные места происшествий, и вообще работаем по полной программе.

– Ладно, заеду за тобой домой, чтоб ты в наколеннике пешком не шлялась. Только пораньше.

– Полдевятого, ладно? Только я еще в прокуратуру заскочу, хочу с шефом поговорить. Слушай, а ты что, знаешь Старосельцева?

– Знаю. Он писал про несколько наших дел. Нормальный парень, оперативник в нем погиб.

– Ну, слава богу. А то он выскочил, как черт из коробочки, с вопросами про серию убийств женщин. Я и подумала, что лучше взять процесс под контроль, и стала его с собой таскать. Может, с ним поговорить насчет обращений к женщинам в средствах массовой информации?

– А ты что, не помнишь, что тебе сказал Евгений Кириллович? – поддел меня Синцов.

– Не буду же я подписываться своей фамилией? Можешь ты выступить в печати, тебе никто не угрожал увольнением.

– Ты так думаешь? Мне мой собственный начальник слово в слово повторил то, что тебе сказали в городской прокуратуре. Малейший контакт с прессой – и я буду уволен.

– Хорошо, пусть Антон напишет, что обращался к нам за комментариями, но мы наотрез отказались разговаривать с прессой.

– Так нам и поверят.

– А меня это мало волнует. Но, может, хоть одну женщину спасем.

– Шансов мало. Надо, чтобы женщина прочитала именно эту газету и чтобы ей не нужно было куда выходить в три часа.

– Слушай, Андрей, а мы ведь так можем и клиента спугнуть, – задумалась я: – Особенно будет смешно, если потенциальная жертва не прочтает газету, а злодей прочтает. И затаится.

– Да, так нельзя. Давай Антона позовем, посоветуемся.

– Давай уж тогда всех позовем. Горчаков же тоже по этим убийствам работает, а у Сашки три вскрытия по ним. И скажи, что ты такого установил интересного?

– Понимаешь, – медленно начал Андрей, – я еще сам не знаю, интересное это или нет. Я сегодня поработал с бомжами из того подвала, в котором нашли труп художницы нашей, Жени Черкасовой.

– Так, – сказала я, приподнимаясь на подушках.

– Так вот, два бомжа клянутся, что видели девушку в белом пальто, «всю из себя», за несколько дней до убийства в парадной этого дома.

– Она входила или выходила? – быстро спросила я.

– Она стояла на первом этаже.

Как только я открыла рот, чтобы высказать пожелание отработать всех жильцов парадной, Синцов продолжил:

– Я в паспортном столе взял списки жильцов. Там всего шесть квартир...

– В жилконторе? – переспросила я. – А поквартирного обхода по убийству Черкасовой разве не проводилось? Правда, в деле справок нет, но я думала, что в ОПД...

– Какое там...

– Черт знает что! – разволновалась я. – А ты с какими разговаривал бомжами? Которые обнаружили труп?

– Нет, это другие.

– Их допрашивали?

– Размечталась, – грустно покачал головой Синцов. – Допрашивали только тех, кто труп нашел, и то по настоянию уголовного розыска.

– Надо этих допросить. И жильцов дома отрабатывать.

– Конечно, надо. Вот я завтра и собирался вместе с тобой туда проехать.

– Андрюша, – жалобно сказала я, – у меня ведь еще мать Риты Антоничевой не допрошена, по последнему трупу. Хоть разорвись...

– Ладно, сделаем, никуда она не денется. Ну что, звать народ?

Синцов дошел до кухни, есть отказался и созвал всех на генеральное совещание к моей постели. Мы долго ломали голову, как нам сделать так, чтобы волки были сыты и овцы целы, то есть, как предупредить возможных жертв маньяка и в то же время этого самого маньяка не спугнуть. И, в качестве побочного эффекта, не подставить свои головы начальству за порочащие связи с прессой. Старосельцев предложил выйти еще на телевидение и не говорить напрямую о том, что по субботам в нашем городе женщинам лучше по парадным в три часа дня не бродить, а сделать что-то вроде репортажа об очередной кампании по охране правопорядка, о тотальном патрулировании и прочем.

– Знаете, ребята, я бы на вашем месте проконсультировался с психиатрами, – резонно заметил Сашка. – Вы ему вводную измените, и он будет мочить не по субботам, а по пятницам. И что тогда? Еще и по пятницам будете патрулировать?

– Саш, ну что же тогда, никак нам не предотвратить убийство? – спросила я.

Сашка пожал плечами.

– Если бы мы еще представляли себе, по каким параметрам он их выбирает! – добавил Синцов.

– Скажи, а вы сегодня занимались этими трупами? – стала я приставать к доктору Стеценко под одобрительными взглядами Горчакова.

Стеценко кивнул:

– И знаешь, Маша, у нас не получается один человек. Слишком разные антропометрические характеристики. Разный рост, разный вес, разная сила ударов.

– А сколько получается? – спросил Синцов.

– Как минимум двое. Причем один – высокий, крепкий, бывший или настоящий борец. И психопат. Во всяком случае, весьма неуравновешенный тип.

– А это откуда известно? – подозрительно спросил Горчаков.

– А это уже мои домыслы, – ответил Сашка. – При таком росте и борцовских навыках, да еще и при явном физическом превосходстве над жертвой, он наносит столько ударов! Десять, двенадцать, причем это не вызывается необходимостью, если считать его целью достижение смерти жертвы.

– Это ты про трупы Ивановой и Антоничевой?

– А что еще можно считать его целью? Ребята, можно я включу диктофон, а то я запутаюсь в ваших построениях? – спросил журналист.

Синцов кивнул, и мы милостиво разрешили Антону включить аппаратуру.

– Такое впечатление, что он возбуждается от своих же действий. Очень похоже на психические отклонения...

– Кто бы сомневался, – пробурчал Горчаков.

– Дело в том, что по другим трупам получается другая картина. Человек, убивший двух старушек – Шик и Базикову, – имеет совсем другую психическую организацию. Он спокоен, и жертва не провоцирует его на неоправданную жестокость. Я уж не говорю, что он гораздо ниже того типа, который замочил Иванову и Антоничеву.

– Стоп! Так что же мы имеем? – заволновалась я. – Я с таким еще не сталкивалась. Два психа действуют в группе? Такого не бывает.

– Подожди, Маша, – остановил меня Стеценко. – Я еще не все сказал. Хотя у нас мнения разошлись, я считаю, что неуставленную женщину на черной лестнице и Погосян убивал третий человек. Еще я долго возился с трупом Черкасовой...

– Ну?! – поторопила я его, а то пауза затянулась.

– Ну, похоже, что и он тоже...

– Саша, ты хорошо подумал? – простонала я. Но ответ я уже знала. За время, прожитое вместе с Сашкой, он много раз предоставлял мне возможность убедиться в своей интуиции и блестящей способности к логическому мышлению. Я чувствовала, что и на этот раз он не ошибается.

– Я хорошо подумал, иначе бы я не заикался об этом.

– Вот и славненько, – прогундосил Горчаков, – группа маньяков бродит по Питеру. И они по очереди сходят с ума по субботам в три часа.

– Интересно, почему по субботам? – в пространство сказал Сашка.

– Интересно, почему в три часа? – подхватил Синцов.

– Ребята, а мне все интересно, – тихо сказал журналист. – Так это серия или не серия? Я что-то ничего не понимаю...

Мужики разом загалдели.

– Между прочим, понятие «серийного преступления» нашей наукой еще не дано, – негромко сказала я. – А вот мне интересно, знаете что? Люди разные, а мотив один.

– Так-так, – сказал Синцов, и галдеж стих. И мне стало не по себе. – Продолжай, Маша.

– А что продолжать? Мотив один, способ действия одинаковый, исполнители разные. Что это значит?

Все уставились на меня.

– Руки разные. А мозг один, – сказала я после паузы.

– Так что это значит? – спросил Лешка.

Я посмотрела на часы. Была половина первого ночи. Скоро настанет утро. Утро четверга. И до следующего убийства останется два дня.

– Не знаю, Леша, – ответила я Горчакову. – Может, он перевоплощается. Принимает разные обличья. Может, мы имеем дело с сатаной. И нам надо определиться, что важнее: предотвратить убийство в эту субботу и упустить злодея...

– Или? – спросил журналист.

– Или вычислить и поймать этого дьявола, не спугнув его, – закончил вместо меня Синцов. – По домам, ребята. Машке надо отдохнуть.

Я обвела их взглядом. Вот они сидят, четверо мужиков, и у всех имена начинаются на «А».

Я вытянулась под пледом и закрыла глаза.

– Спасибо, ребята, – сказала я. – Закройте дверь сами, ладно?

Я слышала, как они собирались, перекидывались шутками в прихожей, как звякнул запор на двери. Глаза я закрыла специально, чтобы не видеть вопросительного взгляда Сашки, потому что я и с закрытыми глазами знала – он сейчас спросит: «Мне уйти?». И я не знаю, что я отвечу. Нет уж, потом разберемся. Если я позволю ему остаться, получится, что я признаю

свою неправоту. И получится, что я согласна продолжать все так же, как было, и от чего я отказалась пять месяцев назад.

Когда в квартире стало тихо, я вдруг горько подумала, что лет мне уже много, сколько еще осталось на личную жизнь? А я вот так разбрасываюсь любящими меня людьми. Выставила бедного Сашку, он и сам не понял, за что. Он же не виноват, что мужчины такие недалекие богом созданы. Что, у меня убудет, если я ему прямо скажу, чего мне не хватает? Не убудет.

Но при всем этом я знала, что утром мне все покажется иным, я трезво посмотрю на вещи и пойму, что не желаю вечно закрывать глаза на то, что Александр Стеценко так и не стал взрослым и уютно устроился в тени моей юбки. Я нажала на кнопку телевизионного пульта и несколько минут понаблюдала за беседой степенного телеведущего с каким-то священнослужителем об отношении Церкви к брачному договору. Очень в тему, тоскливо подумала я, но невольно заслушалась.

Священник в полном облачении, но со светскими манерами, непринужденно вел себя перед телекамерой, объясняя, что Церковь не может лояльно относиться к брачному договору, поскольку брак – это жертвенный союз двух людей. Супруги дают обет друг другу и Господу, что будут жертвовать собой ради другого и выражают готовность на ежедневные жертвы. А если составляется брачный договор, то какие могут быть жертвы с условиями?

В моей голове, в данный момент занятой решением личных проблем, вдруг все прояснилось и встало на свои места. Вот что мне не нравилось в нашем совместном житье, которое Сашка обзывал семьей, а я была в этом не уверена. Это не был взаимно жертвенный союз. То, что Сашка приносил мне цветы и мыл посуду, не мешало ему в самый ответственный момент включить телевизор или уйти на всю ночь играть в бильярд, несмотря на то, что мне хотелось эту ночь провести с ним. Хотя это мелочи, из них складывался наш союз. Сашка все годы нашей совместной жизни ныл, что у него неудобная подушка. Конечно, я могла пойти в ближайший магазин и купить новую подушку, но мне хотелось, чтобы он что-то сделал для нашего гнезда. А он ждал, когда я это сделаю. Так что, по большому счету, дело не в подушке, а в модели поведения. А еще в том, что просить я не люблю. Так говорила одна незаурядная женщина, проходившая у меня по делу. Тогда я не поняла ее, потому что в тот момент в моих отношениях с Сашкой все было безоблачно. Мне все в нем нравилось, а что не нравилось – на то я закрывала глаза. А вот когда я стала задумываться о своей личной жизни, то постепенно стала понимать, что в экстремальной ситуации Сашка, конечно, все бросит и поможет мне, и спасет. Но в повседневных обстоятельствах он не желает задумываться о том, всегда ли мне хорошо и комфортно. Ему ведь ни разу в голову не пришло предложить мне выйти за него замуж, хотя он всегда называл меня именно женой. Не говорю я с ним об этом, ну и ладно. Хотя я отдаю себе полный отчет в том, что у девяноста процентов женщин эти мои претензии к мужчине – чтобы он угадывал мои желания и настроения без слов – вызвали бы искреннее непонимание или истерический смех. Как говорится, был бы милый рядом...

Ну почему я такая дура? Я расстроилась окончательно и попыталась отвлечься, перебирая в уме женские трупы. Завтра уже четверг. Четверг, пятница, а потом суббота. Как ни парадоксально, во всех парадных постового не поставишь.

Обзорная справка и мои выписки из дел лежали рядом с постелью, на журнальном столике. Я потянулась и взяла лист с адресами убийств и описанием подходов к парадным. Вот что мне непонятно: во все парадные вход с улицы, кроме той, где был обнаружен труп неустановленной женщины. Но эта так называемая черная лестница выходила во двор большого супермаркета, где всегда полно народа, в том числе и рабочих магазина. Так вот, суббота, три часа дня – и ни одного свидетеля. Как ему это удастся? И в парадных он умудряется ни с кем не столкнуться. В единственном случае, с Ритой Антоничевой, возможные свидетели прошли по лестнице за считанные минуты до убийства, а его опять никто не видел.

Во всяком случае, в субботу надо ориентировать патрульно-постовые службы, в первую очередь, на осмотр парадных. Во дворах, так и быть, пускай не патрулируют. Хотя на это пресловутое патрулирование, честно говоря, надежды у меня не было никакой. Знаю я эти операции «Вихрь», как в анекдоте: «Товарищ милиционер, а на этой улице не опасно? – Конечно, нет! Было бы опасно, ходил бы я здесь».

Я стала обдумывать информацию о появлении Жени Черкасовой в парадной дома, где потом она была убита. Конечно, способ ее убийства несколько выпадает из общих признаков серии. Да и Сашка сказал, что внешние параметры ее убийцы не те, что в остальных случаях. Но ее рисунки, а теперь еще и данные о каком-то притяжении ее к этой парадной за несколько дней до убийства, бесспорно указывают, что это убийство надо рассматривать в контексте всех остальных. Вряд ли бомжи ошиблись, внешность у Жени действительно была запоминающаяся, да еще очень броская и стильная одежда; во всяком случае, я белые пальто вижу нечасто. А жильцов дома надо отрабатывать очень осторожно. Даже хорошо, что местные не провели поквартирного обхода: под эту марку можно будет обойти квартиры и, не возбуждая особых подозрений – ведь все знают, что в подвале дома была обнаружена жертва убийства, и поквартирный обход в таких случаях вещь вполне естественная, – по крайней мере, посмотреть своими глазами, кто что из себя представляет.

Черт! Я даже приподнялась в постели. Надо как-то исхитриться и допросить папу Риты Антоничевой. Хоть он и сотрудник администрации президента, то есть как бы вне подозрений, как жена Цезаря, в глаза-то ему посмотреть хочется. Вроде бы на месте происшествия он не изображал неутешное горе на потребу собравшейся публике, а был действительно раздавлен случившимся, но кто его знает?! Интересно, уехал он в Москву или еще здесь? Риту хоронят завтра, хорошо бы Синцов покрутился на похоронах... А с кем я тогда поеду с бомжами разговаривать?

Я и не заметила, как задремала, но вдруг проснулась, как будто меня подбросило. В комнате было темно; я на ощупь нашла будильник – пимпочка, означающая, что будильник заведен, торчала вверх, значит, я не проспала. На часах было шесть. Раздосадованная, я поворочалась в кровати, но сон не шел. Было понятно, что я уже не засну. Настроение было препоганое, и хотя я уже и так давно забыла, что такое душевный покой, в этом утреннем мраке мне просто хотелось биться головой о стену от того, как остро чувствовалось мое одиночество и вынужденная разлука с сыном, и невозможность (вот сейчас я отчетливо это поняла) повлиять на то, что в субботу наверняка будет убита еще одна женщина... Из коридора раздался невнятный шорох, потом еще. Прислушавшись, я догадалась, что это течет вода из неплотно закрытого крана. Из кухни раздался еще какой-то зловещий звук; я успокоила себя тем, что это включился холодильник. Что-то упало с шуршанием прямо рядом со мной.

Не выдержав, я зажгла свет. На полу лежали сползшие с моего одеяла листы обзорной справки по убийствам. Нет, заснуть я уже не смогу, зачем же я буду валяться в постели, если можно это время с толком использовать? Хоть приберусь в Гошкиной комнате и еще раз почищу справку. Что-то там брезжило, не давая мне покоя, что-то, чего мы с Синцовым, да и не только мы, но и все остальные, еще до нас работавшие по этим убийствам, не заметили.

Я резво вскочила, набросила халат и пошла в душ. Глянув в зеркало, перед тем как забраться под горячие струи воды, я пришла в ужас от собственного серого лица с огромными синяками под глазами. Что уж говорить о том, что мне давно пора подстричься? Критически оглядев свою фигуру, я расстроилась окончательно. Какая там личная жизнь с такой складкой на животе! Придется целиком посвятить себя работе. И воспитанию ребенка. Но, подумав так, я не выдержала и прыснула. Нет, я так не смогу. Ну что, я буду, как клуша, встречать ребенка из школы с тарелкой манной каши? А потом смотреть ему в рот и проверять уроки? Нет уж, по моему глубокому убеждению, ничего хорошего для ребенка не получается от того, что разведенные мамы дают торжественный обет поставить крест на личной жизни и отдаться вос-

питанию чада. Некоторое время такие мамы держатся, но поневоле у них начинает формироваться неосознанное желание получить с ребенка за эту жертву сполна. А исключения только подтверждают правило. Впрочем, на эту тему уже всё исчерпывающе сказали глянцевого женские журналы, толстые и не очень. Теперь выражаемое ими общественное мнение не одобряет такого самоотречения, хотя еще двадцать лет назад оно было в моде.

Вот моя подруга Регина Шнайдер. Несмотря на то, что она после смерти мужа ведет бурную половую жизнь, причем все по большой любви и с разными партнерами, в общей массе младше ее лет на десять, совершенно не стесняясь своих детей, оба сына ее обожают, просто боготворят. Психологически это легко объяснимо: дети в таком возрасте тянутся к успешным личностям. И успех матери, все равно какой – хоть профессиональный, хоть личный, – только подогревает их интерес и уважение к ней.

Регинка только за последние полгода трижды собиралась замуж, причем по полной программе, с белым платьем и венчанием, и все срывалось только потому, что на горизонте появлялся следующий претендент, который был, как правило, еще моложе предыдущего, и уводил ее из-под венца к еще более сияющим амурным горизонтам. В общем, искренне завидую подруге, подумала я, поворачиваясь под горячим душем. Жалко, что у меня маленькая ванная. Поставить бы джакузи и устраивать тут оргии с любовником, пить шампанское и кидаться ароматной пеной, поскольку складка на животе под этой самой пеной будет не видна... Но увы, из перечисленного мне пока доступно лишь шампанское. Сначала надо похудеть, а потом заводить любовников. Хотя и в этом проявляется мой тщательно скрываемый комплекс неполноценности. Я сразу начинаю мучиться – а что подумает про меня NN? Может, он навсегда перестанет меня уважать из-за того, что я в талии на пять сантиметров шире принятых международных стандартов? Или его мнение о моих душевных качествах упадет ниже уровня городской канализации, когда он разглядит отсутствие в моей верхней челюсти крайнего зуба? При этом я отдаю себе отчет в том, что подобные вещи никогда не влияли на мое отношение к мужчинам, особенно если я к ним питала хоть какие-то чувства.

Вот Регина никогда не считает, что мужчина может о ней плохо подумать из-за каких-то дефектов внешности. Наоборот, она каждый раз искренне верит, что она осчастливила очередного мужика, и они тоже начинают проникаться этим чувством. Как бы мне так научиться?

В последний раз она мне рассказала, что ее новый поклонник, слишком долго ограничивавшийся целованием ручек, наконец взялся за ум и в подходящей обстановке решился на многозначительный поцелуй. И в самый кульминационный момент, лежа в его объятиях, Регина неосторожно распахнула глаза ему навстречу. А поскольку она была в цветных контактных линзах, а ее Ромео наивно полагал, что это она от природы такая ослепительно зеленоглазая, он, разглядев линзы, опешил, а наблюдательная Регина это заметила. И спасла ситуацию решительными словами: «Спокойно! Все остальное у меня свое!»

Так! Все! Вдохновленная осязаемым примером личного счастья ближайшей подруги, которая, слегка перефразируя Мичурина, уверяет, что мы не можем ждать милостей от мужчин, взять их у них – наша задача, я решила прямо сейчас начать новую жизнь. Вылезаю из душа, делаю зарядку, придаю своему облику максимальную привлекательность и... тут я остановилась в полете своей фантазии. И что дальше? А вот что: и еду на работу, и не покладая рук пытаюсь раскрыть серию убийств женщин. Тут уж не до личной жизни. Хотя все, что намечено для стабилизации личной жизни, само по себе полезно и должно быть выполнено.

И вообще, я вдруг осознала, что все мои неприятности и промахи происходят как раз тогда, когда я начинаю лезть вон из кожи и ставить себе несвойственные задачи. Иными словами, когда я начинаю изменять сама себе. Нет уж, у меня судьба такая – жить, как живется. И подчиняться тому, что мне душа подсказывает, а не практичный голос разума. Так вот, стоит мне начать прикидывать, что можно поступиться внутренним комфортом ради внешнего, как этот компромисс с самой собой оборачивается полнейшим фиаско. Слава богу, я это осознала

не в девяносто лет, когда все потеряно... Хотя моя жизнь несется в таком бешеном темпе, что я даже боюсь оглядываться назад; и вполне может статься, что в один прекрасный день я проснусь и обнаружу – баюшки, а мне уже девяносто лет!..

Оказывается, ранний подъем может в корне перевернуть мировоззрение, думала я, весело соскакивая по ступенькам ровно в восемь тридцать, когда под окнами побибикал заехавший за мной, как и договаривались, Синцов.

Погода абсолютно соответствовала моему душевному настрою: было еще по-утреннему свежо, но солнце светило изо всех сил, разгоняя рассветную дымку. Я бодро плюхнулась в машину и предложила лететь в прокуратуру, поначалу даже не среагировав на слегка удивленный взгляд Синцова, а потом отнеся его за счет моего свежего внешнего вида. Но Синцов долго молчать не мог. Он спросил, подозрительно косясь на мои колени, едва прикрытые короткой юбкой.

– А как ты себя чувствуешь?

– Просто классно! И полна оптимизма! Почему-то сегодня мне кажется, что мы поймаем уродов.

– Да? – хмуро переспросил Синцов, не разделив моего оптимизма. – А вчера ты что, симулировала, что ты при смерти?

– В каком смысле? – удивилась теперь уже я и внезапно осознала, что нога у меня не болит совершенно. И опухоли никакой в помине нету.

– Андрей! У меня нога не болит! – ошеломленно сказала я.

– Видишь, на какой уровень вышла современная медицина, – буркнул Синцов, вырывая на проезжую часть.

– Да, но доктор мне говорил, что опухоль спадет не раньше, чем через неделю!

– Короче, вас обманули, вам подсунули шанхайского барса. А вы все недовольны, – без улыбки откликнулся самый мрачный сыщик нашей планеты.

Я для верности ощупала свою коленку со всех сторон, но больные в прошлом места не реагировали даже на силовое воздействие. Неужели это Стелла?.. Да нет, ерунда. Я же в это не верю.

– Ну что ты мучаешься? – спросил, не глядя на меня, Синцов. – Прошла нога и прошла. Куда? В прокуратуру?

Я кивнула.

– А потом?

– Хотелось бы посмотреть остальные места происшествий, допросить бомжей по Черкасовой, доехать до морга – эксперты должны мне данные собрать по параметрам убийц, потом к криминалистам, они мне сделают таблицу посторонних микроналожений по одежде с двух трупов, и нужно допросить мать Риты Антоничевой, – добросовестно перечислила я.

– Классно. На места происшествий я тебя сопровожу, а потом брошу до убойного отдела, организую допрос бомжей и поеду на похороны Риты.

– Ох, елки! Сегодня же похороны, как же я не подумала, что сегодня Ритину маму допросить не удастся! – я расстроилась.

– Ладно, завтра допросишь. Это было бы актуально, если бы мы по личной версии работали. А если маньяк ее грохнул, то что тебе мама интересного скажет?

– Тоже верно. К прокурору со мной пойдешь?

– Схожу.

У прокуратуры Синцов припарковал машину и поднялся со мной на наш четвертый этаж. Доехали мы быстро, рабочий день еще не начался, но шеф уже, как всегда, был на месте и поливал цветы. Он, деловито кивая, выслушал мой доклад, одобрил нашу идею насчет патрулирования и заметил, что еще сам позвонит начальнику главка, назвав его Гришей и пояснив, что знает его с молодых лет, они в одном районе работали. Я в который раз подивилась, сколько

народа из нынешних руководителей шеф знает с молодых лет. И благодаря этому многие деловые вопросы в нашей прокуратуре решаются быстро и безболезненно. А вот уйдет шеф, и что тогда? Пришлют какого-нибудь молодого скороспелку, и будет он за наш счет самоутверждаться. Тьфу, даже думать об этом не хочется. Начнет противопоставлять прокуратуру милиции, становиться в позу, изображать, что он святее Папы Римского... Вон, в соседнем районе ребята жалуются, что пришел юный прокурор, уголовного дела в руках не державший, и первое, что сделал, вызвал к себе начальника убойного отдела из РУВД и потребовал дать слово, что жалоб на убойный отдел больше не будет. Я еще посмеялась – и что, начальник убойного такое слово дал? Следователи говорят – а что делать? Прокурор пригрозил, что иначе возбудит уголовное дело с немедленным арестом двух оперов, которые при задержании убийцы сломали ему палец. А получив требуемое слово, прокурор потребовал немедленного улучшения показателей по раскрытию умышленных убийств.

Я тогда еще пожала плечами – ладно, можно требовать, чтобы, когда с задержанным работают, не били, поскольку применять насилие к человеку, прикованному наручниками к сейфу, – последнее дело, недостойное мужчин. Но при задержании... Человеку, всю жизнь сидящему в кабинете, не понять, что такое задержание. Это из кабинета кажется – а что такого, пошел и задержал: предъявил удостоверение, объявил злодею, что он задержан и должен пройти в отдел милиции, и злодей, покорно склонив выю и вытянув руки для наручников, готов. Может, и такое бывает, но в большинстве случаев задержание – это сумбур из-за сопротивления злодея, который почему-то не хочет идти в милицию, да еще и сумбур, помноженный на мужской азарт и на реальные опасения, что злодей запросто всунет нож в живот кому-нибудь из оперативников или просто уйдет, и тогда найти его будет намного сложнее, и неизвестно, кого он еще грохнет по дороге. Вон в области два опера явились к вору с обыском. По дороге выпили, слегка расслабились. Пришли к клиенту, тот их впустил, и пока один на кухне писал протокол, вор другого оперативника зарезал, забрал у него пистолет и расстрелял из него того, кто протокол писал. А вроде бы ничто не предвещало, даже не задержание было, а рядовое следственное действие.

От воспоминаний меня отвлек шеф, спросив, чью одежду я отвезла криминалистам.

– Ивановой и Антоничевой, – принялась объяснять я. – Дело в том, что про эти два случая мы точно знаем, что между потерпевшей и преступником был тесный контакт, он ее прижимал к себе, нанося удары, да и, по словам медиков, антропометрические характеристики убийц в основном совпадают...

– Это все хорошо, – прервал меня шеф, – но ведь остальные убийства вы тоже рассматриваете как элементы серии? Или я неправильно понял?

– Да, – подтвердила я.

– А почему тогда вы не отдали криминалистам одежду всех потерпевших?

– Потому что... – начала я и осеклась. А действительно, почему? Уж коль скоро я рассматриваю все убийства как одну серию, то простая логика подсказывает проверить одежду всех потерпевших. Ну и что, что медики считают, что убивали разные люди? Шеф прав, все вещдоки по этим делам надо исследовать в комплексе. – Владимир Иванович, а машину дадите? Мне ж надо до морга доехать, одежду собрать и до экспертизы довести...

Шеф вздохнул.

– И рад бы, Мария Сергеевна, только мы опять сломались. Я на работу на трамвае ехал. Сейчас попробую договориться с РУВД...

Но попытки выцганить машину у милиции успеха не имели. У них там свои проблемы. Из кабинета шефа я вышла опечаленная. В канцелярии меня ждал Горчаков. Он за руку поздоровался с Андреем и повел нас к себе в кабинет.

– Значит, так, Маша, тебя искал твой старый друг Леня Кораблев.

– Это РУБОП? – спросил Андрей. Горчаков кивнул.

– А что ему надо? – поинтересовалась я.

– У него какая-то информация по одному из наших убийств.

– Вот как? А по какому?

– Ну ты же знаешь Кораблева. Мне он говорить не захотел. Он же весь зашифрованный с головы до ног, – язвительно сказал Горчаков.

– А ты же говорил, что его увольняют? – припомнила я.

– Тем более, – отозвался Горчаков. – Он теперь всех подозревает в провокациях. У него после контузии крыша вообще съехала. Хотя он и до контузии был не совсем адекватен.

– Да ладно, – запротестовала я. – Вполне он был адекватен. Ну странен, а не странен кто ж?

– Ой-ой-ой, – сказал Горчаков. – Это у Машки комплекс вины в отношении Кораблева. Он по ее делу контузию получил.

– Как это ему удалось? – заинтересовался Андрей.

– А вот так. – Горчаков загадочно надул щеки. – Поработаешь с Машкой, еще и контуженным останешься. Она – женщина опасная, имей в виду.

– Да он пошел в адрес злодеев задерживать, а два урода из ваших руководящих органов обещали ему спину прикрыть и обманули, – объяснила я Синцову.

– Ах, это он по делу взрывников подорвался? – вспомнил Синцов.

– Ну да, – сказала я с досадой. Очень долго эта история с контузией Кораблева причиняла мне душевные муки: я винила себя в том, что ненадлежащим образом организовала работу по делу, поскольку все это произошло практически в моем присутствии.

Правда, Кораблев, подорвавшись на закладке взрывчатки в квартире, где сидел злодей, отделался контузией, но легко говорить об этом, а когда помотришь на мелко трясущуюся голову Ленки, контузия не кажется легким испугом. Теперь он приобрел привычку часто покашливать, пытаясь хоть так скрыть свой физический недостаток, и когда я его встречала, у меня разрывалось сердце от жалости. Его чудом не комиссовали, а вот теперь из-за чего-то увольняют, и, зная об особенностях его частной жизни – нет ни семьи, ни родных (жена с дочкой уехали во Францию несколько лет назад), живет он в густонаселенной коммуналке, и даже кот его бросил, по его же собственному признанию, – я чуть не до слез переживала.

– Слушай, а за что его турнуть хотят? – спросила я у Горчакова.

– Нализался в День уголовного розыска, на Староневском требовал, чтобы проститутки его обслужили не за сто пятьдесят, а за сто долларов, поскандалил, с одной из девиц парик сорвал и надел на себя, так его в парике и задержали. Более того, когда за ним приехал ответственный от руководства по РУБОПу, Ленка так и сидел в парике.

Я приснула.

– Позвони ему, – предложил Горчаков. И подвинул мне телефон.

Я набрала кораблевский телефон, и мне тут же ответил глуховатый голос, прерывающийся частым покашливанием; это у него уже настолько вошло в привычку, что он кашляет, даже если его никто не видит.

– Мария Сергеевна, – сразу сказал Кораблев, – надо увидеться, есть разговор.

– Я уже знаю, что по серии, – ответила я, – а по какому убийству?

– Не торопите события, – загадочно заявил Леня. – Подробности – при встрече.

– Отлично, – сказала я, – а ты на машине?

– Опять хотите использовать меня, старого инвалида, в корыстных целях? Все норовят на мне нажить, – горько посетовал Кораблев.

Договорившись с Кораблевым, я положила трубку и спросила Андрея, во сколько похороны.

– В одиннадцать, – ответил он.

– Отлично. Сейчас доставишь меня в убойный отдел, там ждут бомжи, поприсутствуешь немножко и поедешь на похороны. А из убойного меня заберет Кораблев, мы с ним съездим в морг, я назначу экспертизы, отвезу шмотки с убитых женщин, а вечером, Андрюшенька, когда ты освободишься, придется поехать по местам происшествий.

– Тебе не страшно с контуженным Кораблевым ездить? – спросил Горчаков.

– Нет. Мне и с пьяным Кораблевым не страшно было ездить, а с контуженным и подавно.

– Слушай, а чего ты журналиста не используешь как водителя? Он же на колесах, – продолжал Горчаков.

– А ты ездил с ним? – поинтересовалась я.

– Нет.

– Так вот, сообщаю, что его машина может развалиться в любой момент, поэтому я выбираю контуженного Кораблева. А если серьезно, то журналист отпросился на сегодня, ему в редакции что-то надо уладить.

Мы с Андреем собрались и отбыли; на пороге меня перехватил Горчаков и попросил задержаться на два слова. Андрей тактично пошел к машине, а меня Горчаков за рукав втащил обратно в кабинет.

– Послушай-ка, ты с Сашкой вчера не помирилась? – озабоченно спросил лучший друг и коллега.

– Леша. Все ведь при тебе происходило. И ушли вы все вместе.

– А может, он вернулся? – с надеждой предположил Лешка.

– Успокойся, не вернулся.

– Вот дурак! – в сердцах прокомментировал Горчаков.

– А я тебе что внушаю вот уже полгода? Конечно, дурак, не может просто поговорить со мной. Вот и дождется.

– Да, похоже, дождется. А теперь скажи мне, как другу: ты что, Синцову голову кружишь? Я искренне изумилась:

– С чего ты взял?

– Да я вижу, как он на тебя смотрит.

– Интересно, как? Мне кажется, что он на меня вообще не смотрит.

– Папу не обманешь, – важно покачал головой Горчаков. С возрастом он все больше становится похожим на итальянского отца семейства. – Я вас всех насквозь вижу. К тому же от него жена ушла.

– Ну и что? Я-то тут при чем?

– А при том. Я-то знаю, как он в тебя был влюблен, когда вы в последний раз вместе работали...

– Синцов?! – я оторопела.

– Синцов. Что ты так вылупилась? Я же все видел. Он любой повод использовал, чтобы приехать к тебе в прокуратуру, повидаться. Да и мне кое-что говорил...

– Вот это новости! А почему я об этом ничего не знала?

– А потому что тебе говорить было бесполезно. Ладно, иди, а то он на похороны опоздает.

Надо же, оказывается, Синцов был в меня влюблен несколько лет назад, а я и не заметила, а еще говорят, что женщины чувствуют это на подсознательном уровне. Я искренне верила в его дружеское ко мне расположение, но не больше.

И совершенно нормально восприняла то, что он женился. Вот это фокус! Интересно, а что это он сейчас-то глазки отводит, на меня старается не смотреть? И жена его бросила... Всколыхнулись бывшие чувства?

В полном душевном смятении я села в машину. Теперь уже мы оба не смотрели друг на друга. Поездочка получилась веселая.

* * *

В коридоре отдела по раскрытию умышленных убийств, куда меня привез Синцов, терпеливо дожидались два натуральных бомжа, по уши заросшие клочковатыми бородами, одетые в невообразимое хламье и жутко вонючие. Убойщики будут еще неделю проветриваться после этого визита, подумала я, проходя мимо парочки и стараясь не морщиться.

С эстетической точки зрения их допрос вылился в нешуточное испытание, особенно после того как один из них, навалившись на стол передо мной, вдруг снял что-то со своего рукава и, зажав между пальцами, поднес прямо к моему лицу.

– Вошь, – сказал он довольно. – Как я ее ловко?!

Я кивнула головой, еле сдерживая тошноту. У меня вдруг нестерпимо зачесалось все тело. И мы продолжили составление протокола.

Пока было неясно, какую ценность представляют показания этих двух достойных членов общества. В общем и целом мы стали обладателями информации о том, что в последнюю субботу сентября, то есть ровно за неделю до своей смерти, Женя Черкасова (в этом уже не было сомнений, бомжи четко описали ее пижонское пальто и даже отметили необычные пуговицы, после чего уверенно опознали Женю по фотографии) некоторое время стояла в парадной дома, где впоследствии был найден ее труп. Бомжи, пройдясь по окрестным помойкам, около семнадцати часов тихонько заглянули в парадную – время мы установили общими усилиями, путем утомительного сопоставления различных запомнившихся им событий, – и увидели там незнакомую девушку. Они хорошо знали весь дом и старались без нужды не попадаться жильцам на глаза, что было вполне объяснимо, так как у жильцов тут же возникали опасения за судьбу дома, в подвале которого устроено бомжацкое лежбище. Но эту девушку они раньше не видели и на всякий случай почли за благо отойти на запасные позиции. Мало ли что, кто она и зачем тут? Они тихонько вышли из парадной и направились к пивному ларьку.

Вернувшись примерно через час, они беспрепятственно прошли в свой подвал. Девушки в парадной уже не было.

– А куда она делась, вы не можете сказать? – пыталась я их поочередно. – Ушла вообще из парадной или поднялась в какую-то квартиру?

Бомжи пожимали плечами. Я вглядывалась в их лица, стараясь не дышать носом.

– А раньше вы никогда ее не видели? – на всякий случай уточняла я. – Вспомните, может, она уже приходила, только одета была по-другому?

Но ответы были отрицательными. А учитывая, что после нескольких всего-то минут наблюдения за девушкой, они спустя полмесяца выдали исчерпывающий портрет, в их наблюдательности сомневаться не приходилось.

Я провозилась с бомжами около двух часов. Синцов давно уехал, оставив мне списки жильцов парадной, и я вместе с участковым и оперативником просматривала их, обсуждая ту скудную информацию, которой располагали о жильцах работники территориального отдела милиции.

– Дом после капремонта, – сетовал участковый, – все жильцы новые, правда, спокойные.

– Конечно, – вторил опер, – там все квартиры отдельные, а что за закрытыми дверями творится, нам неведомо.

Общими усилиями мы выяснили, что молодых людей среди жильцов парадной практически нет. Дом трехэтажный, по две квартиры на этаже. Внизу – пожилая армянка, еле передвигающаяся из-за частичного паралича, живет одна, раз в месяц к ней приезжает сын, средних лет, весьма приличный, в период, когда было совершено убийство, его в доме не видели. А в квартире напротив еще одна пожилая женщина, вполне еще бодрая. Вряд ли она замочила несчастную Женю, на этом мы сошлись единогласно.

На втором этаже – две семьи, в каждой из которых муж, жена и ребенок, десяти и двенадцати лет. Люди положительные, и несмотря на то, что в одной из семей муж пьющий, пьет он, по наблюдениям участкового, тихо, не буянит, старается в любом состоянии добраться до дома. Во всяком случае, его трудно представить перерезающим горло посторонней девушке в подвале.

Третий этаж для нас тоже особого интереса не представлял. В одной квартире – мужчина пятидесяти лет, инвалид, пенсионер, передвигается на инвалидной коляске, хотя бывает, выбирается из дому с помощью знакомых. Другая квартира пуста, еще не заселена после капремонта.

– А когда дом-то сдали? – уточнила я.

– Два года назад.

– И все еще квартира не занята? – усомнилась я.

– Конечно! Наверняка администрация какие-то мули крутит, – раздался сзади до боли знакомый голос, прерываемый характерным покашливанием.

Я обернулась.

В проеме двери стоял Леня Кораблев собственной персоной:

– Ну что, поехали? Карета подана.

– Сейчас, Ленечка, еще пять минут, – засуетилась я.

– Вот так, – горько сказал Кораблев, – вот так встречают старых друзей, потерявших здоровье на государственной службе... Вот так обходятся с людьми, ставшими инвалидами по вашей милости...

Голос его задрожал. Он присел на стул у двери и закрыл лицо руками. Милиционеры обалдело смотрели на эту душераздирающую сцену. Я подошла к Кораблеву и присела перед ним на корточки.

– Ленечка, – сказала я, – кофе хочешь?

Леня отнял руки от лица и совершенно нормальным голосом ответил:

– Конечно, хочу. Давно бы так. А то – «Поехали, шеф»... Ну, где кофе-то?

Он поднялся, прошел к столу и тронул столешницу пальцем.

– Вот, – он сначала сам придирчиво осмотрел подушечку пальца, а потом продемонстрировал ее всем присутствующим, – вот в таком хлеву вы живете. Нет, чтоб тряпочкой протереть... Вот так и к работе относитесь. – Палец он так и не опустил и тыкал его в нос оперу и участковому, которые не знали, что ему ответить.

– Леня, кончай воспитывать взрослых людей. А вы, ребята, не обращайтесь внимания, – сказала я местным сотрудникам.

– Ну чего, кофе-то налить? – опомнился один из них.

– Не, – с достоинством отказался Кораблев и даже заслонился ладонью, как щитом. – Я уже расхотел. Да и нельзя мне кофе, мотор что-то пошаливает... – И он схватился за левый бок. Опер с участковым переглянулись и пожали плечами.

Я быстро собралась и, конвоируемая трагически кашляющим Кораблевым, отбыла из убойного отдела.

Машину Кораблев водил так же безапелляционно, как и раньше. Хотя водителем он был виртуозным, все вокруг ехали не так и были виноваты.

– Ленечка, ну расскажи мне, как ты живешь? – спросила я, как только мы тронулись.

– Враги! Кругом враги! – ответил Леня. – Подстава со стороны организованной преступности.

– А что случилось-то?

– Если я расскажу, вы прослезитесь. Увольняют меня, из-за сутенерских наветов. Но мы еще поборемся. Вот, жду ответа из комиссии МВД.

– Может, тебе помочь? Ты мне расскажи, что случилось. Да осторожней ты, девушку не задави!

– Вы же знаете, я суперводитель, – сказал Леня, с визгом притормозив машину перед пешеходным переходом, по которому переходила дорогу молоденькая девушка с совершенно ангельской внешностью. Машина встала как вкопанная, ровно в одном сантиметре от подола девушкиного плаща. Девушка повернулась в нашу сторону и, не меняя выражения ангельского личика, произнесла, судя по артикуляции, – голоса ее из-за закрытых окон машины не было слышно, – какое-то чудовищное ругательство, состоящее из нескольких матерщинных степеней, после чего спокойно продолжила свой путь. Даже Леня, и тот крикнул.

– Так вот, – стал рассказывать Кораблев, когда мы двинулись дальше. – Слушайте леденящую душу историю. Пятое октября. День уголовного розыска, это святое. Ну да, усугубил немного, ну и что?

– Так тебя из-за пьянки, что ли?..

– Ха! Когда это Кораблева увольняли из-за пьянки?! Провокация была, вот что. Привязались ко мне две девки на Староневском. Просто проходу не давали. Ну я их повоспитывал немного – мол, зачем они своим торгуют телом от большого дела вдалеке. Да еще так задорого...

– Это они к тебе пристали? – заинтересовалась я, сравнивая Ленкин рассказ с информацией, полученной от Горчакова.

– Ну не я же. Да еще за такие деньги. Могли бы и скидку сделать старому солдату в День уголовного розыска. Профсоюза на них нету. А тут милиция подъехала, которая с них кормится. Ну меня и замели. Ни за что.

– А что там с париком было? – полюбопытствовала я.

– С каким париком?

– Говорят, ты с одной из девиц сорвал парик и на себя напялил...

– Слушайте больше, – возмутился Кораблев. – Он с нее просто слетел. А я поднял. Так вместо того, чтобы спасибо сказать, она оскорблять меня стала. Даже плюнула в меня.

– А парик?

– А что парик?! Что вы привязались ко мне с этим париком? Голова у меня мерзла, я его и надел. А главное, чтоб он не потерялся.

– Слушай, а чего это ты в День уголовного розыска нализался? День РУБОПа же в ноябре?

– Ну я и в ноябре отмечу...

– Понятно. Рассказывай, что у тебя по моему убийству.

– Ма-ария Сергеевна! Ну как вы можете! Учишь вас, учишь...

– А что такое?

– Ну как это можно говорить – «по моему убийству»? Вас-то пока еще не убили.

Я усмехнулась:

– Хорошо, по убийству, находящемуся у меня в производстве.

– А! Есть у меня один «барабан». Так, подстукивает кое-что по линии организованной преступности...

И пока мы ехали, Леня, часто покашливая, рассказал, что буквально вчера к нему прибежал этот его осведомитель с донесением о том, что представителям некоего преступного сообщества поступил заказ на убийство.

– Кого? – спросила я без всякого интереса, поскольку меня в данный период моей жизни больше интересовали уже случившиеся убийства. К тому же я была далека от мысли, что все эти несчастные женщины, найденные в парадных, были замешаны в наркоторговле или нефтяном бизнесе и убиты по заказу преступных структур.

– Вот кого – не знаю. И «барабашка» мой не знает. Зато знаю, от кого заказ.

– Ну и от кого же? – так же без интереса спросила я.

– Ма-ария Сергеевна! Теряете нюх! А зачем бы я к вам поперся. Да еще в связи с «вашим», – передразнил он меня, – убийством? Заказик из Москвы. Вернее, от москвича.

– Та-ак, – протянула я. – Неужели от Антоничева? От сотрудника администрации президента?

– Ну что ж, – отметил Леня, – не сразу, но все-таки сообразили. Три балла вам за реакцию.

Ошеломленная новостью, я даже не обиделась:

– Что, правда от Антоничева?! Кого же он заказывал? Твой агент к тебе вчера прибежал, а заказ когда был?

– Прямо в тот же день. Он как услышал, так и побежал ко мне.

– Черт! А я уже размечталась... Если вчера, то, значит, он не дочку заказывал?

– Да как вам в голову такое пришло? Люди, которые заказ передавали, так и сказали, что у заказчика недавно дочку убили. Я стал справки наводить – бац, а дело об убийстве девочки Антоничевой у вас в производстве.

– Леня, – затрепетала я, – а что еще известно? Кому он заказывал убийство? Кто от него приходил?

– Да практически ничего, – грустно ответил Леня, – я уже все рассказал. Обидно, но те от заказа отказались.

– Почему?!

– Почему – это я еще выясню. Мой человек не знает. Конечно, если бы они взялись, мы бы знали, кто заказан, и тепленькими бы всех захватили.

– А сейчас это никак не выяснить?! – взмолилась я.

– Мария Сергеевна, спокойствие, только спокойствие. Я же лучший оперативник Петербурга и окрестностей. Вчера только стукнули. А сегодня я уже с вами говорю. Что возможно – установим. Вы Антоничева еще не допрашивали?

– Нет еще.

– Понятно. Как всегда, волокита. Вам надо у меня поучиться работать. Но в данном случае это даже хорошо. Допросите с учетом новых сведений. Кто из УРа по делу работает? Местные убойщики?

– Нет, Андрей Синцов из главка.

– Человек надежный?

– Абсолютно, – заверила я.

– Посоветуйтесь с ним. Горячку не порите, – наставлял меня Кораблев в своей обычной манере. А я уже соображала, как использовать последнюю информацию при допросе и что бы значил этот заказ на убийство.

– Леня, а может такое быть, что Антоничев знает, кто убил его дочь? И заказал он именно этого человека?

– Легко. И это первое, что напрашивается.

– Да. Вряд ли бы он стал именно сейчас решать свои политические проблемы, сразу после убийства дочери. Но почему он тогда в прокуратуру не пошел, если знает убийцу.

– Ну уж что там у него в черепной коробке, один господь бог знает, – философски откликнулся Кораблев. – Не доверяет, видимо, прокуратуре. Сразу видно, государственный человек.

– Мне все-таки не очень понятно. Приди он и расскажи то, что знает, все бы так забежали! Один звонок из администрации президента, и сам прокурор города лично бы повестки разносил.

– Может, сам этот дядечка в дерьме по уши. И если за ниточки подергать, то получится, что его самого сажать надо.

– Вот черт! Тогда его бесполезно в лоб спрашивать, все равно не скажет. Слушай, наверное, его пока трогать не надо. Я лучше сначала мать допрошу.

– А вы еще мать не допросили? Ма-ария Сергеевна! Чем вы только занимаетесь? Все небось любовь крутите? Я слышал, вы любовничка-то своего поперли?

– А я вот слышала, что ты в милиции канкан исполнял, когда тебя замели, – сердито сказала я.

– Неостроумно, – надулся Ленья.

– Ладно, не сердись, – примирительно сказала я. – Ты мне сильно осложнил жизнь.

– Ну конечно, – тут же откликнулся несправедливо обиженный Кораблев. – Вот она – благодарность за бесценные сведения, которые я в клювике принес следствию...

– Нет, тебе спасибо, конечно, большое, просто у меня уже был определенный план расследования, а теперь нужно круто перестраиваться...

Не переставая обсуждать неожиданный поворот событий, мы съездили в морг, откуда я забрала несколько тюков с одеждой потерпевших. Пока я их сортировала, пытаясь отделить верхнюю одежду, предназначенную для экспертизы микроналожений, от всей прочей, пришел повидать меня Стеценко. Кораблев, хмыкнув, сообщил, что пойдет покурить, подхватил уже отсортированные пакеты с одеждой и направился к выходу из морга.

Оставшись со мной наедине, Саша подробно рассказал о ходе комплексной экспертизы по серии убийств, вручил мне рукописные выкладки, составленные комиссией экспертов, со своими комментариями и спросил, как продвигаются дела. Я объяснила, что все идет по плану, есть новая интересная информация, в общем, работаю, не покладая рук. После чего мы индифферентно попрощались, и я ушла из морга, про себя отметив, что этот типичный представитель мужского рода – в смысле доктор Стеценко – даже не поинтересовался, как я себя чувствую, хотя вчера уходил от моего смертного одра. Ну и что, что нога уже не болит? А если бы она болела?... А еще давал клятву Гиппократы...

– Ну что, визит не оправдал надежд? – ехидно поинтересовался Кораблев, когда я села в машину.

– Почему не оправдал? – вяло ответила я. – Вот, одежду забрала, предварительную экспертизу получила.

– Да я не о том, – отмахнулся Ленья. – Доктор-то к сердцу прижал? Или к черту послал?

– Ни то, ни другое, – нехотя ответила я.

– Понятно. А все потому, что вы неправильно себя ведете, – наставительно сказал Ленья. – Меньше выпендриваться надо. Живет мужик с вами, значит, надо его грамотно окучивать, в загс сводить, в паспорт штамп поставить, а потом уже выпендриваться, если уж очень хочется.

– Скажи мне, Ленья, а как у тебя с личной жизнью? – вкрадчиво спросила я.

– А что? – насторожился Кораблев.

– А то. Насколько я знаю, у тебя тоже все не идеально, несмотря на то, что ты такой крутой специалист в вопросах любви и дружбы.

– Да уж куда там, – горестно вздохнул Ленья. – От вас, от баб, одни убытки. Представляете, жил я с одной феей...

– Подожди, откуда фея-то взялась? – перебила я его.

– Да вот, познакомился при исполнении служебных обязанностей. Снял я квартиру для нее...

– Для нее?

– Ну, для нас. Жили мы там, поживали, а потом она взяла и меня бросила.

– А лет-то ей сколько, Ленья?

– Да молодая, в том-то и дело, жизни еще не нюхала, не поняла, что ей за меня держаться надо. В общем, ушла она от меня. А вещи свои не забрала.

– Ну и что?

– А то. Хозяйка говорит – вывези вещи. А куда я вещи своей бабы дену? Не в окно же их выкидывать. Полгода Христом богом прошу – вывези вещи, а она – да-да-да, и ни в какую. А я, как дурак, все это время квартиру оплачиваю.

– А зачем ты оплачиваешь?

– Как зачем? Она же вещи не вывозит, а хозяйка с чужими вещами квартиру сдать не может.

– Да, Леня, ты благородный человек. Другой бы выкинул эти вещи, и вся недолга.

– Нет, я так не могу. Собственность – это святое.

– Да? А может, ты и рад, что твоя фея вещи не забирает? Ждешь, что она вернется?

– Ой, только не надо на мне проверять свои дедуктивные способности! Ничего я не жду!

– Ну, тогда плати.

Вот так, с шутками и прибаутками мы добрались до бюро судебной экспертизы, куда сдали верхнюю одежду потерпевших, при этом эксперты, получавшие материал для исследований, не скупилась на беспристрастную оценку нашей деятельности, особенно, когда я заикнулась о сроках. Пожилая экспертриса выдала мне перечень посторонних для одежды потерпевших Ивановой и Антоничевой микрочастиц, предупредив, что это предварительный список, полный будет не раньше чем через две недели, когда они изготовят официальное заключение.

– Я надеюсь, вы понимаете, что мы пошли на это только в порядке исключения, и вы никому эту таблицу не будете показывать. Это вообще против правил.

– Конечно, я все понимаю, Раиса Витальевна, – заверила я ее. – Я дождусь официального заключения, а эти сведения буду использовать только для текущей работы.

– Помните, вы мне обещали, – еще раз предупредила экспертриса. – И еще: зайдите к физикам, там Виктор Евгеньевич вам что-то интересное приготовил.

– Да? А что именно?

– Зайдите к нему, он все вам покажет. – И она выпроводила меня.

Виктор Евгеньевич действительно сообщил мне несколько неожиданные вещи.

– Мария Сергеевна, вы же понимаете, что пока это предварительные данные, – привычно начал он, и я заверила его в полном соблюдении режима секретности, – но я полагал, что они вас заинтересуют. Раиса Витальевна нашла на одежде ваших потерпевших некоторые частицы, которые определила органолептически как частицы не текстильного, а растительного происхождения. И передала их мне.

Он замолчал, сделав мхатовскую паузу. Я терпеливо ждала продолжения.

– Так вот, я провел газохроматографический анализ, и это действительно оказались частицы растительного происхождения, причем происхождения одинакового как на одежде Ивановой, так и на одежде Антоничевой.

– А что за растительные частицы? – я пока еще не осознавала важности момента.

– Каннабиноиды. Наркотик.

– Та-ак, – протянула я. – Что бы это значило? – Представить себе маменькину дочку Риту Антоничеву и почтенную мать семейства Людмилу Иванову в роли наркоманок мне пока не удавалось. Неужели?..

– Не торопитесь с выводами, – осадил меня эксперт. – Эти частицы на одежде обеих потерпевших располагались на задней поверхности. Спереди ничего такого нет.

– Значит, контактное взаимодействие?

– Конечно. Я звонил в морг, вскрывавшим экспертам, и они мне сказали, что убийца захватывал жертву сзади; соответственно, тесно прижимался к ней передней поверхностью своего тела. И перенес на их одежду частички наркотика со своей одежды. Так что ищите наркомана. И похоже, что обеих убил один и тот же.

Что ж, это совпадало с моими версиями. И даже объясняло неоправданную жестокость убийцы. Только не слишком ли: маньяк, да еще и наркоман?

– Виктор Евгеньевич, – я умоляюще сложила руки, – я сегодня привезла одежду остальных потерпевших, посмотрите и ее тоже на эти самые каннабиноиды?

– Если Раиса Витальевна подключит меня, тогда конечно.

– Ой! – Я вспомнила, что с места убийства Риты Антоничевой мы изъяли наркоманские шприцы. Правда, их я отдала в наше РУВД, в экспертно-криминалистический отдел, ни на что особенное не надеясь, но в свете того, что сообщил мне Виктор Евгеньевич, мы имеем шанс получить даже группу крови преступника – если шприцы с «контролем», то есть с кровью, которая попадает в полость шприца, когда наркоман, вколов дозу, проверяет, попал ли он в вену, слегка оттягивая назад поршень шприца.

Я договорилась с Виктором Евгеньевичем, что заберу у наших милицевских экспертов шприцы и привезу ему, чтобы он проверил соответствие наркотика в шприцах частицам наркотика, собранным с одежды потерпевших.

В разъездах по экспертизам прошел день, и мы дождались наконец, когда освободился Синцов, и встретились с ним у дверей прокуратуры. Меня, конечно, распирало, и я уже на ходу начала рассказывать ему о заказе со стороны Антоничева.

– Слушай, Андрюша, а он на похоронах был?

– Нет, на похоронах его не было. Вообще, были только Ритины одноклассники, причем, похоже, врагов она действительно не имела. Ну и родственники пришли, что характерно – по материнской линии. От папочки даже венка не было.

– А чего говорили на эту тему?

– А ничего. Про папу вообще не упоминали.

– Странно, что папа на похороны не пришел, – сказала я задумчиво, – хотя он на моих глазах скорбел неподдельно.

– Похоже, что он уже в Москву уехал.

– Хорошо бы это точно узнать.

– Да уж конечно, – вмешался Кораблев. – Давайте мне этот кусок, я буду Антоничева отрабатывать, а то на вас надежды мало.

Мы стерпели это от Кораблева. Они с Синцовым еще посекретничали, как именно следует отрабатывать Антоничева, чтобы не спугнуть, и Кораблев отбыл, ворча и покашливая.

– Мне не терпится маму Риты допросить, – поделилась я с Синцовым. – Как ты думаешь, она завтра будет в состоянии со мной общаться?

– Могу тебя обрадовать, она и сейчас уже в состоянии. Вообще она неплохо держится и даже спрашивала меня, почему ее еще не вызывали. Так что, если хочешь, можно к ней подъехать. Там с поминок уже все разошлись, а ей надо немного отвлечься.

Андрей оказался прав. Ритиной маме явно лучше было сегодня находиться в обществе. Она не рыдала и не билась в истерику, но я по опыту знала – такое горе, затаившееся в остекленевшем взгляде, переносится куда труднее.

Следы поминок уже были убраны, соседи по коммунальной квартире помогли вымыть посуду и уже растащили по своим комнатам одолженные стулья.

Конечно, Ритина мама показала нам альбом с фотографиями Риты, начиная от младенческих, кончая минувшим летом; конечно, все Ритины мягкие игрушки еще сидели на своих местах на Ритиной тахте, и ее школьные учебники были сложены аккуратной стопочкой на секретере рядом с тахтой. В комнате было чисто и очень уютно, и было видно, что еще недавно здесь жили два любящих друг друга человека, несмотря на то, что им приходилось в одной комнате и есть, и спать, и вообще проводить все свое время, а это спокойно выдерживают не все даже очень интеллигентные люди. Матери и почти взрослой дочери жить в одной комнате коммуналки – это будет покруче, чем летать в одном космическом корабле.

Мы с Андреем, конечно, выслушали почти спокойный рассказ Ритиной мамы о том, какой беспроblemной девочкой росла Рита: и в детстве особо не болела, и в школе училась

очень хорошо, и помогала матери. Наталья Ивановна даже и тут не заплакала, хотя глаза ее заблестели еще более лихорадочным блеском.

– Наталья Ивановна, – мягко спросила я, – а кто был Ритин папа?

– Ритин папа? – переспросила она, в мыслях все еще обращенная к своей девочке. – Ах, Ритин папа... Мы же с ним развелись, когда Риточке было шесть. Как раз перед ее школой.

– И вы с тех пор с ним не виделись? – вступил Синцов.

– Нет, почему же... Несколько раз виделись, но он большим человеком стал, я и не навязывалась...

– А как он попал в администрацию президента? – как бы невзначай поинтересовалась я. – Вы же вместе учились?

– Да, в Техноложке. Мы и в школе с ним вместе учились, в базовой школе Технологического института. Я-то в этой школе училась с первого класса, по месту жительства, а он в девятом классе к нам перевелся, с Петроградки ездил. У нас все в Техноложку поступали, кто нашу школу кончал. А тогда, сами знаете, высшее образование было не так доступно, поэтому к нам в старшие классы стекались со всего города.

Мы с Андреем покивали головами.

– Вот мы вместе в Техноложку и поступили, на втором курсе поженились, закончили вуз. Сергей Иванович всегда тяготел к общественной работе, был секретарем комсомольской организации, потом стал внештатным инструктором обкома, а там и вообще в гору пошел.

– А что он за человек вообще, Наталья Ивановна? – тихо спросила я.

– Человек? – Она задумалась. – Вообще-то он человек хороший. Рита в него пошла характером. Я немножко взрывная, а она, как отец. Ровная, рассудительная.

– А чего ж развелись? – будто бы невзначай включился Синцов.

– Ой, – Наталья Ивановна махнула рукой, – даже вспоминать не хочется. Вот вспоминаю и думаю, что теперь бы не развелась, перетерпела бы. А тогда, в молодости, все были максималисты.

– Пил, что ли? – продолжал Синцов.

– Да ну, какое там пил! – махнула рукой Наталья Ивановна. – И в рот не брал, даже по большим праздникам.

– Застукали, что ли, с кем-то? – совсем уже освоившись, в лоб спросил Андрей.

– Да нет, – посерьезнела Наталья Ивановна, совершенно не обидевшись на Андрея. – Хуже.

– А что ж хуже-то? – теперь уже я проявила настойчивость.

– Ой, даже говорить неловко. Все у нас хорошо было, только Сергей играл.

– Играл? – переспросили мы с Синцовым в один голос.

– Играл, причем жутко. Уходил на всю ночь, в какие-то картежные притоны, проигрывал все, даже одежду с себя. Ритка была маленькая, и я каждый раз не знала, на что ей молоко покупать. Все проигрывал, и свое, и мое, и дочкино. Один раз ее сережки проиграл. Сам же ей на пять лет подарил, маленькие такие, золотые шарики. А потом ушел в пятницу играть, а в субботу утром прибежал, забрал их и опять убежал. Потом каялся, прощения просил. Я, говорит, как больной, не могу без этого, просто разум теряю. Вот после этого я и развелась.

– А он? – Мне пришлось потребовать продолжения, поскольку Наталья Ивановна умолкла, видимо, погрузилась в воспоминания десятилетней давности.

– А что он... Вот если бы не это, какой был человек! Красивый, добрый, талантливый. Я и не удивилась, что он так быстро сделал карьеру. В Москву перевелся.

– Наталья Ивановна, а с кем он играл? И где, в каких таких притонах?

– Ой, был у него какой-то знакомый, старше его намного, лет на десять. Тоже Техноложку заканчивал. У него они и собирались.

– А кто они? – продолжал допытываться Синцов.

– А я не знаю, кто-то из его приятелей, наверное, еще институтских. Хотя нет, если бы институтские, я бы их знала, – задумалась Наталья Ивановна. – Наверное, какие-то чужие.

– А знакомого, у которого играли, вы сами видели? Они, кстати, что – у него дома собирались?

– Знакового я видела пару раз, – медленно сказала Наталья Ивановна. – Да, они у него дома играли. Он жил где-то на Фонтанке, во дворах. Дом потом расселили.

– А как же Сергею Ивановичу удалось с такой пагубной страстью сделать карьеру? – поинтересовалась я. – Или он потом прекратил играть?

– Вы знаете, думаю, что прекратил. Слышала, что знакомый этот вскоре после нашего с Сергеем развода разбился на машине. Видимо, Сергею не с кем стало играть, а потом он и вообще в Москву уехал.

– А как знакомого звали? – задал невинный вопрос Синцов.

– Звали его Евгением, отчества не помню, а фамилии и не знала, – добросовестно ответила Наталья Ивановна. – А что? Он имеет какое-то отношение к делу?

– Да нет, просто спрашиваем, – успокоила я ее. – Странно, что Ритин папа на похороны не пришел, вот и хочется о нем побольше узнать.

– Вы, наверное, думаете, что он забыл про Риту? Что вы, он всегда к Рите прекрасно относился, даже после развода. Конечно, виделся он с Ритой за эти десять лет раза три всего, но деньги присылал всегда, звонил часто, у меня интересовался, как Рита растет, нет ли проблем. Я вот думаю, что он стеснялся к Рите приходить, чувствовал свою вину за наш развод.

– А чего ж он на похороны не пришел? – продолжал гнуть свое Синцов. – Вы с ним виделись после Ритиной смерти?

– Конечно. Он как раз был здесь в командировке. Днем, как всегда, мне позвонил, поинтересовался, как Рита, сказал, что деньги за октябрь уже перевел – он мне на книжку слал переводы. А потом уже утром звонил, плакал. – На глазах у Натальи Ивановны тоже показались слезы.

– Значит, он вам позвонил утром в воскресенье? А откуда он узнал о смерти Риты? – Мне это показалось странным. Я промолчала о том, что Ритин папа приходил на место происшествия, когда еще не был закончен осмотр трупа.

Наталья Ивановна задумалась. Видно было, что этот вопрос не приходил ей в голову.

– Даже и не знаю. Во всяком случае, не от меня. А что, это имеет значение?

– Да нет, просто странно, что он на похороны не пришел, раз оказался как раз в это время в Питере, – сказал Андрей.

– А его вызвали в Москву срочно. Ничего в этом странного нет. А потом – ну как бы он себя чувствовал среди моих родных? Его уж все забыли... Но он денег оставил. Все похороны на его деньги и поминки тоже. Мне бы не потянуть было...

– Наталья Ивановна, а где он останавливался, приезжая из Москвы? В гостинице? Или где-то в семье?

– Ой, а я и не знаю, – задумчиво сказала Наталья Ивановна. – Я же ему не звонила, это он мне звонил всегда. В гости-то я к нему не ходила, вот и не знаю.

– Наталья Ивановна, скажите, а Рита могла встречаться с отцом так, что вы об этом не знали? – вступил Синцов. И я мысленно ему поаплодировала за этот вопрос.

Ритина мама задумалась, и я поняла, что она ответит по-честному. До того как она задумалась, я боялась, что она может с ходу сказать «ни за что», просто потому, что ей это не приходило в голову. И Андрей тоже ждал, затаив дыхание. Все-таки это была версия, и ее нужно было проверить.

– Не думаю, – медленно сказала она после паузы. – И не потому, что я ничего об этом не знаю. Конечно, Ритка могла встретиться с отцом без моего ведома и могла ничего не говорить, просто чтобы меня не расстраивать. Только я бы почувствовала, что ее что-то тревожит.

Или волнует. Не могла бы она спокойной оставаться. А она как раз такая безмятежная была в последнее время...

И Наталья Ивановна зарыдала. Андрей обнял ее за плечи. Я накапала корвалола, стоявшего на столе наготове. И пока считала капли, думала, стиснув зубы, что я очень хочу посмотреть в глаза тому, кто убил Риту Антоничеву. В его бессмысленные наркоманские глаза. Я очень хочу его поймать.

Так кончился четверг.

* * *

В пятницу я проснулась в шесть утра. За полтора часа до звонка будильника. Сна не было ни в одном глазу. Лежа на спине и разглядывая потолок, я привычно стала перебирать в уме всех моих потерпевших: и старушку Цилю Шик, и художницу Базикову, и молодых девушек – Анжелу Погосян, Женю Черкасову и Риту Антоничеву, и маму трехлетнего сына Иванову. Зачем их убили? Во имя какой цели? У меня в практике был случай, когда некий урод влюбился в красивую молодую женщину, которая была замужем, счастлива в браке и воспитывала маленького сынишку. Этот псих ее преследовал изощреннейшими способами: подкарауливал на улице, прыгал на нее с крыши, лазил в окно, а когда она недвусмысленно дала ему от ворот поворот, стал расклеивать по институту, где она работала, листовки – мол, такая-то больна венерическими болезнями. Ей, несчастной, пришлось даже сходить в вендиспансер и предъявить коллективу справку, что она здорова. В итоге он явился к ней домой с охотничьим ружьем, хладнокровно застрелил ее, разворотив всю грудную клетку, а потом пошел в милицию и сказал, что она насылала на него порчу, и он вынужден был ее убить. А дальше – заключение психиатрической экспертизы о невменяемости субъекта, принудление, психбольница специального типа на несколько лет, а потом – снятие принудления и освобождение. И овдовевший муж потерпевшей, и осиротевший мальчик.

Только сослуживцы погибшей не поверили в его невменяемость. Они провели собственное расследование и писали во все инстанции, что злодей незадолго до убийства посещал Публичную библиотеку, где брал труды по психиатрии и даже делал в них пометки, а дома у него при обыске обнаружили тетради с выписками из учебников по психиатрии, и что комиссиям врачей он выдавал цитаты из этих выписок...

Но, вмняемым он был или нет, заиклен он был на одной женщине и целью имел если не овладеть ею, то ее извести. А тут? Шесть абсолютно разных женщин, сходства между ними никакого. На чем заиклен убийца? Не педофил, не геронтофил – есть такие, которые испытывают сексуальное влечение к старушкам...

Валяться я больше не могла и встала. На часах было двадцать минут седьмого. Если так пойдет и дальше, мне гарантировано психическое расстройство. Я, жуткая соня, стопроцентная сова, вскакиваю ни свет ни заря, не проспав и шести часов – это для меня невероятно. Если бы дома был Хрюндик, то я бы тихонько встала, приготовила завтрак и в семь часов пошла бы его будить. Мы провозились бы до полвосьмого, я бы сначала уговаривала его подниматься, целуя в теплую макушку, потом стала бы стаскивать с него одеяло и щекотать пятки...

Но Хрюндика не было, и я бесцельно бродила по квартире, потому что в такую рань мне некуда было идти. Прокуратура была закрыта, даже наш жаворонок шеф еще не открыл дверь своего кабинета, экспертные учреждения еще не начинали свою работу, и Синцов сладко спал на своем продавленном диване в кабинете.

Мне казалось, что спали все, весь мир, несмотря на такое славное утро, тихое и солнечное, и только я одна зачем-то вскочила и не знаю, чем себя занять. Такого вселенского одиночества я не испытывала еще никогда. И даже не сразу поняла, что происходит, когда тихо и деликатно звякнул телефон. И тут сердце у меня ухнуло вниз. За время работы следователем

я привыкла к тому, что звонки в шесть утра или в три часа ночи могут означать только одно: надо ехать на место происшествия. Неужели маньяк изменил своим правилам и стал убивать по пятницам? Нет, раз труп нашли только сейчас, значит, женщина, скорее всего, убита вчера. Вчера, пока я ездила по экспертизам и сидела у матери одной из потерпевших... Вчера, когда я считала, что у нас еще целые сутки в запасе и еще кусочек... Сердце бешено заколотилось, дрожащей рукой я сняла трубку.

– Алло, – тихо позвал знакомый голос. – Мария Сергеевна! Это Антон Старосельцев.

Я перевела дух.

– Господи, Антон, как вы меня напугали!

Старосельцев приглушенно засмеялся.

– Вам ли, следователю, бояться ранних звонков?

– А может, я спала, и вы своим звонком меня разбудили?

– Вряд ли. Трубку вы взяли сразу. И голос у вас не сонный. Не спится? Ждете субботы?

– Шутка неудачная, – хмуро ответила я.

– Мне тоже не спится, – посерьезнел Старосельцев. – Хотите, я приеду, и мы сходим куда-нибудь позавтракать?

– Приезжайте, – сказала я.

– Буду через пятнадцать минут, – заверил он и положил трубку.

Я лихорадочно начала собираться. Ровно через пятнадцать минут раздался звонок в дверь. Застегивая манжеты на блузке, я открыла. На лестничной площадке, чуть покачиваясь на носках, стоял журналист Старосельцев.

– Мария Сергеевна, – спросил он вкрадчиво, – а почему вы не спрашиваете, кто за дверью?

Я пожала плечами:

– Ну мы же договаривались...

– Вы же следователь, неужели вы не владеете правилами безопасного поведения?

– Вы что, меня пугаете? – удивилась я.

– Да ну, нет, конечно, но вдруг за дверью враги, которые хотят воспрепятствовать следствию?

– И поэтому в полседьмого утра звонят следователю в дверь, ожидая, что он доверчиво откроет? Самое время, чтобы его расстрелять или похитить.

– А вы что думаете? Что в полседьмого утра преступник не может позвонить в дверь следователю?

– Надеюсь, вы не себя имеете в виду? – ехидно спросила я.

От неожиданности журналист перестал покачиваться и резко опустил на пятки.

– Вы готовы? – спросил он после паузы. – Если да, то прошу! – И он выставил руку крендельком, приглашая меня на выход. – Тут за углом есть чудесная круглосуточная едальня. Блинчики, салатики и все такое.

Но не тут-то было. За моей спиной зазвонил телефон. И вздрогнули мы оба. Я повернулась на каблучках и бросилась к телефону.

– Не спит прокуратурка? Это РУБОПчик беспокоит. – В трубке раздалось знакомое покашливание.

– Что случилось, Леня?!

– Чего это вы так перепугались? – Он засмеялся и закашлялся.

– Ну ты звонишь ни свет ни заря...

– Так пора работать! Вы еще что, в постели валяетесь?

– Нет, я уже давно на ногах.

– Ну-у, хоть к старости стали понимать, что к чему! Сейчас приеду.

– Леня, я собралась пойти позавтракать...

– Не понял! Что, деньги лишние завелись? Уже и чай заварить не в состоянии? Деньги лучше мне отдайте.

– Может, я не одна...

– Тем более, мужику надо кофе в постель подавать, а не в столовку волочить. В общем, я приеду и научу вас жить.

– Заодно и посмотришь, с кем я завтракаю, так? – язвительно сказала я. – Говори лучше, что случилось?

– Приеду – расскажу. – И он повесил трубку. Я повернулась к терпеливо ожидающему меня журналисту:

– Завтрак отменяется.

– Что, совсем? – Он казался разочарованным.

– Нет, просто придется попить чай у меня на кухне. Сейчас Кораблев приедет. Это оперативник из РУБОПа.

– А-а. – Журналист заметно повеселел.

А я побежала на кухню готовиться к приходу придирчивого Кораблева, который наверняка отметит, что коврик перед входной дверью недостаточно стерилен, а сама дверь в пыли, и вообще соль у меня не соленая, а сахар не сладкий. В рекордные сроки из подсобных продуктов я соорудила канapé со шпротами и свежим огурцом, перелила в молочник сливки из бумажного пакета и только что не стояла с крахмальной салфеткой наперевес, ожидая высокого гостя. Антон снял ботинки и пошел за мной, но в процесс приготовления завтрака не вмешивался, позволив себе только спросить, как моя нога, и выразить удовлетворение по поводу моего полного выздоровления.

Меня удивило, что и Кораблев, как ранее Синцов, за руку поздоровался с журналистом, как со старым знакомым. В ответ на мой вопросительный взгляд Кораблев, наклонившись к моему уху, сообщил, что журналист пару раз выезжал с ними на реализации и вообще парень надежный. Такая рекомендация от Кораблева дорогого стоила, в моих глазах это выглядело равносильно тому, что Старосельцев отныне причислен к лику святых. Они, как старые знакомые, перекинулись несколькими фразами о делах, только им понятных, и я пригласила их к столу.

У Кораблева даже сомнений не возникло, можно ли обсуждать добытые им сведения в присутствии журналиста, ну а раз сам Кораблев счел Антона допущенным к секретной информации, то мне и сам бог велел, я даже и не задумывалась об этом.

Но Кораблев не был бы Кораблевым, если бы сразу вывалил то, за чем приехал. Сначала он с чувством, с толком, с расстановкой попробовал канapé, высказал мне ряд рекомендаций, как в приличных домах положено заваривать чай, и попенял на то, что бумажные салфетки в салфетнице сложены поперек, а надо по диагонали. И только потом сообщил, что вообще-то он еще с вечера не ложился, поскольку без отдыха занимается оперативной работой по моему, между прочим, делу. При этом, глядя на свежевыбритого и отглаженного Леню, даже самому выдающемуся физиономисту не пришло бы в голову, что он бодрствует уже более тридцати часов. Хотя я в этом совершенно не сомневалась.

– В общем, Мария Сергеевна, пишите-ка письмо начальнику РУБОПа, что старшего оперуполномоченного по особо важным делам Кораблева Леонида Викторовича надо бы поощрить. – Леня изящно промокнул губы салфеткой.

– Хоть сейчас, – заверила я его. – Я даже не буду спрашивать, за что.

– Да за раскрытие, – лениво сказал Леня и шумно прихлебнул чай.

– Диктуйте, Леонид Викторович. – Я вытащила бумагу и ручку и приготовилась писать.

– Как же, дождешься от вас, – ответил Леня, вытаскивая из кармана микрокассету. – Журналист, у тебя ведь диктофон есть? Давай-ка, подсуетись.

Старосельцев достал диктофон, и через три секунды мы уже слушали, изо всех сил напрягаясь, отвратительную, судя по всему, оперативную запись, к тому же на три четверти состоящую из мата, но Кораблева это ни капли не смущало. Разговаривали двое мужчин, один из которых уверял другого, что кого-то должны грохнуть в субботу, если еще не в пятницу.

«Да говорю тебе, ... твою мать, там меры приняты, – сердился его собеседник. – Как бы его, ... не грохнули...» – «А вы-то дураки ...ные, что отказались, денег бы срубили», – пенял первый. «Надо идиотом быть, чтобы этот заказ взять, – объяснял второй, – там на этой ...ной Озерной народищу, что грязи». В этом месте разговора Антон нажал на «стоп».

– Подождите, – сказал он, – а ведь Озерная пересекается с Героев Комсомольцев, там, где был обнаружен один из трупов. Я читал в вашей обзорной справке.

– Да, труп Жени Черкасовой, – подтвердила я. – Значит, все-таки она неслучайно оказалась в том доме? Было какое-то притяжение...

– Интересно, – Кораблев стал пытливо заглядывать нам в глаза, – вы и труп Черкасовой в серию записали?

– Записали, – кивнула я. – А ты откуда знаешь про труп Черкасовой, Леня? Мы ж с тобой про него не говорили.

– Вы плохо знаете старого сыщика, – вздохнул Леня. – Что я должен был делать, получив эту запись? – Он кивнул на диктофон. – Получив эту запись, старый сыщик первым делом сводки посмотрел за последние месяцы, нет ли чего-нибудь интересного в окрестностях упомянутого места, ан есть.

– Ну, Леня! – восхищенно сказала я. – И когда ты только успел?

– Ну так я ж работаю, Мария Сергеевна. – Леня сделал многозначительное лицо. – Не как отдельные следователи, не будем называть имен, которые только и ждут, когда старые сыщики подадут им раскрытие на блюдечке с голубой каемочкой...

Я сделала смиренное лицо, и Леня тут же отреагировал:

– Вот только не надо на меня так смотреть! Не заслужил! Антоша, нажми на кнопку, поехали дальше.

Антоша нажал на кнопку, и мы стали дальше слушать нецензурную брань, изредка перемежающуюся литературными словами. Но других жемчужных зерен в этой навозной куче мы, к сожалению, не выловили.

– Леня, я не спрашиваю тебя, откуда эта запись, – сказала я Кораблеву, – но хоть ответь, о какой субботе или пятнице идет речь?

– Ну о грядущей, конечно. А пятница уже сегодня. Антоша, дай-ка кассету.

Леня еще раз промокнул салфеткой рот, запихал во внутренний карман протянутую Старосельцевым кассету и откланялся.

– Леня, – судорожно возвала я к нему уже в дверях, – а что ты предлагаешь мне делать в связи со всем этим?!

– Ну, Мария Сергеевна, вы следователь, вы и решайте, – обернувшись, успокоил меня Кораблев. – А со своим дружкой Синцовым договоритесь, пускай он организует в эту субботу патрулирование вокруг Озерной. И Героев Комсомольцев прихватит. Ну, пока.

– Леня! – в отчаянии крикнула я ему в спину, но отклика не дождалась.

Надо звонить Синцову, подумала я и направилась к телефонному аппарату, но он меня опередил. Только я протянула руку к трубке, аппарат звякнул, и, приложив трубку к уху, я услышала голос Синцова:

– Спишь?

– Завтракаю.

– А чая нальешь? Я сейчас подъеду.

Положив трубку, я поняла, что решительно заблуждалась насчет того, что в это ясное утро все спят. Все не только не спали, но и беззастенчиво стекались ко мне в квартиру, как будто у меня тут филиал дежурной части.

Старосельцев терпеливо сидел на кухне.

– Мария Сергеевна, – спросил он, когда я вошла с сообщением, что сейчас подъедет Синцов, – а мы будем предупреждать преступление? Я уже с телевидением договорился.

– Нет, Антон, – медленно ответила я. – Похоже, что не будем. Тут уже такой клубок заплелся, что никакие публикации никого не спасут.

– Ну вот, – вздохнул он, – а я уже материальчик набросал... Ну ладно, нет так нет. – Он покладисто опустил стриженную ежиком голову.

– Еще чая, Антон?

– Да, если можно. – Он подвинул мне свою чашку. – Вы очень вкусно чай завариваете.

Я рассеяннo налила Антону чая, думая о своем. От информации, привезенной Кораблевым, меня скрутило нервное напряжение. Я знала это состояние, когда и сердцем, и умом завладевает одна мысль, и все происходящее вокруг воспринимается всего лишь фоном. Я уже знала, что пока мы не раскрутим этот дьявольский клубок, я буду ходить, сидеть, участвовать в разговорах, даже смеяться, но через пять минут и не вспомню, почему смеялась и на что кивала. Вот и сейчас журналист что-то говорит мне, а я вроде бы поддерживаю беседу.

– Вы хорошая хозяйка, у вас так уютно... Но домовушечка у вас обиженный...

– Что это значит?

– Про домовушечку? Просто в каждом доме есть такое существо, которое или охраняет хозяев, или ссорится с ними и пакостит. Да вы знаете, домовый. Просто не все понимают, что с домовым надо дружить, надо уважительно к нему относиться. Уложить в уголок, сказать: «Домовушечка, это тебе».

– И что, он съест?

– Съест – не съест, а ему будет приятно. Тогда и он что-то приятное хозяевам сделает.

– Хозяина вернет... – машинально сказала я.

– Это Сашу-то? Вполне возможно. Вы вообще со стороны кажетесь идеальной парой, вы очень подходите друг другу.

– Куда положить конфетку? – спросила я и взяла из вазы шоколадную конфету.

Антон показал на край подоконника за занавеской, и я послушно спрятала туда конфету, пробормотав: «Домовушечка, это тебе, угощайся».

– А что же мы тогда не вместе, раз мы такая идеальная пара? – спросила я журналиста, поправляя занавеску после жертвоприношения домовому.

– Размолвки бывают даже у идеальных пар. Но я не знаю, почему вы разошлись. Если вы считаете возможным со мной это обсудить, я попробую найти причину. Я немножко разбираюсь в психологии, имею кое-какое образование...

Странно, но я не возразила. Старосельцев представлялся мне человеком, которому хотелось рассказывать о своих проблемах. Есть такой тип людей, я сама такая. Сколько раз я слышала от своих подследственных – «Сам не понимаю, почему я вам все это рассказываю»; да и не только подследственные, просто знакомые и даже еле знакомые часто выплескивали на меня очень личные вещи, хотя я их об этом и не спрашивала.

Я стала собираться с мыслями, чтобы четко изложить суть размолвки со Стеценко, и меня снова захлестнула волна обиды. Я припомнила все, и меня как прорвало. Сбиваясь, жестикулируя, я стала рассказывать журналисту, почему мы с Сашкой разошлись, и сама не заметила, как уже давилась слезами. А журналист, не отвлекаясь от главной темы, успокаивал меня, поил чаем, даже промокнул мне слезу салфеткой, а потом тихо сказал:

– Мария Сергеевна, а может, это к лучшему? Я имею в виду то, что вы были инициатором разрыва. Ваш друг – мужчина деликатный, и к вам, несмотря ни на что, относится очень

нежно. Я это сам видел. Может быть, он по каким-то причинам хотел прекратить с вами близкие отношения, но не решался на это. Вы человек очень чуткий, наверняка вы на уровне подсознания почувствовали: что-то не так, и сделали то, что сделали.

Я задумалась. В таком аспекте я на свою личную жизнь не смотрела. А что, если журналист прав? Тогда все понятно. И то, что Стеценко спокойно ушел, когда я его об этом попросила, и то, что он за пять месяцев так и не выбрал времени поговорить со мной о наших отношениях... Ну что ж, тогда не стоит и дергать лапами.

Да, в эту версию укладывается все. Только на душе стало еще поганее. И когда в дверь позвонили, я почувствовала облегчение – придет Синцов, отвлечет на себя журналиста, заговорит со мной о делах, и мое уязвленное самолюбие постепенно остынет.

Я подошла к двери и распахнула ее. На площадке стояли двое – Синцов и Горчаков.

– Вы что, теперь парой ходите? – спросила я, посторонившись и впуская их в квартиру.

– А что, нельзя? – спросил Горчаков.

– А почему ты в глазок не смотришь? – спросил Синцов.

– Твой визит для меня неожиданность, – сказала я Горчакову, а потом повернулась к Андрею: – А чего мне в глазок смотреть, я же знаю, что это ты.

– Маша, хотя бы спрашивай, кто там, за дверью.

– Зачем?

– Затем, что придут злодеи, треснут по кумполу, а я потом твои дела расследуй, – доходчиво объяснил Лешка.

– Вот теперь понятно. Хорошо, буду спрашивать. А чего это вы вдвоем притащились?

– Да это я Лешку поднял, чтобы время сэкономить. Сейчас обсудим последние новости, разработаем план действий – и по коням.

Горчаков и Синцов прошли на кухню, и я прямо ощутила, как скрипнуло у них в мозгах, когда они обнаружили там журналиста. Старосельцев же весьма непринужденно их поприветствовал и даже налил чай. Сейчас в нашей теплой компании не хватало только доктора Стеценко. Пришлось открыть еще одну банку шпрот.

– Ну, говорите, чего приперлись? – ласково спросила я, сев за стол рядом с журналистом и подвинув тарелку с бутербродами поближе к Лешке. Они вцепились в пищу, как бомжи в бесплатной столовой.

– К тебе Леня заезжал? – спросил Синцов с набитым ртом.

– Кораблев-то? Только перед вами уехал.

– Мы с ним ночью пересеклись, – продолжал Андрей, прожевав бутерброд, – значит, ты уже знаешь про запись.

Я кивнула. Горчаков к тому времени, как Синцов прожевал кусок бутерброда, уже выпил свой чай, сожрал все, что было в тарелке, и стал бродить по кухне, ища съестное. Он даже заглянул на подоконник, за занавеску. Я не успела и рта раскрыть, как он со словами: «А это ты что, от Гошки, что ли, заныкала?» – схватил конфету, отложенную для домашнего, содрал с нее фантик и проглотил. Мы с журналистом только беспомощно переглянулись.

– Маш, ты извини, что мы так жрем, я просто уже сутки не спал и не ел, соответственно. – Синцов поднял на меня утомленные глаза.

– Мне даже стыдно, – ответила я. – Такое впечатление, что в эту ночь спала только я.

– Не волнуйся, я тоже спал, – сказал Горчаков и кинул в меня скомканный конфетный фантик. Я показала ему кулак.

– Ты спрашивала, чего мы приперлись, – продолжил Синцов. – Хочу внести предложение. Давайте задержим Антоничева.

– Кого?! – спросили мы с журналистом одновременно, но с разными интонациями.

– Папу Риты Антоничевой, – пояснил Андрей. – За организацию заказного убийства.

Я перевела дух:

- Круто. А на чем мы его задержим, на каких доказательствах?
- Ты имеешь в виду, что у нас только оперативная информация? Легализуем, – заверил меня Синцов. – Я с Кораблевым уже переговорил.
- А что ты там будешь легализовывать? Агента рассекречивать? Так тебе и сдал Кораблев своего человека.
- Нет, и сам человек не согласится, – признал Синцов. – Мы запись легализуем, ты же слушала, есть запись магнитофонная.
- Андрей, я-то слушала запись, но ее можно трактовать как угодно, к тому же там никто не называет имени Антоничева. К тому же засветить запись равносильно тому, что засветить Ленькиного человека.
- Маша, легализовать можно абсолютно все. Ты же знаешь, как это делается.
- Ну как ты в данном случае это сделаешь?
- Как это делается обычно. Если, например, нельзя светить прослушивание телефонного разговора, допрашивается опер, который пересказывает содержание разговора, только заявляет, что разговор был не по телефону, а лично, и в его присутствии.
- Так. Одну минуту. Давайте начнем сначала. – Я занервничала и даже вскочила. – Ты ведь не зря притащил ко мне Горчакова. Я даже знаю зачем.
- Не сомневался, – хладнокровно ответил Синцов.
- Ну так как?
- А никак. Я против.
- Маша, – встрял Горчаков, – а чего ты, собственно, против? Тебе предлагают готовое раскрытие, а ты кочевряжишься.
- А меня не устраивает раскрытие такими методами, – обернулась я к нему. – Если тебя устраивает, то давай, действуй. Тебя за этим и притащили, как осла на веревочке, показать, что вы и без меня справитесь.
- Я ведь могу и обидеться, – Лешка отвернулся.
- Извини. – Но я завелась уже так серьезно, что у меня показались слезы на глазах. Журналист очень вовремя тронул меня за плечо.
- Ребята, раз уж вы при мне этот разговор затеяли, объясните хоть, что происходит? Кого и за что вы собираетесь задерживать?
- Популярно объясняю, – заговорил Лешка. – У нас есть оперативные данные, что отец одной из потерпевших заказывает убийство, и это явно связано с преступлением в отношении его дочери. Выходит, он знает, кто убил, и хочет сам рассчитаться с убийцей. У нас также есть данные, что убийство должно произойти сегодня или завтра...
- Обкладываем заказчика – Антоничева, – подхватил Синцов, говоря все это журналисту, но обращаясь, скорее, ко мне, – задерживаем его, колем, узнаем, кого он заказал, и получаем тепленького потрошителя женщин.
- Элегантно, – подвел итог Горчаков и сел за стол. – Маш, налей еще чайку.
- Налей сам.
- Да не злись ты, – примирительно сказал Лешка, наливая чай. – Чем тебе не нравится этот план?
- Он мне не нравится с моральной стороны.
- А что «с моральной стороны»? Мы еще и тяжкое преступление предотвратим – убийство.
- Посадив в камеру отца потерпевшей, мы предотвратим убийство преступника. Который зверски зарезал ни в чем не повинную девочку и еще пять женщин, так же ни в чем перед ним не провинившихся. Знаете, по мне – если мы его найти не можем, пусть хоть Антоничев его грохнет, – ответила я, смотря в сторону, чтобы мужики не заметили, что я с трудом сдерживаю

слезы. Вот дурацкая у меня особенность: все мои переживания тут же проливаются слезами, и мне безумно стыдно, что я не умею себя контролировать.

– Маша, но завтра суббота. И я пока не вижу другого пути выйти на маньяка, – глухо сказал Синцов.

– А ты не допускаешь мысли, что Антоничев не расколется? – спросила я его, все еще отворачиваясь. Я еще злилась на него из-за того, что он точно рассчитал – я буду против, и поэтому привел с собой Лешку Горчакова. Всю эту операцию он запросто может проверить с Горчаковым, тот легко возбудит дело, поскольку формальные основания есть, посадит на трое суток Антоничева, и они будут пытаться его разговорить. Что ж, надо признать, что такой путь раскрытия имеет право на существование. Но во мне все восставало против этого пути.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.